

ПОЛОЗОВ
Виталий

На
бурых
перекатыах

Виталий Полозов

НА БУРНЫХ
ПЕРЕКАТАХ

Виталий Полозов

НА БУРНЫХ
ПЕРЕКАТАХ

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

УДК 821.161.1(430)-31/-32
ББК 84(4Нім=Рос)6-44
П52

Полозов В.

П52 На бурных перекатах: Повесть. — Корталь: Свет на Востоке, 2013. — 400 с.

ISBN 978-966-2089-69-1 (Укр.)

ISBN 978-3-939887-85-0 (Герм.)

Основанная на реальных событиях замечательная повесть «На бурных перекатах» известного христианского писателя Виталия Полозова описывает эпоху гонений, имевших место в двадцатом столетии в бывшем СССР.

Несмотря на то, что книга повествует о гонениях на христиан в этой атеистической стране, в ней, как и во всех произведениях писателя-христианина, отражена победа света над тьмой, истины — над ложью, добра — над злом. И в этой борьбе утверждается единственная надежда человека на Господа Иисуса Христа, на Его преображающую силу.

Редактор: Вальдемар Цорн

Корректор: Елена Пеннер

Верстка и дизайн: Андрей Цорн

Изд. № 01.542

ISBN 978-966-2089-69-1 (Укр.)

ISBN 978-3-939887-85-0 (Герм.)

© «Свет на Востоке», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	9
Часть вторая	57
Эпилог	342

НА БУРНЫХ ПЕРЕКАТАХ

Часть первая

В один из дней августа сорок седьмого на перроне станции Или, что близ Алма-Аты, было так оживленно, как всегда это бывает перед приходом поезда. Тем более, что ожидалось их два, следовавших один за другим с интервалом в полчаса. Собственно, оживление это наблюдалось в послевоенное время по всей стране: кто-то возвращался в свой дом, кто-то все еще ехал с фронта, а кто-то просто ездил в поисках жилья, работы или потерявшихся родных. Людно было и в небольшом, но вместительном зале ожидания вокзала. У окна, справа от входа, где между лавок достаточно много пространства, царил особое оживление. Этот своего рода закуток в ожидании поезда облюбовали в основном инвалиды как из гражданских, так и в сол-

датской форме. Но были здесь и офицеры, сопровождавшие их в пути, и просто любопытствующие. Всю эту публику в данный момент явно объединял какой-то общий интерес. И если бы мы пробрались через толпу, то увидели бы, что зеваки с неподдельным интересом ожидали поединка двух солдат: оба одноногие калеки, они, подогреваемые публикой, готовились выяснить, кто большее количество раз присядет на единственной оставшейся у них ноге. Вот кто-то из публики выразил мнение, что для «соревнования» нужен и судья. Чтобы, значит, все по-честному.

— Ша, граждане, судьей буду я! — зычно выкрикнул молоденький безногий матрос. Он ухватился за лавку сильными руками и ловким, натренированным прыжком уселся на нее. При этом тележку, служившую ему средством передвижения, один из зрителей задвинул под лавку, а стареньким клетчатым пледом с нее заботливо прикрыл обрубки ног матроса. Сам же «судья», не теряя времени, предложил соперникам тянуть жребий из двух спичек. Они были зажаты в его пальцах так, что виднелись лишь их головки. Таким образом, право первым начать приседания выпало тому, что помоложе, поскольку он вытащил короткую. Это был артиллерист с медалями и орденской планкой на груди. Левой ноги он лишился ниже колена, и приспособленный к ней самодельный деревянный протез давал ему возможность обходиться одним костылем, а то и вообще без оного. Итак, соревнованию был дан ход, и толпа затаила дыхание.

— Ра-а-аз, два-а-а, три-и, — медленно отсчитывал сидящий на лавке «судья», а окруженный болельщиками артиллерист приседал, тщательно сохраняя равновесие, с вытянутыми вперед руками и культяпкой. — В-в-во-осемь, де-е-вять, — подхватив счет, выдыхала изумленная толпа. — Де-е... — И вздох легкого сожаления: — Эх, брат Колян, чуток до десятки недотянул.

— Засчитаем Николаю десять, — тоном, не допускающим возражений, объявил матрос. И повернулся к другому спорщику, солдату лет за сорок на вид: — Ну, теперь ты, Серега.

Красный от напряжения, но довольный результатом артиллерист бухнулся на лавку рядом с соперником, покровительственно похлопал его по плечу и незлобно подначил:

— Давай, не подкачай, пехота. Вас же завсегда ноги вырчали: что в атаке, что в откате. — Видно было, что в победе он не сомневался: староват уже пехотинец для таких упражнений: — Ну, давай сюда свою гармозу.

Пехотинец снял гармошку с плеча, поставил на лавку, приподнялся и мелко запрыгал к центру «арены». Пустая штанина его выше колена была подвязана к бедру. То, как тяжело он поднимался и прыгал, сразу же расстроило зрителей. Все они почувствовали неловкость и глупость затеи, и тут же раздался голоса, что не надо, мол, Серега, никаких соревнований. Главную-то победу ты уже и так выиграл. Дескать, она, победа эта, на всех у нас одна.

— Да я только попробую, — улыбнулся солдат. — Если не развалюсь.

— Пусть приседает, — разрешил все сомнения «судья». — Во-первых, я знаю, что он никогда не отступал, а во-вторых, взялся за гуж, не говори, что не дюж. Так я говорю, Серега? Ну, вот. — И махнул рукой: — Начинай!

И он начал. И каждый раз, как только солдат опускался к полу, все готовились его подхватить, полагая, что он уже не поднимется. Так, во всяком случае, казалось многим. Но он неспешно выпрямлялся и снова так же медленно приседал. Вот уже семь, восемь, девять раз... Лица у всех вытянулись. Только теперь стало ясно, что запаса сил у «старика» хватит еще на столько же, не меньше. В отличие от предыдущего «спортсмена» у него не было никаких признаков перенапряжения. И дышал он ровно, без усилий, и эта его виноватая улыбка не сходила с лица. Но вот на десятый раз, уже почти встав, он неожиданно качнулся, потерял равновесие и медленно припал на руки. То бишь, заронился. Его тут же подхватили и усадили на лавку.

— Десять! — с ликованием подытожил матрос. — Ни в чью.

— У-р-ра! — взревели зрители и бросились поздравлять обоих соперников. Посыпались шутки, смех. Все были довольны исходом поединка.

Когда страсти поулеглись, артиллерист придвинулся к Сергею.

— Спасибо тебе, пехота, — пожал он ему руку и тихо добавил: — Избавил ты меня от насмешек. С меня причитается. — Потом взглянул на часы: — Эх, жаль, поезд мой через полчаса, а то бы отметили, а? Слушай, Сергей, а тебе куда? — И только тут увидел, как тот напрягается, чтобы услышать его. Он понял и повисил голос: — Куда, говорю, путь держишь, пехота?

— А-а, путь, — расслышал тот, улыбнулся и повернулся к матросу: — Жора, куда у нас путь наметился?

— Пока никуда, на Ташкент сегодня поезда нету.

— А то бы со мной, а? — предложил Николай. — У нас в колхозе и примут хорошо, и дело какое-никакое найдется.

— Спасибо, Коля, — покачал головой Жора, — но тебе в Сибирь, а там уже морозы на носу. А нас в теплые края помануло. Косточки уцелевшие погреть. Да и хватит вашему колхозу одного инвалида. Куда ж их плодить!

— Ну, как знаете, было бы предложено. Слушай, Жора, я сам не могу сгонять — вдруг опоздаю на поезд. Да и вряд ли чего найду, а ты уже тут, как я понял, все ходы-выходы знаешь. Может, смаракуешь пузырек по-быстрому. Вот деньги.

— Без проблем, Коля, у меня же транспорт! — расплылся в улыбку Жора, пересчитал купюры и пошутил: — Это у вас одна нога здесь — другая там, пока-а это допрыгаете; а у меня обе на тележке. Слушай, а где мой «опель-капитан»? Ага, тута. Давайте, сажайте на катер!

Он вооружился двумя квадратными чурочками и, отталкиваясь ими от пола, покатил к выходу. Сразу от дверей вокзала и до автотрассы, ведущей из Талды-Кургана в Алма-Ату, раскинулся маленький базарчик, где на столах и прямо на полу на брезентовых поlogах были выставлены дары природы: яблоки, груши, помидоры; но особенно много было арбузов и дынь. Здесь не было так людно, как на перроне, лишь торговцы лениво переговаривались друг с другом, да пять-шесть потенциальных покупателей столь же лениво прогуливались от одного стола к другому, стараясь выбрать покупку по душе. Именно по душе, а не по цене: цены были просто бросовыми и доступными любому. А инвалидам в военной форме торговцы давали вообще без денег.

Жора направился к дальнему, у самой дороги, прилавку, но путь ему перегородил остановившийся в центре площади милицейский фургон, известный в просторечии, как «Маруся». Из кабины бодро выскочил молодой, но довольно толстый сержант с крупным мясистым лицом и выпустил из задних дверей трех женщин, одетых в одинаковые черные хлопчато-бумажные костюмы. Кивнув в сторону вокзала, он пожал каждой из них руку, сказал что-то ободряющее и, взяв под козырек, снова нырнул в кабину. «Маруся» тут же рванула с места, обдав их и погодившегося тут моряка на тележке облачком сизого дыма, и через минуту скрылась из виду за придорожными домами. Поперхнувшись дымом, матрос вдогонку обложил сержанта бранью, обозвал его салагой и тыловой

крысой и, почувствовав молчаливое одобрение женщин, приветливо махнул им сорванной с головы бескозыркой:

— Наше вашим, бабоньки! Э-эх, жаль, тороплюсь, а то поговорил бы я с вами о житье-бытье; да рассказал бы, отчего деньги не ведутся. Ну уж, не обессудьте — дела!

— Да ладно уж, мы это и без тебя хорошо изучили, — усмехнулась в ответ совсем еще молоденькая, довольно симпатичная даже в этой робе девушка. — Ты торопись, матросик, не опоздай. А мы тебе прощаем.

— Вот и ладно, — мотнул головой Жора, задержав на ней взгляд. — Как зовут-то тебя, красавица? Никак? Ну, ладно, госпожа «никак», главное в жизни, чтобы на тебя не обижались, — и застучал деревяшками по пыльной площади.

Пожилой казах, к которому он обратился, подозвал к себе мальчишку лет двенадцати, пролопотал ему что-то по-своему, и тот, прихватив деньги и холщовую сумку, задал такого стрекача, что только пятки засверкали. Увидев ребяческую прыть, Жора грустно улыбнулся и вздохнул в печальной завистливости. Кажется, совсем недавно вот так же гонял и он. Аксакал, перехватив его грустный взгляд, протянул ему сочный ломоть арбуза, который тот молча принял и кивнул в знак благодарности. Тогда аксакал, как бы продолжая разговор, показал в сторону трех женщин.

— Эти из решетка, — сказал он на плохом русском и, скрестив перед глазами по два пальца, наморщил лоб, вспоминая слово: — заключений. У нас их тут мно-ого

ходят сейчас свободный из лагерь. — И обвел рукой пространство: — Здесь мно-ого кругом колючий проволок. И мно-ого человек сидит, сам не знает, зачем (Жора понял, что он хочет сказать: «за что»). Низачем сидит. Мужик — еще туда-сюда, он крепкий шайтан, а женщина сидеть совсем нельзя. Она дети должна родить, кормить, вырасти, анау-мынау. Какой враг женщина? — Он повернулся к матросу в ожидании ответа, но, поскольку тот промолчал, сам же и ответил: — Никакой. Вон, видишь, два пошел туда: там река, пристань. Значит, рядом живет. А один на вокзал пошел. — Он вдруг взгляделся попристальнее и недоуменно воскликнул: — Ой-бай, кажется, эта девка я знаю. Неужели он тоже сидел? Такой тихий, добрый всегда был девка. — И лаконично подытожил: — Со всему свету сидит люди. Злой и добрый. Это хорошо?

Жора отбросил через плечо арбузную корку и поднял глаза. Притулившись спиной к заборчику, он внимательно слушал все, что говорил старый казах, и где-то глубоко внутри него закипала злость на весь этот несправедный мир. У калек чувство несправедливости обострено до предела, и взорваться они готовы в любую минуту:

— Ты, отец, забыл еще сказать, сколько дармоедов охраняют этих женщин. Как тот сержант, который только что привозил их. Видел его? Этот жирный боров с автоматом за бабами приглядывал, пока другие на фронте жизнь отдавали. И будет приглядывать до конца жизни. Вояка, тьфу! Всех бы в расход пустить, легче бы дышалось люду. Я бы их всех...

Моряк так заскрипел зубами, что аксакал не на шутку испугался.

— Не надо расход, зачем расход? — забормотал он. — Не надо друг другом истреблять. — И постарался увести матроса от взбудоражившей его темы: — Ты сам Берлин был?

— Не-е, мы с другом в Чехословакии отвоевались. Вот это — он показал на ноги, — за два месяца до победы было. Потом по госпиталям. А у тебя, отец, был кто на фронте?

Спросил и тут же пожалел. У старика на глаза навернулись слезы.

— Два сын там остался, — неопределенно махнул он куда-то рукой. — Старший сын похоронка приходил, потом младший — он такой, как ты, моряк был — тоже погибал. Никто не приходил назад. Я как тебя видел, сразу сын вспоминал. Такой же молодой.

— Оба погибли, значит, — вздохнул Жора. — А служил он где? Воевал, то есть?

— Там, Балтийский море, Ленинград, — неопределенно махнул рукой аксакал и сам перевел тяжкий для себя разговор: — Ты бери арбуз, вот дыня бери.

— А я на Черном море служил, — сказал Жора. — Потом нас в морскую пехоту кинули. Слышал про такую?

— Слышал-слышал, — улыбнулся, даже обрадовался, старик. — Сын тоже писал такой пехота воевал. На этой, как его, — наморщил он лоб, — на сухом.

— На суше, — подсказал Жора.

— Во-во. Ты приходи ко мне, мало-мало расскажи, а? Тут меня все знает. Скажешь: «Баймухан где живет?» Сразу говорят: «Вон там».

— Приду, если не уеду, — пообещал моряк и расплылся в улыбке: — А-а, вот и наш посыльный. Ну, наконец-то. Все жаксы? В ажуре? Ай, молодец, большой рахмет тебе, бала! — И приложил руку к груди: — Улькен рахмет, аксакал. Хороший ты человек, добрый и славный.

Сунув пару четушек под фланельку, он заспешил назад к вокзалу.

—*—*—*—

Едва за Жорой закрылась входная дверь, как к бывшим соперникам подбежал лейтенант, сопровождавший артиллериста в пути:

— Коля, идем скорее. Я выхлопотал места на скорый; это ж мы почти на сутки опередим время, представляешь! Давай!

Николай беспомощно посмотрел на Сергея, и оба, не сговариваясь, развели руками: дескать, ничего не попишешь, отметим в другой раз.

— Я провожу, — вызвался Сергей и вышел с ними на перрон. Тут же подошел «скорый», и через две минуты Сергей уже махал им вслед рукой.

Возвращаться в здание он не стал: здесь, на перроне, было свежо и после ухода поезда стало непривычно тихо, в противовес шуму в зале ожидания. Сложив

костыли у стены, он и сам прислонился к ней спиной и стал тихонько наигрывать на гармошке. Потом, как это часто с ним случалось в последнее время, он полностью отрешился от мира и стал напевать. Совсем недавно он услышал эту песню от такого же, как и он, инвалида; только был тот в гражданском и клянчил милостыню по вагонам. И она запала ему в душу. Было в ней что-то такое, что бередило его сознание: ему даже казалось, что слова ее имеют отношение к его жизни. Но какое — этого сказать не мог. Песня была из репертуара эков, а мелодия грустной, даже тягостной. Люди невольно останавливались, внимательно и с некоторым удивлением рассматривали солдата-калеку, а не увидев обязательной в данной ситуации емкости для сбора денег, задерживались, чтобы дослушать до конца. Он не просил милостыни, просто изливал в песне душу. В то время люди понимали нужды других, или лучше сказать, были готовы понять боль ближнего. Понять и посочувствовать. Тогда страна была совсем другой. И почему инвалид войны поет заунывную песню эков, а не радостный марш, ни для кого не было большим секретом. Почти у каждого из них кто-то был в лагерях.

«Я помню тот Ванинский порт и вид парохода угрюмый, — проникновенно выводил пехотинец. — Как шли мы по трапу на борт, в холодные, мрачные трюмы».

Где-то в середине песни к слушавшим присоединилась и знакомая уже нам женщина из «Маруси». Взволнованная и бледная, она с трудом переводила

дыхание от бега. Не мелодия, не слова, которые ей были хорошо знакомы, заставили ее прибежать сюда, а голос исполнителя. Едва она услышала его, как все в душе оборвалось, а ноги уже сами несли ее к нему. Захватив пальцы рук зубами, чтобы тут же не разрыдаться, она не сводила с инвалида широко раскрытых глаз. И если бы кто заглянул в эти глаза, увидел бы, как вдруг смешалась в них глубоко затаенная скорбь с ни с чем не сравнимой радостью. Но то ли поверить в реальность видения она еще не могла, то ли боялась спугнуть это видение, — ведь сколько лет он вот так являлся ей во сне и неизменно исчезал, — только продолжала она стоять, как изваяние. Это был ее муж, сгинувший в лагерях восемь лет назад. И она, только-только освободившаяся из тех же мест, не могла поверить в такое внезапно свалившееся на нее счастье. Ведь если даже он был жив, то он должен был сидеть еще два года. «Десять лет без права переписки» — таков был приговор тройки...

«Стоял впереди Магадан, столица колымского края». Песня рвала душу своей неизбывной грустью, жаловалась на горечь и пустоту ни за что, ни про что загубленной жизни. И такая была в ней щемящая, безысходная тоска, что невольные слушатели не могли сдержать слез. «Я знаю, меня ты не ждешь и писем моих не читаешь». Последние слова отзывались особой болью, потому что нельзя прочесть письмо, не отправленное адресату. «Без права переписки»... Вето. Могильный холод. Мрак неизвестности. Никто ничего не должен знать.

И все они очнулись, лишь когда затих последний аккорд и солдат, сняв гармошку с плеча, поставил ее у ноги.

— Сережа! — надрывно выкрикнула та женщина и кинулась к нему, но вдруг остановилась во внезапно охватившем сомнении. Солдат вопросительно и как-то беспомощно-жалобно смотрел на нее: он не узнавал ее. А может быть, не хочет узнавать? В одну секунду в голове промелькнули десятки растиражированных по городам и весям историй: вернувшиеся с фронта не ворачиваются в семьи. Привозят с собой боевых подруг. Но во взгляде ее мужа было что-то другое: он явно силился вспомнить ее — и не мог.

— Сереженька! — уже тише проронила она. Подошла к нему, провела рукой по его небритой щеке и приклонилась к нему: — Я все-таки нашла тебя. — И порывисто обняла его, осыпая поцелуями: — Нашла.

Он не отстранялся, но и не отвечал на ласки. И было видно, что пытается, но никак не может понять, почему эта женщина, обливаясь слезами, обнимает и целует его.

— Да не убивайся ты так, мать, — тронул ее кто-то за рукав, и она, обернувшись, увидела того самого морячка на тележке. Он был в бескозырке и фланелевке с видневшейся из-под нее тельняшкой. Сложив на колени чурки, он только что торжественно потрясал перед собой четушкой водки, словно это был отвоеванный у кого-то трофей. Теперь, увидев неординарную ситуацию, он немного растерялся. Но вот, выждав момент, решил все прояснить.

Она узнала его, улыбнулась сквозь слезы:

— Ты все же решил рассказать мне о деньгах, которые не ведутся?

Он не принял шутки и не слишком мягко повторил:

— Не убивайся, говорю, понапрасну. Ну, не спрашивай его, бесполезно. Не помнит он ничего. Да и слышит неважно на одно ухо, погромче говорить нужно. — И охотно пояснил: — Нас с ним обоих фугасом накрыло, когда он меня, раненого, из боя вытаскивал. Вот и остались: я без обеих ног, но с памятью, а Сергей с одной и без памяти. Вроде как уравнили нас. Да ты сама-то кто ему будешь, что так ревешь?

— Жена я его, — всхлипнула женщина. — Вера Медянская.

— Жена, — упавшим голосом откликнулся матрос. Известие явно не обрадовало его. — Да, правда твоя, и он — Медянский. — Жора, как бы ища помощи, огляделся и, не найдя ее, указал на аккуратный палисадник, тянувшийся вдоль перрона: — Пойдемте-ка вон туда, там лавка есть.

Вера ловким движением подхватила гармошку за ремень, и держась за руку безучастно взиравшего на все Сергея, прошла и села с ним на указанной массивной скамейке. Матрос подкатился на тележке, встал напротив и, вскинув глаза на гармониста, повысил голос:

— Сергей, слышь, это твоя жена, Вера. Вспоминаешь? Ну, постарайся.

По глазам солдата видно, как усиленно напрягает он

то, что когда-то было его памятью. На лбу от напряжения проступают капельки пота. Но — тщетно. Сергей виновато улыбается и качает головой.

— Не-а, — вздыхает моряк, и на глаза его наворачиваются слезы, — не вспомнит. А как тут вспомнить, если он полгода между жизнью и смертью дрейфовал?! Это, брат ты мой, такое уж плавание, что, кроме него, вряд ли что упомнишь. — И с неприкрытой тоской в голосе: — Дак ты теперь с собой заберешь его, что ли?

Вера, ни на миг не отпуская рук Сергея, не поняла его тоски:

— Ну, а как бы ты думал? Я ж его чуть ли не десять лет ждала... — И осеклась в догадке: — А как же он на фронте оказался? Ведь он же...

Матрос немного помедлил и вместо ответа вытащил из нагрудного кармана фланельки медаль:

— Возьми, мать. Он ее больше заслужил. Его представили, но не дали. Потому что он штрафник. О штрафбате слыхала? Ну вот, он оттуда. В том бою они почти все полегли. Они впереди нас — морской пехоты — в атаку шли, потому что мы вместе с ними ту высоту брали. Если не сказать — за их счет. Да, потому что они почти все безоружными шли. Только криком и подбадривали себя для большего понта. Ну, а потом вместе, кто в живых остался, удерживали высоту до прихода подмоги. Уже с оружием, которое отбили у немцев. Он мне жизнь спас тогда, так что медаль его и есть. Бери-бери, я все одно не могу ее носить. Вот

когда ему дадут, — а дадут обязательно, — то и я свою приколю. Тогда и вернете ее Георгию Видову, то бишь, мне. Запомнишь? — И пояснил, махнув рукой куда-то в сторону: — Мы тут при госпитале пока обитаемся. Ну, Серега, на прощание! — он тоскливо вздохнул и, запрокинув голову, отпил из четушки. Потом передал другу: — Давай!

По-видимому, лишь теперь до Сергея стал доходить смысл их беседы, и он отстранил предложенную бутылку.

— Я тебя не оставлю, — только и сказал. — И никуда не поеду.

— А никуда ехать и не надо, — прижалась Вера к его плечу. — И уже погромче, глядя ему прямо в глаза: — Мы ведь с мамой твоей здесь, в поселке, живем. И кто сказал, что мы его оставим? Будет жить у нас. У нас дома всем места хватит. Там и память к тебе вернется. Вот увидишь маму свою, и все вспомнишь. Есть, есть, Сережа, у тебя мама, живая еще. Нина Ивановна всего месяц назад у меня на свиданке была. И ждет меня. Я ведь уже три дня как должна была выйти. А вышла вот только сегодня. Сегодня мне вольную дали. Я эти две ночи еле пережила, думала, они никогда не кончатся. А оно вон как обернулось: это же Господь специально придержал меня, чтобы мы встретились... Вот здесь, на перроне. — Глаза ее вновь наполнились слезами: — Если бы вы уехали, то уже никогда бы не нашла тебя. Никогда. — Она тряхнула головой, как

бы прогоняя грусть: — Ну, хватит причитать. Даже не представляю, что будет с мамой, когда мы заявимся к ней. Ждала одну, а тут сразу трое. Все, пошли. У вас вещи-то какие есть?

— Не торопись, мать, — остановил ее Жора и вытащил вторую четушку: — Дай нам с Серегой попрощаться. А уж потом идите. Без меня.

— Жора, ты же знаешь, что без тебя я пойти не могу, — тихо обронил Сергей, и в голосе его моряк впервые услышал нотки упрека: — У меня есть мама, слышал? Неужели ты не хочешь, чтобы у меня появился шанс все вспомнить? — Он в первый раз сам дотронулся до руки Веры: — Ты же сказала, что мы его не оставим? Так?

— Конечно. Мы берем матроса Георгия Видова с собой! Или тебе есть куда ехать? Тогда, расскажи нам, куда и к кому, — попросила Вера. Она видела переживания моряка и как трудно ему расставаться со своим другом, поэтому постаралась ненавязчиво и как можно мягче вызвать его на откровенность.

Ее искреннее участие было так зримо, что Жора, хоть и не сразу, но разговорился. И вышло на поверку, что ехать-то ему как раз и некуда. Детдомовец, он был призван на флот за полгода до начала войны. А до этого успел поработать в порту Одессы, куда приехал из сельской глубинки, чтобы поступить в мореходку.

— Даже девушкой не успел обзавестись, — смущенно признался он, но тут же напустил на себя бравады: — Да оно и к лучшему. А то в каком бы она сейчас положении

оказалась? Тут нормальных-то мужиков не дожидаются, а уж что говорить о таких, как я.

— Это кто как ждет, — мягко возразила Вера, и моряк смутился еще больше, вспомнив только что произнесенные ею слова:

— Ну, как ты ждала, мать, так это, наверное, редкость.

— Нет, Жора, это чаще, чем ты думаешь. А в среде верующих в Бога — это вообще закономерность. Подругому у нас не бывает.

— Ты — верующая? — при упоминании о Боге матрос весь так и подобрался. Если те, первые ее слова благодарности Господу за их встречу он принял как обычное женское присловье, то теперь на лице его отразилась буря эмоций. И Вера уже готовилась услышать упреки, с какими калеки обычно обращаются к верующим, порицая Бога. Сами они почему-то думают, что на это имеют полное моральное право: дескать, если Бог есть, то почему же Он мне... ну, и дальше в полном соответствии со своими проблемами. Но на сей раз она ошиблась. В его глазах блеснул огонек надежды; взволнованный, он весь так и подался вперед вместе с тележкой.

— Ты веришь в Бога? — переспросил он и облизнул пересохшие губы. Получив утвердительный ответ, огляделся по сторонам, словно боясь, что кто-то может подслушать, и попросил: — Давайте, посидим еще чуток. Хочу что-то сказать. Выслушаешь?

— Конечно. Говори, Жора.

— Тогда слушай: я последнее время чего-то во сне все маму свою ищу. А я ведь и не помню ее вовсе. Но вот одно помню точно, — он торопился и так разволновался, что голос его задрожал. Оглянувшись еще раз по сторонам, почти шепотом продолжил: — Лет в шесть это было. Тогда детдомовский сторож наш (мы часто у него в подсобке околачивались) нашептал мне, что родители у меня есть, только отобрали, мол, меня у них. А их самих выслали куда Макар телят не гонял. То ли за то, что против власти были, то ли за то, что в Бога неправильно верили. Но они, мол, все одно за тобой вернутся. Он мне и фамилию мою настоящую сказал, и даже молиться меня учил, да разве бы я что тогда упомянул. Помню, что фамилия какая-то длинная да заковыристая была. Видать, не понравилась она мне. Но думал я только об одном — как бы меня поскорее оттуда забрали. И так мне это в башку втемяшилось, что долгое время меня от окошка оторвать не могли. Все ждал, что придут за мной. Я и сейчас уверен, что старик не врал, потому что вскоре его самого за ту самую веру арестовали, а нам сказали, что он был враг. Тогда нам все показалось таким неправдоподобным да странным: мы его любили, и он нас любил, а тут — нате вам! — тайный враг! И мы хоть и не верили в это, но сказать, конечно, боялись. Больше мы его не видели. Потом потихоньку я смирился, забывать стал. А вот после ранения опять места себе не нахожу: чудится все, что живы родители. Хоть и нет от этого проку: даже если и так, то я ведь

даже фамилии их не знаю. Где искать? Кого искать? Мама зовет, а проснусь — никого. И я так понял, что к смерти это сны мне. Вот жаба и душит, — кивнул он на зажатую в руке четушку, — выпьешь, оно вроде бы и полегчает. Если бы не Серега — давно бы посчитался с жизнью. Но мы нужны друг другу: он — мне, я — ему. С ним хорошо: не укоряет, что из-за меня лишился всего. Никогда не напомним, как тащил меня из того ада. Потому что даже этого не помнит, не говоря уже о том, кем был до ранения. Вроде как заново родился. И сразу без ноги. Э-эх, судьба — индейка, а жизнь — копейка. Теперь вот у него есть ты. А я, такой обрубок, кому нужен? — горестно закончил он и взглянул на Веру.

Она склонилась и ласково дотронулась до него:

— Богу, Жора. Богу ты нужен. И Сергей, и я, и ты — все мы нужны Отцу нашему Небесному.

— Я согласен идти с вами. Буду с вами, пока не надоем.

— Этого не случится, — заверил его Сергей.

— Я тоже так считаю, — поддержала его Вера. — Ну что, тронулись? Здесь совсем недалеко.

Проходя по базарчику мимо аксакала, Жора поприветствовал его как старого знакомого:

— Остаемся здесь, аксакал. Мой друг жену встретил.

— Хвала Аллаху, — двумя руками огладил тот свою седую бородку. — Этот женщин наш, свой человек. Ко мне приходите... не забыл?

— Никак нет, отец. Обязательно навестим.

—*—*—*—

Надежда на то, что при встрече с матерью к Сергею вернется память, не сбылась. Его, конечно же, разжалобили до слез причитания этой старенькой женщины: не веря своим глазам, изучала она каждую черточку его лица и осторожно касалась рук, словно хотела убедиться, целы ли они. Потом, встав на колени вместе с Верой, в тихой светлой молитве к Богу изливали они свою неизбывную радость. Жора, потрясенный трагичностью момента — его друг не может признать мать, — беззвучно плакал в углу комнаты. А когда Вера взялась утешать его, разрыдался и в сбивчивой молитве стал просить Бога простить его. И если он будет прощен, то принять его, как Свое дитя. Ведь это, мол, по его вине друг лишился всего. Потому что память — она для человека все.

Это было покаяние. Неподготовленное, еще неосознанное, вырвавшееся совершенно неожиданно даже для самого Жоры из самых сокровенных глубин сердца; но покаяние чистое, искреннее, жаждущее встречи с Самим Богом. В молчаливом благоговении слушали его женщины, и только изредка Вера тихо просила: «Так, Господи, помилуй его и прими!» Сергей же только в смятении чувств жалобно глядел на них и винил себя за то, что не может вспомнить прошлого и этим порадовать их. И уже потом, по несколько раз на день мать часто садилась около него, гладила его давно поседевшую голову и неспешно рассказывала о

его и их прошлой жизни, озвучивала самые яркие ее эпизоды. И он старательно вникал в те события, но не проживал их, а как бы изучал и запоминал. Так школьник усваивает биографию какого-нибудь значимого деятеля, которую должен рассказать на следующем уроке. Вот только вспомнить и прочувствовать, что это происходило с ним самим, ему не удавалось. Он понимал, что это его мать, но память не ворачивала ему ни детских лет, ни лет молодости, о которых она рассказывала; ни даже тех дней, когда арестовали и на скорую руку расстреляли, как врага народа, его отца, обыкновенного инженера. Потом была и его очередь выслушать такой же приговор, но в последний момент его заменили десятью годами лагерей. Сергей пытался представить услышанное, но тщетно. Ни о приговоре, ни о лагерях у него не было никакого понятия. И уж тем более не знал он, каково было его матери и Вере — обе учительницы русского языка и литературы — скитаться по городам и весям страны, пока не обосновались вот в этой казахстанской глубинке. Поселок этот, как и станция, получил свое название от реки Или, текущей из Китая в озеро Балхаш через южную область Казахстана. Здесь, хоть и в ветхом, но просторном доме с большим участком, отделенным от дороги заплотом из двух параллельных жердей и редко понатыканных сухих толстых стеблей подсолнуха вместо штакетника, доживала свой век родная тетя отца Сергея. Их приезд оказался в радость обеим сторонам. Особые

чувства испытала тетя: одинокая набожная вдова, она и ушла через короткое время к Господу в тихой радости, что есть теперь кому проводить ее к Нему. Ну и что не останется ее дом пуст. Тогда им показалось, что в этом захолустье никто уже их не тронет. Но власти не дремали и тут. Не сумев посадить Веру за религиозную пропаганду (не нашлось доказательств, что у них в доме собирались верующие), ее просто обвинили в хищении продуктов со склада рыбзавода, где она работала, и пришили уголовное дело. Итог: три года лагерей, которые она и отбывала тут же, в Илийском районе. И вот теперь именно здесь судьба свела ее со своим мужем.

Шли дни. Жора менялся на глазах. Ни разу не притронулся больше к спиртному, зато с жадностью читал обветшавшую, чудом не конфискованную у Веры во время тех давних обысков Библию. И где сам, где с ее помощью пытался постигнуть Слово Божье. Еще он навещал аксакала Баймухана, полагая, что память быстрее вернется к Сергею, если его чаще оставлять наедине с родными. Нет, он не чувствовал себя лишним в их семье, но по какой-то непонятной причине его тянуло теперь к старику. А вскоре он и вовсе перешел жить к нему.

И объяснил свой поступок просто: старик был одинок и просил его стать ему вместо сына.

— Хорошо, отец, — ответил Георгий, — давай попробуем. Я постараюсь стать хорошим сыном; у меня

ведь еще не было в жизни родных людей. Но одно могу сказать точно: обузой тебе я не буду.

Это еще больше растрогало старика и вселило уверенность, что он выбрал правильного человека. Нет-нет да и появлялся он вечерами у Веры в сопровождении своего нового сына и подолгу задерживался в их доме, слушая Слово Божье. Жора называл его почтительно Баке, как мог помогал по хозяйству и пытался научить его читать по-русски. Далеко в этом учении они не продвинулись, зато сам Георгий стал демонстрировать такой прогресс в знании казахского языка, что окружающие только диву давались. Кстати сказать, в этом огромном поселке жило на удивление мало казахов, и они были частыми гостями уважаемого всеми Баймухана. И то, что моряк старался говорить с ними по-казахски, доставляло им явное удовольствие. Известно ведь, что лучший способ расположить к себе любого казаха — это заговорить с ним на его языке. Именно один из этих гостей, оказавшийся не последним человеком в судоремонтных мастерских, и надоумил моряка пойти работать к ним в бухгалтерию. Грамоты, мол, у тебя хватает, а инвалидность в такой профессии не помеха, поскольку шевелить и ворочать придется мозгами, а не руками и ногами. И не только надоумил, но и помог туда устроиться. Теперь по утрам Жора выкатывался на своей тележке на обочину трассы, где его, как и других сотрудников, подбирала «коробочка». А вечером таким же образом доставляла обратно. Там на работе он и увидел Валю,

ту молоденькую девушку, которую заметил тогда на площади базарчика. Она пришла в контору по какому-то делу. Увидел — и оробел. И если бы она сама не подошла к нему, вряд ли моряк решился бы на разговор с ней. А раз подошла, то радости от этой встречи скрыть уже не смог. То же самое, похоже, испытала и она и с неподдельным, прямо-таки детским восторгом приняла известие, что Вера нашла своего мужа. Вообще о своей старшей подруге она знала много, если не сказать все: как-никак почти три года в зоне провели бок о бок. Поэтому, узнав, что сам Жора живет недалеко от них, с ходу попросила взять ее с собой после работы. В общем, в тот же вечер подруги встретились и после бурного восторга начались взаимные расспросы. Оказалось, мать Вали умерла, не дождавшись дочери всего две недели. Ну, а поскольку работы в Баканасе для нее не было, то больше ее уже там ничто не удерживало. Да и рада она была убраться подальше от недремлющего ока милиции. Благо, узнала, что здесь в мастерских требуются рабочие руки, и устроилась в стройбригаду. Жила она теперь на другом берегу Или, аккуратно напротив пристани и мастерских, в одном из трех старых, но еще добротных барачков. Больше построек на том берегу Или не было. Они стояли справа от автомобильного моста на яру, прямо у реки, так что до работы рукой подать. А зимой, как сказывали ей соседи по бараку, напрямую по скованной льдом реке вообще пять минут ходьбы.

— Ну, а почему к нам не заходила? — с легким укором спросила Вера. — Адрес у тебя есть. Тут не так-то и далеко.

— Да я каждый день собиралась, — оправдывалась Валя, — но так умогаешься на работе, что уже никуда идти не хочется. Такой груз на душе, так тяжко. — И сама растерялась от сказанного. — Боже мой, а сегодня-то как хорошо! Даже дышится легче легкого. Вроде груз какой с души свалился. Прямо спасибо Георгию, что вытащил к вам.

— Да что я? — смешался Жора. — Спасибо тебе, что пришла.

В разговор он до этого не вступал, тут же вроде как встрепенулся, и взгляды их встретились. И много сказали друг другу без всяких слов. Валя вспыхнула в смущении и засобиралась домой, а он, не решаясь еще что-то сказать, не знал, куда девать свои руки. Это не осталось незамеченным для Веры. Она видела, как зримо тянулись друг к другу два одиночества, и комок горечи подступил к ее горлу. «Кто одинок, того звезда горит особняком, — вспомнились ей стихи Гете. — Все любят жизнь, кому нужна общаться с чудачком? Оставьте боль мучений мне. С тоской наедине я одинок, но не один в кругу своих кручин». Ясно, что Жора никогда не выскажет своих чувств из боязни прослыть тем самым чудачком. Его слова: «Кому нужен такой обрубок?» — так и не уходили из ее памяти. «Господи, — взмолилась она про себя, — помоги этим двум одиноким не пройти

мимо друг друга. Дай им разума соединить свои судьбы!»
Вслух же постаралась говорить спокойно, но голос ее предательски дрожал:

— Ну, что ж, значит, спасибо вам обоим. Подожди, Валя, мы на дорожку помолимся о тебе. Ты не против? А если услышишь, что Бог стучится в твое сердце, вставай и молись вместе с нами.

Вера опустила на колени около Георгия, и в тихой молитве начала благодарить Бога за подаренный вечер с дорогой ей подругой. Молитву подхватил Жора, и это стало такой неожиданностью для гостыи, что она даже не заметила, как сама опустилась рядом с ними на колени. Все ее существо окатило какой-то незримой, ласковой и нежной волной умиления; следом она ощутила необычайно восторженный подъем души, словно кто-то подхватил и понес ее в заоблачную высь на крыльях любви. Она просто захлебывалась от нахлынувшего из ниоткуда счастья, и слезы благодарности любящему Богу потоком хлынули из ее глаз. Сквозь рыдания она стала просить Бога простить ей грехи и затихла в глубоком благоговейном смирении перед Ним. То, что она не сумела сделать в лагере за три года (покаяться в грехах), теперь произошло в одномоментном порыве души. И почему-то верилось, что теперь все будет по-другому. Как и что именно, она не могла еще сказать, но будет обязательно. Именно об этом и говорили ей не менее счастливые свидетели ее покаяния: Вера и Нина Ивановна. То же испытывал и Жора и, не сводя глаз

с Валентины, загадывал какое-то желание. Воистину: «Всеу свое время, и время всякой вещи под небом».

Только Сергей оставался безучастным ко всему.

Уже в октябре они сыграли более чем скромную свадьбу, хотя старый Баймухан настаивал на торжествах. Деньги, мол, у него на такое мероприятие найдутся. И смирился только на том условии, что молодые поступят по казахскому обычаю, то есть первенца отдадут ему, как отцу и деду, на воспитание. Ну и чтобы жили с ним, а не в том бараке, куда они задумали было переехать. Условия были приняты, и свадьба состоялась. Ни у кого из окружающих даже не возникло мысли шутить по поводу жениха, его физического недостатка. В свободное от работы время Жора стал заниматься резьбой по дереву и потихоньку украсил дом Баймухана снаружи разнообразными персонажами из детских сказок. И еще одно не забывал бывший моряк: занятый днем, вечерами он шел молиться с Вале́й о Серге́е. Однажды почувствовав свое собственное спасение для вечной жизни, он был просто одержим мечтой о том же для своего друга. А для этого тот должен был вновь обрести память. Но время шло, а Сергей так и оставался безучастным ко всем молитвам. И вот уже в душу моряка начинает закрадываться сомнение в действенности их молитв. Даже увещевания Веры, что у Бога на все есть Свой план, уже не столь ободряли его. Он видел, как Сергей все больше замыкается в себе, очевидно, от безуспешных попыток что-то вспомнить. Как-то в разговоре

Вера упомянула его бывшую страсть к рыбалке, и Жора тут же отреагировал. Уж кого-кого, а рыбаков на работе было предостаточно, и он выпросил у них для своего друга бамбуковое удилище. И Сергей натурально ожил. Совсем кстати оказался заядлым рыбаком и их сосед-пенсионер, с которым они ранним утром стали уходить на реку примерно за километр от дома. Дорога совсем не утомляла Сергея, другой раз ему даже приходилось поджидать отставшего напарника. В конце октября еще стояли теплые дни, и они не пропускали ни одного, чтобы не пойти на рыбалку. Иван, так звали соседа, не признавал никаких других снастей, кроме удочки.

— Тут ты с рыбкой как бы соревнуешься, кто кого перехитрит, — рассуждал он. — А закиды, сети да мордушки — это что? Это, брат, за тебя ловят, а ты как надсмотрщик. Тьфу! Голимая скука. Вот так!

Он знал «рыбные места» в заводях Или, и уж во всяком случае на уху они ловили. И вот эта рыбалка и ни к чему не обязывающие беседы с Иваном оказали благотворное действие на Сергея: возвращаясь вечером домой, он все чаще стал шутить и смеяться.

Домашние же его продолжали молиться и смиренно ожидали того дня, когда он вернется в свою жизнь. Нетерпение выказывал лишь Жора. Свое появление у Веры он всегда начинал с обязательного: «Ну, как? — И сам же себя успокаивал: — Ничего, все равно скоро вспомнит».

А между тем ситуация для Веры складывалась тревожная. Один раз ее уже вызывали в милицию.

В кабинете, кроме знакомого ей следователя Пряхина, сидел, закинув ногу на ногу, неизвестный ей мужчина в форме энкавэдэшника. Пряхин, напомнив ей о том, чтобы не забывала отмечаться, вдруг туманно намекнул, что, мол, не стоит «воду мутить» своими рассказами о Боге. Тем более, втягивать сюда казахов.

— Откуда такая информация? — спокойно ответила она. — Если не считать Баймухана, то всего один раз и были у нас в доме гости-казахи. И было это в день свадьбы матроса Видова, кавалера Ордена славы. Какая крамола может обсуждаться в такое событие? Ну, а сам Баймухан матросу за отца — все это знают.

— Мое дело — предупредить, — раздраженно сказал Пряхин. — О себе не думаешь, так хоть о матросе подумай. Он герой, а ты его в секту тащишь. Я-то с тобой по-свойски беседую, а если что вдруг не так, другой отдел этим займется. — Он понизил голос, вроде как доверяя тайну, и ткнул пальцем вверх: — Вот новый человек оттуда прибыл. Фрол Голованов. Если что, с ним и будешь иметь дело.

Тут и поднялся тот новый. Встал за спиной Веры, положил руки на плечи. Она резко уклонилась и вскочила со стула.

— Тихо-тихо, крошка, — презрительно процедил он сквозь зубы: — Я долго цацкаться с тобой не буду. Насчет моряка я уже интересовался. Смотри, как бы себе дороже не стало. Отстань от матроса.

— Вот вы ему об этом и скажите, — пожалала она плечами.

— Ладно, иди. Навещу как-нибудь.

Она не стала делиться новостью с домашними; если уж взаправду затеяли органы новую травлю, то их ничто не остановит. Только в молитве и смирении преклонила колени перед Богом и все отдала в Его руки.

Не так думал новый следователь Голованов. Он твердо был уверен, что все в его руках. И уже на следующее утро, когда Сергей ушел на рыбалку, а Нина Ивановна — в поликлинику (все чаще стало донимать сердце), появился он в дверях ее дома.

—*—*—*—

Бело-голубой поплавок, долгое время недвижно стоявший на спокойной глади заводи, качнулся, подпрыгнул пару раз и, чуть притонув, плавно пошел вбок, не уходя «с головой» под воду. Сергей подсек вправо и сразу же ощутил тяжесть попавшейся на крючок рыбы. Она пыталась уйти на глубину, тугой струной натягивая леску. Сергей потихоньку ослабил ее, низко опустив удилище, потом снова подвел к себе. Так повторив это несколько раз, он с силой потянул удилище — и на берегу не затрепыхалась, как привычный на сегодня пескарь, а запрыгала, изгибаясь с хвоста на голову, засеребрилась на солнце гладкой чешуей увесистая, чуть не до локтя рыба.

— Маринка! Ловко ты ее, — восхищенно крикнул сидевший тут же Иван. — Эту паву трудно обхитрить.

Вот сколько смотрю, вижу, что навык у тебя хороший. Все же рыбалил ты когда-то, Сережа. Как есть рыбалил.

— Наверное, — довольно рассмеялся Сергей. — У-ух, красавица.

Насадив червячка, он вновь закинул удочку. Поплавок мягко булькнул в воде, скакнул разок и в разошедшихся от него кругах в глаза Сергею зарыбил... месяц! Не солнце — его укрыло набежавшее кудельное облако, — а месяц. Он вскинул голову, и там, чуть поодаль от угадывавшегося сквозь это облако солнца, увидел его. Бледный, тонкий рожок (затронешь краешек, и он качнется!), он то и дело нырял в летящие по удивительно голубому океану неба крохотные облака. Они не закрывали его: просто месяц на мгновение сливался с ними во цвете, и казалось, что это не они, а он несется с огромной скоростью по небосводу. Но вот умчались последние из них туда, к горизонту, увеличив там собой и без того громадное скопление облаков, похожее на вулкан, взметнувшийся к небесам клубами белоснежной лавы, и оказалось, что тонкий рожок как стоял, так и стоит на месте. А все это нагромождение в беспрестанной своей круговерти рвалось на части, образуя то тут, то там пронзительно голубые бездонные глаза-колодцы. Завороженно, в немом восхищении смотрит Сергей на это зрелище; солнце стальным блеском слепит глаза сквозь облачную куделю, и что-то тревожное вдруг шевельнулось в душе. Он опустил голову и прикрыл глаза. Что-то подобное с ним уже было.

Что-то стучится в сердце, ходит рядом с памятью. Что? Нет, никак не вызовет память. Он отыскал глазами поплавок. От легкого ветерка мелко зарябила заводь, и он замельтешил, закувыркался на этой зыби белоголубым мячиком и понесся по воде, подобно месяцу на небе. И так же, как месяц, остался на месте, когда это легкое волнение улеглось. Сергей не сводил с него глаз. Все! Вот оно! Сейчас раздастся гнусавый, ненавистный голос капитана Бузыкина: «Сгною, паскуды! Всех сгною!»

И он раздается, этот крик. Сергей расслышал его так явственно, что вскочил на ноги... Но нога только одна; не удержался и со стоном повалился на песчаный берег бывший лагерник Медянский Сергей. И грохот последнего, рядом разорвавшегося снаряда услышал. Но это услышал уже рядовой штрафбата. Вся жизнь перед глазами за одно мгновение! И Вера, жена любимая... И мама... Да ведь тут они. Или нет? Если прошлое вспомнилось и оно столь явно, то нынешнее, настоящее — сон? Где наваждение, где явь? Опомнился, когда затормошил его Иван:

— Сережа, что с тобой, что?

— Иван, я вспомнил. Лагерь вспомнил. Войну. Все. Скажи, у меня сейчас есть жена?

— Есть, Сережа, есть. Вера. Она твоя всегдашняя жена и была.

— Значит, и мама?

— Значит, и она. Нина Ивановна.

— Слава Богу, — шепчет Сергей. Но в разгоряченном мозгу вновь слышится скрипучий, с хрипотцой, будто гвоздем по ржавому железу, голос... И он подхватывает костыли: — Ваня, я домой попрыгаю. Что-то неладно там. Или со мной. Не знаю. Сердце не на месте.

— Да ладно, ладно, иди. А я порыбачу еще и рыбу твою принесу. Клев-то больно хорош сегодня. Да за тобой-то я сейчас и не угонюсь.

Не знает Иван, радоваться ли тому, что ожил мужик памятью или горевать, что ум за разум зашел. Ну, да ладно, мол, к вечеру выяснится.

Только поднялся Сергей к дороге, тут на удачу Баймухан на бричке с бахчи возвращается. Подсадил попутчика, и — чух-но! — запылила арба по степной колее к поселку. Качается, болтается из стороны в сторону допотопная бричка, скрипит несмазанными колесами, трясется на ухабах — того и гляди, развалится. Но все быстрее, чем на костылях. И даже тряска дорожная не выводит из памяти страшный образ лютого начальника.

Тайшетлаг, 305-я командировка (лагпункт), и новая забава капитана: избитого до полусмерти, с переломанными ребрами и едва в сознании зэка Медянского бросают на плот и «пускают в плавание» по реке. Вроде как побег замыслил мужик. Расчет прост: смоем на порогах или сгинет на заторе. И когда найдут тело, все переломы будут легко объяснимы. Ну, это так, на случай, если вдруг кому-то взбредет в голову этим заниматься. Слух такой был, что за насильственную

смерть зэка отвечать придется. Дескать, нужны они фронту. И даже, мол, комиссия ездит по лагерям и вот-вот сюда приедет.

Избили его урки якобы за то, что много перечил бригадиру на сплаве и сам метил на его место. Вот они и показали ему, где его место. На самом деле «проучили» его по негласному приказу Бузыкина. Да этого не скрывал и сам капитан. Этого жестокого офицера боялись не только зэки, но и многие из его коллег. Особую, прямо-таки патологическую ненависть испытывал он к образованным зэкам и верующим. Первых ненавидел за то, что, как ему всегда казалось, в душе они подсмеиваются над ним; вторых — что все сносили терпеливо, в смирении, уповая на какого-то Бога. А одно упоминание о Боге приводило его в ярость. Медянского же он ненавидел за то и другое. И по поводу (хотя какой нужен повод волку, чтобы сожрать ягненка?), и без повода всячески старался унижить бывшего учителя географии. Тот хоть вроде и не числился в верующих, но также никогда не пресмыкался перед всемогущим капитаном. А именно таковым тот считал себя. Мало того, он даже позволял себе указывать на нарушение какой-нибудь статьи конституции, о которой Бузыкин вообще не имел ни малейшего понятия. Этой «наглости» перенести капитан не мог и упрятывал «умника» — уж в который раз! — в БУР. Это его «сгною!» Сергей слышал по нескольку раз на день. И вот финал. Урки переусердствовали как раз тогда, когда появилась опас-

ность ответа за преступление. Поэтому и распорядился капитан отправить Сергея «наблюдать за небесными светилами». Ну, раз он учитель географии.

Плот раскачивало и бросало в разные стороны; он то нырял вниз — и холодная вода окатывала все тело Сергея, то взмывал вверх — и каждый такой скачок причинял дикую, нестерпимую боль. Нащупав сучки на бревнах, он судорожно вцепился в них, чтобы хоть как-то удержаться на плоту. Сознание, что осталось жить считанные минуты, безысходной тоской заполонило душу: неужели конец? Теперь уж точно никто не узнает, что его оклеветали, что сидел он совершенно безвинно! Как и его отец, невиновность которого он по наивности своей хотел кому-то доказать. Вот и доказал. Прощай, мама. Прощай и ты, Вера. Не помогли, как ты обещала, твои молитвы. Не спасли. В последнее время она пришла к вере в Бога, и он терпеливо и снисходительно относился к этой ее причуде. В их отношениях всегда была какая-то трогательная нежность и уважение чувств друг друга. Но если в той их жизни еще как-то можно было предполагать, что Бог есть, то здесь, в этой глухомани, было ясно как день, что Его нет. Но почему-то сейчас Сергею страстно захотелось, чтобы Бог был.

«Господи, если Ты есть, помоги! — взмолился он в последней надежде и, ослабив занемевшие пальцы, устремился в небо неподвижным взглядом: — Все!»

И тут, на очередном излете плота, он на мгновение

увидел на горизонте месяц, и показалось, что тот в приветствии качнул ему своим рожком. Что-то екнуло в сердце: «Месяц народился! Жизнь обновляется! Это знак мне!» И уже без всякого сомнения истово зашептал, не сводя глаз с неба: «Спаси и помилуй, Господи! Спаси и помилуй!»

Боль то ли утихла от холодного душа, или он попросту перестал ее замечать, но наступило в душе удивительное умиротворение: не равнодушие к судьбе, а смиренная уверенность, что его услышали и помиловали. Он еще что-то бессвязно шептал, как вдруг плот со страшной силой налетел на какое-то препятствие; от удара он вздыбился, потом накренился, и Сергей, перекатившись через пару бревен, потерял сознание.

Очнулся он от мягкого прикосновения к лицу ветвей ольшаника, и первое, что увидел, был все тот же месяц, который быстро бежал по небу навстречу крохотным облачкам. Потом, скосив глаза, увидел, что и он сам так же стремительно несется по реке, но почему-то против течения, и интуитивно уцепился за ветку ласкающей его лицо ольхи. И только тогда понял, что лежит на бревнах на месте, а рядом несется водный поток. Непостижимым образом плот развалился от удара на части, и эту парную связку, на которой оказался Сергей, отбросило к берегу, в тихую заводь сразу у изгиба реки. И зэк, не уронивший ни слезы за все время страданий в лагере, теперь беззвучно заплакал в немом благоговении перед Всемогуцим. Он понимал, что Бог не просто спас его от

смерти, но еще и освободил от какого-то неподъемного груза. Только не знал, что это было освобождение от грехов. Он держался за ветви склонившегося над водой прибрежного ольшаника, не сводил глаз с необыкновенно синего в тот день неба и скромно примостившегося невдалеке от солнца месяца. Картина, которая точь-в-точь повторится через три года на реке Или и еще раз вернет к жизни.

Сколько он был в сознании, столько и молился. Потом услышал лай собак и провалился в бездну. Теперь уже надолго.

И тем не менее ему повезло. Хотя бы в том, что подобрали его на территории другого лагпункта, где как раз и были «люди из центра». И не вернули сразу в свою зону, а подлечили здесь. Совсем не по его показаниям стало известно и о делах Бузыкина, в частности об этом конкретном случае. Как выяснилось, весь офицерский состав был не прочь избавиться от одиозного капитана. Правда, сделать это они предпочитали чужими руками. Ну, а раз такие руки погодились, то поспешили выложить о нем все, чтобы не оставить его здесь. «Садист, извращенец...» — это только малая часть из характеристики капитана. Зря он думал, что мужик он всесильный.

Ясно, что его никуда и ни за что не привлекли (честь мундира!), но с первым же отрядом эков-добровольцев, среди которых был и Сергей Медянский, он был отправлен на фронт. Командиром. В том, что это в суц-

ности был для него смертный приговор, не сомневался никто. Вопрос был только в том, чья пуля избавит человечество от патологического маньяка, помешавшегося на издевательствах над людьми. Пуля ли от врага при атаке в лоб, или в спину от однополчанина, который ему едва ли еще не больший враг. Последний исход был более вероятным. Ни у одного из них рука бы не дрогнула, и не факт, что обязательно в наступлении. Многие зэки с нетерпением ожидали удобного случая уже там, в дороге. Лучше всех это сознавал сам Бузыкин, а потому и лишился такой радости своих подопечных бойцов после первой же ночной бомбежки эшелона, когда до линии фронта еще было относительно далеко. Сотрудники особого отдела, прибывшие утром к поезду, не обнаружили ответственного командира заключенных. Оглушив охранявшего его конвоира, Бузыкин смылся в неизвестном направлении.

А произошло следующее. Уверенный в своей безнаказанности, свикшийся с ней, и оттого храбрый и жестокий с безоружными зэками в лагере, он до того перетрусил в ту ночь, выскочив из остановившегося поезда, что принял упреждающую стрельбу конвоиров за разгоревшийся бой. И в страхе, а скорее, в стремлении выжить, прострелил себе руку повыше локтя. Причем так, что она не задела кость. А поскольку конвоиры стреляли только вверх и только для того, чтобы отбить у некоторых зэков (а теперь красноармейцев!) охоту сбежать под шумок, то доводы, что его ранило шальной

пулей, никто и не подумал брать в расчет. Его бы разорвали на месте, но подоспевший боевой старшина успел предотвратить самосуд: тут же арестовал и потащил Бузыку к коменданту эшелона. Утром его должны были судить за «самострел», и приговор был ясен. Но, как видим, он не стал искушать судьбу и исчез. Чем сильно расстроил своих «однополчан».

Поймали его, не поймали — об этом так никто и не узнал. Да и некому было узнавать: почти все «добровольцы» полегли в первых же боях. Сергей — один из очень и очень немногих «счастливчиков», оставшихся в живых...

—*—*—*—

— Эй, рыбак, давай просыпай. Мало-мало приехали, — обернулся Баймухан и тронул кнутовищем Сергея.

— Да-да, — очнулся тот от воспоминаний. — Спасибо, Баке.

Двери на веранду были, как всегда, открыты, и, уже поднявшись на обе ступеньки крыльца, он услышал за дверями комнаты придушенный вскрик Веры и следом грозный охрипший рык мужчины:

— Дура! Я же с тобой по-хорошему, по согласию хочу. Иначе сгною обеих с матерью и моряком. Сгною! Понятно говорю? Ну!

«Бузыка!» — только на секунду замедлил ошеломленный Сергей; тут же рванул на себя дверь и оперся о

косяк, с костылем наизготовку. Мужик в гимнастерке, без ремня стоял к нему спиной. На столе рядом с растянутой кобурой лежал наган, а напротив, забившись в угол, стояла Вера в разорванном платье и со скалкой в руке. Каким-то невероятным усилием воли Сергей подавил в себе желание сразу шарахнуть насильника по голове и приставил костыль к его спине:

— Руки, Буза! Вверх руки!

— А-а-а! — вскинув руки, сдавленно вскрикнул мужик и грохнулся на пол. Шок от произнесенной вслух его клички оказался настолько сильным, что у него судорогой свело ноги и подтянуло их к животу. Он весь скукожился и тихо заскулил от боли.

Вера тут же метнулась к столу, схватила наган и перебежала к Сергею. Он взял его и снял с предохранителя.

— Уйди, Вера, — сказал глухо. И потом громче и решительнее: — Уйди. Я много должен этому лагерному извергу.

Но она смотрела на него широко раскрытыми глазами, в которых страх чередовался с изумлением. Неужели он что-то вспомнил?! Только...

— Сережа, — в смятении шепчет она. — Это никакой не Буза, а новый следователь из района Голованов. — И отшатнулась, увидев, какой ненавистью блеснули его глаза.

— Тем хуже для него, — выдавил Сергей. — Значит, еще одну душу успел загубить, раз фамилию сменил. Вставай, Бузыка!

Судорога понемногу отпускала Бузыкина. Но едва заслышав щелчок предохранителя, он мгновенно обернулся на звук, и она сковала его снова. Он так и застыл в ужасе. Он узнал Сергея. Тот медленно поднимал наган.

— Медяк?! — обычный страх, преследовавший бывшего капитана эти годы, уступил место страху животному, и он приподнялся на локоть, загоразивая лицо другой рукой: — Медяк, подожди. Не стреляй, Серый, помилуй. Прости, браток. Я теперь совсем другой.

— Вижу. Такой? — Сергей коснулся разорванного платья Веры. — Теперь еще и с чужими женами воюешь?

— Это случайно. Она сама налетела. Спроси ее. У меня теперь другая жизнь. У меня семья, дети. Пощади.

— А ты нас щадил? Ты кого-нибудь в жизни хоть раз пощадил?

— Серый, пожалей. Детки мои останутся сиротами. Не стреляй.

— Вставай. Хотя бы умри мужиком!

Впервые в жизни Вера испытала панический страх. Не за себя. За Сергея. Он сейчас совершит непоправимое.

— Сережа, не бери грех на душу, — взмолилась она. — Не стреляй.

— Послушай ее, Серый, послушай, не стреляй, — канючит Бузыкин, и в голосе надежда. Надежда еще и потому, что, приподнявшись, он разглядел костыли

бывшего зэка. Тот был без ноги. Да он же такого инвалида... в бараний рог! Только бы уловить момент.

— Вера! — Вся левая щека Сергея мелко-мелко задергалась: — Он же чуть не надругался над тобой. Это не человек — исчадие ада.

— Вот и пусть его судит Бог. Оставь возмездие Богу.

— Бог! — Сергей на мгновение отвел взгляд от Бузыкина. — О чем ты?..

Он не договорил. Бузыкин, пулей метнувшись к нему, выбил наган, ногой в живот сбил Веру и схватил Сергея за горло.

— Да-да, Медяк, Бог, — натужно просипел он. — И я тебя сейчас отправлю к Нему. Жаль, что давно этого не сделал.

Но бывший капитан не рассчитал своих сил. Забыл, что перед ним уже не тот истощенный голодом и побоями доходяга-зэк, а человек, руки которого от постоянного общения с костылями обладают огромной силой и железной хваткой. Перехватив руку нападавшего, Сергей так крутнул ее, что в следующую секунду Бузыкин вновь оказался на полу и по-собачьи — с воем и на четвереньках — выскочил на веранду.

— Стоять, Бузыкин! — раздался грозный окрик. Он исходил от внезапно выросшего на пороге немолодого, подтянутого майора в сопровождении двух солдат с винтовками и уже знакомого Вере следователя Пряхина. Бузыкин, затравленно озираясь, сел, и, захватив

рукой другую, плетью повисшую, руку, протянул обе вперед. Щелкнули наручники.

— Ну что, отбегался? — устало и без выражения спросил майор, присев перед ним: — Три года ведь гоняюсь за тобой. Это ты ловко придумал — в органы пойти. Долго мы не могли догадаться, где искать тебя. Шалишь, брат. Раскусили. Что ты хотел от этих людей? Что молчишь? Думал, фамилию сменил, рожу подправил — и снова на коне?

Бузыкин отрешенно глядел перед собой, но, услышав вопрос, встрепенулся. В глазах снова проблеск надежды:

— Я с богомольцами всю жизнь воевал и воевать буду. Вот где настоящая угроза родине, ее строю. Думаю, мне это зачтется? Вам бы мне помогать, а не ловить меня.

— У-у, — насмешливо протянул майор. — Так ты еще и герой? Борец с религией? А я думал, обыкновенный дезертир, изменник родины. И мне кажется, что ты последнего свидетеля пришел убрать. Да вот осечка вышла. Я так понимаю, что ты со своими бывшими штрафниками счеты сводишь? Иначе, чем же тогда тебе солдат-инвалид помешал? Он ведь неверующий — так, Пряхин?

Пряхин с готовностью кивнул.

— Про этого инвалида я знать не знал, — Бузыкин с опаской оглянулся на Сергея: — Знал бы, не пришел.

— Ладно темнить-то, Буза. И хватит поганить при-роду. Теперь проси, чтобы земля тебя приняла, а то ведь

может и отторгнуть. Вороны и те побрезгуют тобой. Уведите! — приказал чекист следователю с конвоирами и, повернувшись к Сергею, козырнул: — Майор Федор Лукин. Слышь, солдат, а он ведь при оружии был? Нет?

Вера молча протянула ему наган.

— Ого! Обезоружили? Ну, уважили. Ну, спасибо вам обоим. Вовремя ты, солдат, дома оказался. А то бы он много чего еще натворил. В общем, за поимку особо опасного преступника представим тебя к награде.

— Благодарю, товарищ майор, но награду я уже получил.

— Получил? Какую? Когда?

— Только что. И награду, и милость. Слава Богу, что успел защитить жену и не успел замарать об него руки. Значит, Бог помилует. Это высшая награда.

— А-а, это другая награда. «Богу — Божие, а кесарю — кесарево» — так, кажется, сказал Христос? — продемонстрировал Лукин знание Библии и хитро подмигнул: — Не удивляйтесь, и нам иногда приходится читать Священное Писание. Такая уж профессия. Вот я и говорю: хорошо, что ты успел одно и не успел другое. Нам его оставил. А то кого бы нам судить тогда? — И посуровел: — Но если бы ты знал, солдат, кого помог нам обезвредить, не отказывался бы и от нашей награды.

— Я знаю, — мрачно сказал Сергей. — Так знаю, как никто больше. Он меня за пять лет лагерей не однажды на тот свет отправлял. Я у него из карцера не вылезал. А то, что выжил, — Божья милость.

— Вот так ра-аз! — недоуменно вскинул брови майор. — Да как же ты тогда стерпел... не пристрелил? Наган ведь уже у тебя был?

— Не я стерпел, — Сергей прижал к себе Веру. — Она меня остановила.

Лукин только теперь заметил разорванное платье Веры, которое она запахивала на груди и прикрывала руками. Он отвел взгляд и в очевидном недоумении покачал головой.

— Сколько ни пытаюсь, а не могу понять вас, верующих, — сказал он. И уточнил: — Вот таких верующих. Прощение — это, конечно, хорошо; но как можно простить тому, кто только что хотел надругаться над тобой?! Вот это вас, верующих, и губит. Всепрощение ваше.

— Это нас спасает, — тихо возразила Вера. — Так велит Бог в Слове Своем. В Библии.

— Нонсенс! Одно дело, что там в Библии можно прочесть, и совсем другое — как это выполнить. А это невозможно выполнить, понимаете! Человек так устроен, чтобы не давать себя в обиду. Иначе он тряпка, а не человек. Хотя... — он что-то прикинул в уме и неопределенно хмыкнул: — Если взять этот случай, то совсем наоборот... Ну, да ладно, как бы то ни было, а я вам благодарен. И вам с женой придется зайти ко мне завтра на опознание. Если оно потребуется. Но жду вас утром в любом случае.

И он шагнул с крыльца.

Оставшись одни, они молча смотрели друг на друга,

словно увиделись после долгой, очень долгой разлуки. Теперь он наконец прочувствовал все то, о чем они ему рассказывали все это время:

— Вера, я выжил благодаря твоим молитвам. Помнишь, ты обещала?

— Да.

— Прости, что тогда я этому не верил. Что подшучивал над тобой.

— Ты даже это вспомнил? — глаза ее излучали необыкновенную радость. — Мы с мамой непрерывно молились о тебе.

— Вы с ней вынесли столько горя. Где вы брали силы? — он впервые за все это время глядел ей прямо в глаза и нежно гладил ее волосы.

— У Бога, — улыбнулась она. — Сережа, кто этот человек?

— Душегуб. Страшно даже подумать, сколько душ на его совести. А еще он сбежал с фронта, изувечив при этом солдата. А это — измена родине. Ее-то и имел в виду майор.

— Неужели к тебе вернулась память?

— Вернулась. Господь мне ее вернул. И я теперь вполне то, что обещал Ему там, на Уде, на плоту, но о чем вспомнил только сейчас. Я тебе потом все расскажу. Это было чудо, Вера. — Придерживаясь за подоконник веранды, он опустился перед женой на колени. Он вновь явственно ощутил то неизъяснимое благоговение перед Тем, Кто спас его на порогах реки, и слезы благодарности

душили его: — Я хочу молиться Ему, Вера. Я хочу Ему служить... Помоги мне, помолись со мной.

А она и так уже стояла на коленях и возносила молитву Богу за возвращение ее Сергея к полноценной жизни. За то, что время по изволению Божьему отступило перед памятью. Теперь и ему Господь откроет дверь, чтобы он смог наследовать жизнь вечную...

«Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет» (Ин. 10:9).

Часть вторая

Однако ни на следующий день, ни даже через неделю никто их не вызвал, и они терялись в догадках. Самим же идти в это заведение у них по понятным причинам желания не было. А когда на общем совете Георгий высказал предположение, что дезертира уже поставили к стенке (кому, мол, охота с ним церемониться?), то на этом и успокоились.

Вызвали их к майору Федору Лукину лишь в конце ноября.

Опознание происходило в небольшом кабинете следователя, и было по сути лишь общепринятой формальностью, поскольку личность Антона Бузыкина была установлена. Еще до этой очной ставки он с готовностью признал все, что ему предъявили, но тут же обставил свои действия таким образом, что выглядели они всегда вынужденными с его стороны. То есть он был лишь исполнителем чьей-то воли. Воли, навязанной ему сверху,

и не факт, что всегда, мол, это было в форме приказа. Дескать, чаще всего он просто обязан был улавливать даже простой намек вышестоящего начальства, чтобы самому не угодить в разряд обвиняемых. И вот теперь все они в стороне, а он в бороне. Но признаний у него хватало только до момента бомбежки эшелона: дальше следовал сплошной провал памяти. Оно и понятно: в системе лагерей капитан ничем особенным не выделялся — такие изверги там встречались на каждом шагу, и никто из них за свои зверства не понес наказания. Разве что получали еще и награды за эти деяния. Другое дело — его «самострел» и побег из действующей армии. Тут только чудо могло спасти его от высшей меры наказания. Но на что-то он, видимо, все-таки рассчитывал, потому что лебезил перед майором, забыв про всякое человеческое достоинство. Теперь это был кроткий мужчина с заискивающим, прямо-таки угодническим видом и беспокойно блукающими глазками из-под мохнатых бровей. Едва зайдя в кабинет вместе с Верой, Сергей поразился той перемене, что произошла с грозным надсмотрщиком, от нагой самоуверенности которого не осталось и следа. Наоборот, теперь его взгляд излучал покорность и самую невинность. Но вот чего Сергей не увидел в этих глазах, так это страха, который просто обязан был там присутствовать. В них он, встретившись взглядом с бывшим капитаном, прочитал лишь затаенную ненависть. А значит, и надежду выкрутиться из этого положения и вновь «оказаться на коне».

«Вот уж тогда-то я сполна рассчитаюсь со всеми вами» — читалось в его глазах. На что он надеялся, было неясно, но то, что такая надежда была, — это точно. Потому что как только он поворачивался к Лукину, чтобы ответить на очередной вопрос, он мгновенно преображался в учтивого угодника. Актер из него был никудышный, и Федор давно раскусил его: даже в этой ситуации капитан продолжал делить людей на тех, кому следует кланяться, и на тех, на кого не стоит обращать внимания. Некоторую нервозность Бузыкин все же проявил, когда речь зашла о его попытке насилия над женщиной, но и тут он с таким жаром стал отрицать свою вину, что Сергей не выдержал.

— Товарищ майор, разрешите моей жене уйти, — попросил он.

— Да, конечно, — согласился тот и вежливо добавил: — Только вам, Вера Андреевна, придется подождать в коридоре. Совсем-то не уходите.

Уже на выходе она столкнулась с Вале́й, которая придерживала открытые двери для тележки с Георгием. Он был в своей неизменной бескозырке, а из-под расстегнутой на груди фланелевки виднелась тельняшка. Пропустив его в кабинет, сами они остались в коридоре.

— Товарищ майор, матрос Видов, однополчанин Медянского! — зычно доложил моряк. — Разрешите присутствовать. Обоих убивало на фронте — обоим бы и отвечать.

— А-а, морфлот, заходи-заходи, — расплылся в улыбке Лукин. Ему с первого взгляда понравился этот парень. Его открытое лицо, белокурые волосы, обрамлявшие высокий лоб, и контрастом с ними черные усики и аккуратной полоской от уха до уха борода, а главное, голубые, по-детски доверчивые глаза как-то не вязались с образом бесстрашного героя войны. Он больше походил на мирного парня из таежной глубинки. — Располагайся, где тебе удобнее.

Георгий ловко запрыгнул с тележки на стул у стены рядом с Сергеем.

— Только с чего ты взял, что друга твоего для ответа вызвали?

— Ну, для чего-то же он понадобился, — пожал плечами моряк.

В это время Бузыкин, сидевший к ним спиной у стола, безучастно обернулся на голос и тут же вскочил, как ужаленный, опрокинув стул. Вот теперь в глазах его блеснул безотчетный страх. Такой не подделаешь. Не сводя глаз с матроса, он в той же растерянности нагнулся, поднял стул и как бы автоматически присел и сам. Длилось это еще какое-то мгновение, потом взгляд его потух, и, втянув голову в плечи, он вернулся в исходное положение, лицом к столу. Спихватился, видать, что чем-то выдает себя.

— Ты чего, Бузыкин? — удивленно вскинул брови майор. — Привиделось что?

— Ничего, — преодолевая замешательство, постарал-

ся тот унять дрожь в голосе. — Просто зрелище не для слабонервных. Не привык как-то. Такой молодой — и без ног. — И чуть помедлив, философски заключил: — К этому не привыкнешь.

Однако было видно, что потрясло арестанта совсем не это.

— О, да ты у нас прямо неженка, — усмехнулся майор. — Никогда бы не подумал.

— Думайте, что хотите, — глухо пробубнил Антон, — только мне нехорошо стало. Прикажите увести в камеру.

— Уведите арестованного, — кивнул Лукин конвоирам. — Вопросов к нему больше на сегодня нет.

Проходя мимо друзей, Бузыкин чуть задержался взглядом на моряке, но обратился к Сергею:

— Че, Медяк, жаба душит? Небось сразу бы в расход пустил, будь твоя воля? Погоди, может быть, еще и поменяемся ролями.

— Иди, иди себе, Буза, — безразлично махнул рукой Сергей. — Ты уже достаточно менялся, хватит.

— Неужели это и есть гроза лагеря? — недоуменно хмыкнул Жора, когда за Бузыкиным закрылись двери. — Что с ним будет, товарищ майор? Похоже, этот оборотень на что-то еще надеется.

— Оборотень? — как бы попробовал слово на вкус майор. — Это ты, матрос, четко его определил, в точку. Вот потому и надеется, что оборотень. — Он приподнял над столом пухлую папку: — Вот это все о нем, представляете? Кем только ни прикидывался: от грузчика

на складе тары до сотрудника органов. И ведь все это время он на своих бывших штрафников охотился. Свидетелей убирал. Их и было-то всего ничего, да и не все они, конечно, представляли для него опасность; только те, кто попадал в поле зрения. И тут он каким-то звериным чутьем вычислял, кого и как убрать. Следов, как правило, никаких не оставлял. Одно и было зацепкой, что все жертвы — бывшие штрафники. Наконец успокоился: решил, наверное, что всех прибрал. А Медянский, видать, в похоронный список попал. Списал он тебя со счетов, Сергей, иначе бы не подался в органы, подождал бы еще. Но уж больно он по власти соскучился. А что: рожа уже не та, фамилия другая, да и глушь. Думал, все уже забыто, а мы тут его как раз и вычислили. Что он к тебе пришел — чистая случайность. Но закономерная, как это ни парадоксально звучит. Кого больше всех гробил в лагере, тот его самого — и к ногтю. Как вошь. — Майор немного помедлил, потом внимательно посмотрел на Георгия: — А тебе, товарищ Видов, никогда с ним раньше не доводилось встречаться?

— Нет, что вы, Бог миловал, — передернул плечами Жора, будто от озноба. — Почему?

— Да уж больно ты впечатлил его своим присутствием. Вот я и подумал, что когда-то да сталкивались вы с ним. Ты память-то поднапряги, а? Извини, но не может же садиста такого масштаба перепугать отсутствие ног у человека. А он натурально перепугался. А? Ты как на это, Медянский?

— Думаю, что вы правы. Бузыкину лишить человека жизни ничего не стоит. А уж как он измывался над людьми и сколько человек собственноручно в калек превратил — так это надо бы подсчитать. Недаром одной из его кличек была «Живодер». Не-ет, Жора явно кого-то ему напомнил.

— Да бросьте вы, — отмахнулся тот с легким раздражением. — Если бы я его хоть раз видел, то уже не забыл бы вовеки. Он и так-то теперь у меня перед глазами маячить будет. Живодер, бр-р-р! Противнее рожи я не встречал еще. Ну, а напомнил, так мало ли людей похожих бывает. Главное для меня, что он не отвертится и получит свое. Так ведь, товарищ майор?

— Даю слово, получит по полной, — поднялся тот. — Ну, ладно, герои. Еще раз благодарю вас за помощь. Обещаю вам выяснить все, что касается Сергея: все от лагеря и до ранения. Кое-что мне уже сообщили, но пока новости придержу. Теперь позовите мне Медянскую: с ней нужно побеседовать особо. — И упредил вопросы: — Не волнуйся, солдат, ничего страшного. Может быть, даже наоборот, к радости. Уточнить тут по ее бывшему делу кое-что придется.

—*—*—*—

Прежде чем вновь заговорить с ней, майор госбезопасности Федор Игнатьевич Лукин долго перекалывал бумажки из одной папки в другую и наоборот. Вера терпеливо ждала, невольно разглядывая майора.

Ему было около пятидесяти, но обильная седина, посеребрившая его голову, явно прибавляла годков.

«Тоже ведь работа у них не сахар, — размышляла она и подгоняла мысленно: — Хоть бы говорил быстрее, для чего вызвал».

— Сейчас, сейчас, — будто расслышал Федор ее мысли и, не отрываясь от чтения бумаг, призывно помахал ладонью над столом: — Еще секунду.

Тут в кабинет неслышно вошел Пряхин и положил на стол еще какую-то бумагу. Лукин пробежал ее глазами и, довольный, откинулся на спинку кресла. Затем кивком пригласил следователя присесть и наконец поднял глаза на Веру.

— Ну, вот, Вера Андреевна, теперь есть о чем говорить, — учтиво начал он и заметил, как она сразу вздрогнула и напряглась: — Да что ж это вы так испугались? Что-то не так?

— Да нет, все так. Привычка, знаете ли.

— Пугаться? Странная привычка для женщины, не побоявшейся вступить в схватку с преступником. Мне кажется, страх — это не к вам?

— Это не совсем страх. Просто когда в вашем заведении начинают говорить с тобой вежливым тоном, сразу становится как-то неуютно. Исподволь чувствуешь подвох. Лучше зовите просто — Вера. Так привычнее. И — спокойнее.

— С вами плохо обрацались? — вопрос был адресован ей, но при этом Федор взглянул в сторону Пряхина. Тот вскочил со стула:

— С моей стороны...

— Сиди, сиди, — поморщился Лукин. — Я не к тебе.

— К этому следователю как раз и нет претензий, — поспешила Вера на защиту Пряхина. — Но он, скорее, исключение из правила.

— Ну, хоть так ладно, — усмехнулся майор. — Хочу заверить, что теперь с вами никто не будет грубо обращаться. Никто!

— Теперь?! А что изменилось?

— Сейчас поймете, Вера Андреевна... э-э, Вера. Только сначала ответьте на вопрос: как вы относитесь к... Вернее, так: не хотели бы вы вернуться к своей основной профессии? К работе педагога, имею в виду. Причем вернуться не только к профессии, но и на прежнее местожительство, в Ленинград. Разумеется, вместе с семьей.

Ничто более так не удивило бы ее, как это предложение. От неожиданности она, подобно Пряхину, даже привстала со стула:

— Вы это серьезно?

— Разве я похож на шутника?

— Но у меня же...

— Вот об этом и пойдет речь. Ну, а в принципе-то, значит, согласны? — спросил он и протянул ей какую-то бумагу: — Читайте: с вас снимут судимость. Мы во всем досконально разобрались и представили в суд соответствующее ходатайство. Решение будет скорым, уверяю вас.

Федор Игнатьевич, конечно же, ожидал бурной реакции на свои слова, но все вышло не так. Вера машинально взяла бумагу и так и держала ее, не читая. Она сидела, как изваяние, с застывшим, недвижимым взглядом, и только губы чуть заметно шевелились. Хорошо разбирающийся в людях этого сорта, он понял, что она молилась; он даже знал, что она благодарит Бога за столь неожиданное, радостное известие, хотя не сомневался в том, что благодарить-то надо бы его, майора Лукина. Это он помог местному следствию вывести на чистую воду хорошо организованную группу расхитителей на рыбзаводе. В ней, кроме рядовых исполнителей, были и крупные фигуры, и Пряхин не скрыл от него, что совладать с ними может только человек из центра, то есть Лукин. Что до самого Пряхина, то они вмиг скрутят его в бараний рог. И это он, Лукин, почти не спал последние дни, чтобы взять их с поличным, а потом вынудил признаться в преднамеренном оговоре Медянской. Но еще он понимал и то, что не обнаглей эта шайка до крайности (хищения приобрели грандиозный масштаб), никто бы так и не начал проверки на заводе. А значит, и не всплыло бы ее дело. А значит... Вот тут-то сомнения и начинали одолевать его самого. Ведь он приехал по делу Антона Бузыкина и провел его довольно успешно. Казалось бы: ну, взял преступника — да и разбирайся с ним. Так нет, он почему-то занялся еще и не совсем своими делами. Он уже кое-что знал о чете Медянских, когда шел на захват Бузыкина, но как только увидел их обоих, понял,

что все сказанное о них — ложь чистойшей воды. Ни Вера, ни Сергей не могли быть теми, кем были представлены ему по документам. И уже с того момента стал думать, как помочь им вернуть доброе имя. Хотя официально никто его к расследованию не привлекал, но что-то так и подталкивало его принять в нем непосредственное участие: в сущности он возглавил следствие. И будь Федор более тщеславен, имел бы полное право возгордиться своей работой. Чутье не обмануло его: удалось буквально «схватить за руку» и привлечь к ответственности кое-кого из партийных чиновников. И не только районного масштаба. Как-то само собой вышло и оправдание Веры — никаким боком она не была причастна к хищениям. Прав оказался Пряжин: если бы не Лукин, вся затея с разоблачением просто бы заглохла. Лишь благодаря его участию это стало крупной удачей следствия.

Но он не возгордился — он задумался. На этот раз Федор задумался, и мысли те были ему не совсем присущи. Потому что был из тех, кто делает свою работу без лишнего шума, но дальнейшая судьба людей его, как правило, не волновала. Тогда почему он вдруг столь ревностно устремился помочь Медянским, будто от этого зависела его честь? Хотя на самом деле не зависело ничего. Да и рвення такого при расследовании он давно уже не проявлял даже после особых приказов. Тут же никто не приказывал, но он все время ощущал чью-то великую заинтересованность, которая пере-

давалась ему и вдохновляла его. И закрадывается в сознание майора странное подозрение: «Ой, неспроста я втянулся в эту игру. Ой, неспроста». А следом уже мысль совсем не для работника таких органов: «А может быть, это какая-нибудь высшая сила? Тот самый ихний Бог?» И торопится Федор отмахнуться от навязчивой мысли, что, мол, ничего особенного, все путем: Богу — Богово, кесарю — кесарево. Просто он отменно сделал свое дело — вот и удовлетворение от труда. Не совсем обычное, радостное сверх меры, но лично им заслуженное! Только не будешь ведь каждого в этом убеждать. Потому-то, когда понял, что Вера в молитве благодарит Бога, а не его, не стал мешать ей молиться. Тут первым не выдержал Пряхин:

— Вера, ты чего сидишь, как мумия? Не слышала — реабилитировали тебя? Под чистую, вникай! А того твоего завсклада, да и не только его — бери повыше! — раскрутили на всю катушку. Ну! Слезы-то к чему? Вот люди: посадят — плачут; оправдают — опять плачут. И чего только надо?

А у нее, и правда, как ни крепилась, глаза сильно увлажнились.

— Да правда что, — смахнула Вера слезы и попробовала улыбнуться. — И чего ей только не хватает? Три года бесплатного курорта предоставили, а она недовольна. Нет, граждане начальники, я, конечно, рада и довольна, да только сначала переосмыслить бы все это надо. Больно уж неожиданно.

— Понимаю, — вздохнул Лукин, — но ждать я не могу. Решить вопрос нужно до завтра. И завтра же поедем в Алма-Ату оформлять переезд в ваш родной Ленинград. Там уже вас ждут в школе... — он посмотрел в бумаги — с мамой, Ниной Ивановной, также педагогом, и Сергеем. Он, оказывается, тоже учительствовал? Он преподавал?

И с большим облегчением заметил, как засияли глаза Веры при упоминании о работе и для Сергея. А то уж думал, что она лишена каких-либо чувств.

— Преподавал географию, — взволнованно проронила она. — В школе и институте. Там он еще занимался научно-исследовательской работой, готовился защищать диссертацию.

— Ну-у, тогда и не надо было бы откладывать решение до завтра, — благодушно развел Лукин руками. — Или все же будете думать?

— Да. Они с мамой должны принять решение. Не я одна.

— Что ж, и так годится. А пока я сообщу условия: вам с семьей либо вернут вашу квартиру, либо предоставят другую, равноценную бывшей. Возможен еще один вариант, но в любом случае квартира у вас будет. И на работе в прежней школе вас ждут. Все, как говорится, встало на свои места. Не удивляйтесь, все эти дни мы этим и занимались. Стране нужны учителя, врачи, инженеры, словом, нужна интеллигенция. Война многих выкосила, и теперь недосуг разбираться, кто прав, кто

виноват. Думаю, что Сергей будет того же мнения. Ну, может быть, есть какой вопрос? Или пожелание? Я готов помочь в любом деле.

— Есть, — немного подумав, тихо ответила Вера и выразительно посмотрела в сторону Пряхина. Федор понял.

— Володя, — сказал он, — ты свободен. Я сам зайду к тебе, как освобожусь. — Итак, — продолжил он, как только Пряхин вышел, — я слушаю. Если о Сергее, то скажу, что если бы даже была какая-то его вина, то он ее искупил, и никаких проволочек ни с работой, ни с проживанием в городе у него уже не будет. Речь о нем?

— Нет. Речь идет о моряке. Мне почему-то хочется верить, что вы сможете помочь и нашему другу, Георгию.

— В чем? Он, насколько я знаю, сирота.

— Да. Круглый сирота: ни отца, ни матери.

— И что ты хочешь, чтобы я сделал? — незаметно для себя перешел на «ты» Лукин. — Кого-то найти?

— Да. Но все, что он знает о себе, — это рассказ, который он слышал от сторожа детдома. Ни имени, ни фамилии родителей Жора не знает.

— Не густо, — усмехнулся майор. — Прямо скажем — не густо. Я вот что думаю: почему бы мне самому с ним не поговорить? Ну так, для начала.

— Любо́й разговор на эту тему лишь расстроит его, — грустно покачала головой Вера. — Он только-только наладил семейную жизнь, обрел, можно сказать, душевный покой. Пусть поживет без по-

трясений. Я имею в виду, что не стоит обнадеживать его, пока не будет для этого оснований. Да и вряд ли он вам сейчас что-то новое расскажет. Еще и на меня обидится.

— Что ж, ладно, оставим его в покое. На нет и суда нет. Но хотя бы фамилию того сторожа или имя его он помнит? Какой детдом, где? В какое время он там был?

— Это я скажу. Детдом был в Херсоне, а того сторожа звали Арсением Гулько. Главное, его арестовали, когда Жоре было лет шесть, то есть, по его подсчетам, в тридцатом году. Арестовали как тайного врага.

— Это уже кое-что, — задумался Лукин, побарабанил пальцами по столу и решительно встал: — Ладно, попробуем поискать вашего Арсения. Если жив, что-нибудь да выясним, а нет — не обессудьте. — И подал руку также вставшей Вере: — Ну, до завтра. Надеюсь, в Алма-Ату поедем вместе? — В несколько смущенной улыбке он задержал ее руку в своей: — Вера, я видел, как ты только что молилась. Скажи, в твоей молитве было место майору Лукину?

— Да, — посмотрела она прямо ему в глаза: — Я благодарила Бога за то, что Он послал к нам именно вас. Это ведь по Его, Божьей, воле прибыли вы, а не кто-то другой. Тот, другой, — кто бы он ни был, — и пальцем бы не шевельнул для нас с мамой и Сергеем. Я в этом больше чем уверена. Опыт! И вот по воле Бога пришло сегодняшнее оправдание. Оправдание — и освобождение.

— Ну, оправдание — ладно, понял. А освобождение? — не снимал он улыбки. — Тебя ведь уже месяца три как освободили.

— Ну да. А теперь пришло и Его освобождение.

— Чье? И от чего?

— Прежде всего — мое. Все от тех же уз и клеветы. А теперь я свободна и внутренне. И верю, что будет время, когда Он точно так же освободит и вас.

— Но я не в узах и никогда в них не был, — мягко возразил он и улыбнулся уже немного снисходительно: — И, надеюсь, не буду. От чего же прикажете меня освобождать?

— Вы не обидитесь на то, что я скажу?

— Не обижусь, говори.

— Бог освободит вас от уз греха, — просто сказала Вера и заторопилась с пояснением: — Ведь грешник — это необязательно такой злодей, как Бузыкин. Большинство из нас грешники уже потому, что не признают Бога. «Все совратились с пути, до одного негодны: нет делающего добро, нет ни одного...» — вот что нам говорит Библия. Выходит, Божьим человеком является только тот, кто способен делать добро. Но он не может делать добро просто так, от себя, нет. На это его вдохновляет Господь! Потому что добро — только от Него. Вот когда вы решили помочь в расследовании моего дела... скажите: у вас не было чувства, что кто-то вел вас к этому? Ну, как бы подталкивал к действию?

Майор смутился. Этим вопросом он был застигнут врасплох, а она, увидев растерянность в его глазах, несмело коснулась его руки, но твердо переспросила:

— Скажите: не было?

Неимоверным усилием воли он подавил готовое вырваться признание и, совладав с душевным волнением, отвернулся и сказал куда-то в пустоту. Сказал проникновенно, с оттенком сожаления в голосе:

— Было или не было, теперь уже не имеет значения. Для меня это было долгом чести. Главное: вы с матерью восстановлены в правах. Думаю, то же самое будет и с Сергеем. Он заслужил лучшую долю.

— Спасибо вам, товарищ майор, — тихо сказала она. — Вы, может быть, не подозреваете даже, что выполнили одну из заповедей Бога.

— Вот как! И какую же?

— «Возлюби ближнего твоего, как самого себя».

— Я слышал эти слова, но считал их просто расхожей фразой.

— А это — заповедь. Вторая заповедь Господа. Помните, вы сказали нам в ту памятную первую встречу, что иногда читаете Библию?

— Ну, да. Но и ты вспомни: я оговорился, что это по долгу службы.

— Но Божью заповедь исполнили не по долгу службы, а по велению сердца. А вот кто положил вам это на сердце, можете не гадать. Я скажу вам, потому что знаю: это наш Господь Иисус Христос. Не обманывай-

те себя, товарищ майор, подспудно вы верите в Бога. И рано или поздно придете к Нему. Когда? Это вы решите только с Ним, когда возлюбите Его.

Лукин долго молчал, прохаживаясь взад-вперед по кабинету. Наконец, все так же не глядя на нее, сказал:

— Знаешь, еще совсем недавно за такое пророчество я, по меньшей мере, высмеял бы тебя. Ну, а о большей мере предоставляю догадываться самой. Да и вообще, вряд ли стал бы я тебя слушать, поскольку одно упоминание о Боге вызывало во мне раздражение. Но сейчас... Сейчас, не скрою, Вера, зацепила ты во мне что-то такое-этакое, чего сразу и не выговоришь. Я поразмыслю над твоими словами. Но тебе все же посоветовал бы больше ни с кем из наших так не откровенничать.

— Я вижу, с кем можно, товарищ майор.

— Опять жизненный опыт? — улыбнулся он.

— Да. Я научилась различать людей. Я могу идти? Извините, не терпится поделиться доброй вестью с Сергеем.

— Иди, Вера, иди. Завтра с утра жду вас с решением, — кивнул он и тут же спохватился: — Постой! Ты сказала — это вторая заповедь. А первая?

— К первой я только что призвала вас. Полностью она звучит так: «Возлюби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостью твоею!»

— Красиво, но похоже на декларацию, — слабо возразил он. — В это надо сначала сильно поверить.

— Надо. Непременно.

— Но сказать, что веришь — очень легко. Только слова ведь могут так и остаться словами, сколько бы ты их ни произносил.

— Сушая правда, товарищ майор. Поэтому Библия и говорит, что вера без дел мертва. Слова мы должны подкреплять делами.

— Например?

— Можно еще стих из Библии?

— «Можно» — не то слово, Вера. Нужно!

— Тогда слушайте: «Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: „Идите с миром, грейтесь и питайтесь“, но не даст им необходимого для тела — что пользы? Так и вера — если не имеет дел, мертва сама по себе». Уловили?

— То есть, докажи, что можешь помочь делом, а не языком?

— Верно. Тогда и любовь к Богу, и к ближнему своему не будет простой декларацией.

— Вон оно как. Значит, из первого следует уже и второе? О ближнем?

— Я рада, что вы все понимаете.

— Да я всегда был понятливым, — пошутил он и тут же посерьезнел: — Одно меня смущает: сколько ни ищу, не нахожу в Библии ничего такого, от чего нужно было бы остерегать людей. Никакой угрозы для власти.

— А ничего подобного там и не может быть. Это Слово Божье, а Бог есть любовь. Угроза и любовь — понятия несовместимые.

— Да-да, тут не поспоришь. Что ж, ладно, удачи тебе.

— Тогда до свидания?

— Тогда — да.

Оставшись один, Лукин в глубокой задумчивости подошел к окну. На улице было пасмурно, моросил нудный ноябрьский дождик с обычным в тех местах промозглым порывистым ветром. Федор поежился, будто почувствовал его пронизывающий холод.

«В мороз так никогда не стыл, как в эту слякоть, — отвлеченно подумал он и вздохнул: — В Москве уже всю снегу, морозы, а тут одни голимые дожди. Вот уж застрял так застрял. — И вновь с удивлением прислушался к себе: — Почему же это меня совсем не раздражает? Отчего мне не торопится назад, в Москву? И так покойно и радостно на душе?»

И сам себе отвечал, что не потому только, что поймал преступника. Дело, конечно, чрезвычайно сложное, и удовлетворение его результатом было огромное. Да, было, но он его воспринял как должное. Потому что это был конечный результат его работы, а она давно стала для него обыденным делом. И возможность наконец-то расслабиться после этого напряженного, подчас изнуряющего душу розыска — тоже радость. Но не та, что он чувствует сейчас. Сейчас — это некое безмятежное состояние души, подобного которому он никогда еще

не испытывал. Неужели оно столь явно отражается в нем, что Вера догадалась о его тайных переживаниях и сомнениях именно по этому вопросу? А догадалась лишь благодаря опыту, как сама сказала, или она настолько тонкий психолог (Вера ведь педагог), что может заглянуть в душу другого человека?

Федор облокотился на подоконник и прижался лбом к стеклу. Оно приятно охладило и привело в порядок разгоряченные мысли. Тут он увидел, как к зданию милиции подъехала допотопная бричка с пожилым аксакалом, и к ней сразу же поспешили четыре знакомых ему человека. Впереди, стуча деревянными колодками, бойко катил на своей тележке матрос, за ним на костылях так же сноровисто вышагивал Сергей, а две их супруги замыкали шествие. Судя по оживленной жестикуляции, они не очень-то торопились укрыться от дождя, а по лицу аксакала можно было понять, что и он чему-то сильно обрадовался. Засуетившись, он подал Георгию какую-то куртку и после некоторого препирательства все же заставил надеть ее. От такого теплого, сердечного их отношения друг к другу светлая грусть разлилась в душе у майора. Он всегда грустил, видя чужое семейное счастье. Ах, как бы ему хотелось с такой же вот любовью заботиться о своих родных детях, о жене. Но старший его сын погиб на фронте, а жена с младшей дочерью умерла в ленинградскую блокаду от голода. И нет теперь на земле человека, которому он мог бы отдать теплоту

своего сердца, как отдает свою теплоту безногому сироте этот аксакал. Он вдруг понял, что именно для такого вот мгновения ему должно было потрудиться. И он потрудился. А значит, и причастен к этому общему для них празднику. Впервые в жизни он принес кому-то толику счастья. Восстанавливая иногда по долгу службы справедливость, он видел у людей, в лучшем случае, убажнение чувства мести одних против других. В нынешней ситуации — и он это отлично видел — такому чувству не было места. Где искренность, там не может быть злорадства. И глядя на их возбужденные лица, он предположил, что обсуждают они только что озвученную им новость. Вполне возможно, что уже и пришли к согласию насчет завтрашнего дня.

Лукин вздохнул и попробовал представить себе, что их ожидает в будущем. Понятно, что в сущности придется начинать жизнь сначала. Понятно и то, что, имея такую квалификацию, проблемой это для них не будет. Проблема будет во взаимоотношениях с людьми. Но нынешнее общество в противовес довоенному намного терпимее относится к бывшим осужденным. Да и друг к другу. Уж кому-кому, а ему-то хорошо известно, что в застенках лагерей побывало полстраны, и редкая семья обошлась без своего «сидельца». Впрочем, за Медянских можно не беспокоиться. И потому так приятно сознавать, что и он, Федор Лукин, приложил руку к их теперешнему счастью. Это сказывается и на настрое его души: на сей раз

он испытывает ни с чем не сравнимое умиротворение и покой, а не то самодовольство и гордость, которые обычно сопутствуют успешному завершению дела.

Тут он увидел, как матрос, взявшись руками за верх брички, словно завзятый спортсмен в акробатическом прыжке, перемахнул прямо в нее и уютно примостился в задке. Следом там же расселись его друзья, а старик накинул на них брезентовый полог, который они подняли на вытянутые вверх руки. Сам аксакал, пренебрегая дождем, примостился с вожжами на передке и, лихо крутнув бич над головой, громко выстрелил им в воздухе. Лошадка резво взяла с места, и майору показалось, что матрос, одной рукой придерживая полог, другой помахал ему на прощание. Лукин даже приоткрыл створку и с улыбкой махнул в ответ.

Во внезапно охватившем его сильном волнении он отошел от окна. Может быть, этот прощальный жест ему просто померещился — даже наверняка померещился, — но отчего-то образ Георгия с его аккуратной бородкой, но детским выражением лица так и продолжал стоять перед глазами. А в память толкались слова этой славной женщины: «Мне почему-то хочется верить, что вы можете Георгию». Боже, сколько же надежды было в тех словах! Так можно заботиться только о родном человеке. Или — как о родном. То есть, в ее действиях как раз и не замедлила проявиться та самая забота о ближнем. Забота не на словах, а на деле. Вот в чем очевидность заповеди, о которой она поведала ему.

— Спасибо тебе, Вера, за наглядность, — пробормотал он про себя и как-то очень спокойно, обстоятельно осознал, что сделает все, чтобы найти матросу родителей. Или хотя бы узнать о их судьбе. Перво-наперво нужно послать запрос и отыскать сторожа детдома Гулько. Сделать это нетрудно, учитывая, что он был осужден по известной статье. Можно также быть уверенным, что ребята из Херсона оперативно выполнят его просьбу (с ними у него уже были контакты именно по делу Бузыкина года два назад), и долго ли коротко ли, но местонахождение Арсения будет установлено. Главное, был бы он жив. Итак, вперед!

В явном удовлетворении майор быстро набросал текст на листочке и крикнул постового. Сам же стал собирать разбросанные по столу бумаги в папку. Вошедший солдат козырнул и не успел прикрыть двери, как ворвавшийся от окна сквозняк смел несколько листов на пол. Постовой кинулся было подобрать их, но Лукин остановил его:

— Ничего, ничего. Оставь, я сам соберу. Ты лучше вот что сделай. Передай это сейчас же Пряхину, чтобы срочно отправил депешей по нашей линии. Тут все написано. Иди.

Он собрал разлетевшиеся листы, подравнял их на столе и уже собрался вложить в папку, как вдруг в глаза ему бросился четко отпечатанный адрес в правом верхнем углу одного из них: «Херсонский уезд, Белозерка». И далее текст приказа о награждении чекиста

Бузыкина отрезом сукна «за проявление революционной бдительности к врагам советской власти путем уничтожения одного из них при попытке к бегству». Лукин знал, что тем злополучным беглецом был не то богатый художник, не то владелец антикварной лавки в Херсоне Владлен Полуяровский (нэпман, как тогда было принято их называть), которого заподозрили в заговоре «белого подполья». Вообще в той истории было настолько много мутного, что тогда он даже не стал вдаваться в подробности; «дела давно минувших дней» его не интересовали — не до того было. Теперь же вспомнил, что в постановлении, предваряющем арест, строго-настрого приказывалось доставить нэпмана и его жену в Херсон живыми. Быстро перебрав листы, он нашел и эту выписку. Да, так и есть: «В связи с открывшимися обстоятельствами доставить В. Полуяровского и его супругу Ксению для проведения следственных мероприятий. Обеспечить безопасность подозреваемых».

«Мистика, — прошептал майор и почувствовал, как по спине побежали мурашки. Сколько раз он перечитывал эти документы и ни разу не обратил на сию деталь никакого внимания; как, впрочем, не сильно-то много и на все остальное. Оно и понятно: мало ли в ту пору гробили людей при этой самой «попытке». Да и документ этот если кому-то и был важен, то одному лишь Бузыкину, поскольку именно этим приказом открывался обширный послужной список

загубленных «Живодером» невинных людей. И, конечно, как память о первой его награде на чекистском поприще. Для постороннего же человека в нем ничего, заслуживающего особого внимания, не было. До этой минуты — не было. (Ну, переступил боец через приказ — так ведь ситуация обязывала! А ну, как ушел бы враг? Ого!) Теперь же строгий запрет на отстрел нэпмана обрел для Федора совсем иное звучание, а невнятное упоминание о его супруге, местонахождение которой якобы не удалось выяснить, вообще привело в недоумение. Ведь ранее из других донесений на художника указывалось, что после разгона трудовой артели «Благмон» (сокращение от Благовещенский монастырь), находившейся на территории бывшего женского монастыря, Ксения Полуяровская переехала в Балацкое, где официально существовал молебельный дом для баптистов. И интересовала она ГПУ именно как верующая не совсем правильной религии: вроде бы там она примкнула к баптистской церкви. Но больше о ее судьбе не было ни слова, и были ли еще ее поиски — неизвестно.

Все говорило за то, что Лукин напал на след. У него на это был особый нюх, а наличие мурашек — верная примета верного пути. Следователь-особист с огромным опытом, он знал, что рядовой чекист тех лет вряд ли отважился нарушить инструкцию. Костями бы лег, но доставил объект живым. Ну да, так сделал бы любой, но только не Бузыкин. Теперь, зная его патологическую

ненависть к верующим, можно было предположить, что расправился он не только с художником. Вполне возможно, что убрал он их обоих, и убрал преднамеренно. И изначально возникшее подозрение, что «Живодер» каким-то макаром причастен к судьбе Георгия, все больше перерастало в уверенность. Вмиг вспомнился безотчетный страх, почти парализовавший Антона при виде матроса, и его расширившиеся от ужаса глаза. Да, такое не подделаешь. Ну, что ж, самое время попробовать «расколоть» Бузыкина:

— Куё железо, пока горячо, — пробормотал майор и снова крикнул постового: — Семенов! Дешу отправители?

— Так точно.

— Быстро дуё к Пряжину. Если Бузыкин еше здесь, пусть приведут ко мне.

— Его нет, Федор Игнатъевич. По вашему приказу его уже увезли в «крытку» в Алма-Ату.

— А-а, жалко, — несколько огорчился он. — Придется отложить до завтра и допросить его уже там. Ну да ладно, может быть, это и к лучшему: там и он в большей безопасности (здесь-то, того и гляди, башку свернут), и у вас меньше забот будет. Свободен, — кивнул Федор постовому, снова сел за стол и, раскрыв папку, забормотал себе под нос: — Что ж, давайте еше раз посмотрим. Ну, скажи-ка ты нам, Антон Бузыкин, что так напугало тебя? Чую, ответ где-то рядом. И я найду его.

Тут он поймал себя на том, что уже долгое время тупо рассматривает подпись под приказом о награждении Бузыкина. В том смысле, что не сводит с него взгляд, но ничего не видит. Тряхнув головой, он вчитался в эти немыслимые каракули и кое-как разобрал: О. Кадченко. Перевел взгляд на выписку с приказом о доставке Полуяровского, и там тот же Кадченко. Странное дело: человек, отдавший строгий приказ, сам же награждает подчиненного за явное невыполнение оногo. За грубое его нарушение. Есть над чем поразмыслить...

Дальше — больше. Бузыкина переводят в отдел по борьбе с контрреволюцией. Факт сам по себе не столь и значительный, но вот начальник этого отдела... Николай Шклабада... Что-то напоминает Лукину эта неординарная фамилия. Может быть, он встречал ее в прошлый свой приезд в Херсон, разбирая документы тех лет? Лукин, обхватив голову руками, сколько может, напрягает память, но ничего путного из этого не выходит. Слишком поверхностно он просматривал то, что, как тогда считал, напрямую не касалось Антона. А ведь он как раз здесь и мог попасть к кому-то на крючок. Или под крылышко. Именно с этого перевода, то есть с тридцать пятого года, когда он попадает в прямое подчинение к полковнику Шклабаде, отсчитывается быстрый карьерный рост ревностного служаки. Почти неграмотный, ничем нигде себя не проявивший, он вдруг получает звание за званием. Гляди-ка: почти до сорока лет дослужился лишь до двух треугольников

(что соответствовало званию сержанта), а тут — сразу в офицеры, и за два года он уже капитан НКВД. Потом по непонятной причине Антон просит перевести его в действующие в Сибири лагеря. Сменить комфортную жизнь чекиста особого отдела на прозябание в таежной глуши, пусть даже и на высокой должности, — это, знаете ли, по меньшей мере глупо. А когда еще и по собственной просьбе, то уже более чем подозрительно, потому что заранее обрекало на полный застой в продвижении по службе. Напрашивался вывод: Бузыкину что-то грозило в Херсоне?

Лукин вскочил и заходил взад-вперед по кабинету. Вырисовывалась не совсем типичная для того времени картина. Не совсем, но случаи такие были. Доносили ведь друг на друга и особисты, и «закладывали» друзей с еще большим энтузиазмом, если для этого появлялся повод. Поэтому при первом же намеке некоторые не ждали возможного доноса, а таким образом прятались в более, как им казалось, безопасные места. А кто-то просто хотел унести ноги подальше от надвигавшейся войны. Очень похоже, что в пылу охотничьего азарта на дезертира Бузыкина майор проморгал несравненно более крупную дичь. Нужно наверстывать упущенное.

«Завтра же припру его этим Шклабадой, — решает майор. — Не расколется — придется самому ехать в Херсон. Материала там хватит, а дело может оказаться действительно особой важности».

Полковник Шклабада не выходил и из головы Антона. Мрачные размышления одолевали арестанта, пока его везли в город. Как он мог так опростоволоситься? Тот панический страх при появлении матроса в кабинете у следователя вмиг разрушил строго выстроенную им схему поведения на допросах. Что это может быть всего лишь сын нэпмана, застреленного им еще где-то в тридцатом, дошло не сразу. Так ведь немудрено: матрос один к одному портрет отца, чтобы ему пусто было! Да еще бородачка эта нэпманская. В первую-то секунду чуть кондрашка нехватила: Влад воскрес! И откуда принесло этого нэпмановского отпрыска? Бузыкин поежился: если бы не ноги, вернее, их отсутствие, так бы и поверил, что это сам Полуяровский с того света явился. И в недоумении ловит себя на том, что даже сейчас рука невольно тянется перекреститься. Вот это уже плохо: примета — хуже не бывает. И сплевывает поспешно бывший капитан: тьфу-тьфу-тьфу, чур меня, чур.

— Что, басурман, судьбу колдуешь? — с усмешкой замечает один из конвоиров. — Теперь, колдуй-не колдуй, дорога тебе одна.

— Дорог всегда много, — угрюмо смотрит он себе под ноги. — Надо только успеть на свою.

— Тебе успеется, — жестко встречает другой. — Твою никто не займет. И не дорога она, а дорожка накатанная. Ты по ней и докатился. Жалко только, не отдадут тебя на суд народу, а то бы...

— Разговорчики! — лениво прерывает их старший наряда, не дав узнать Антону последствий народного суда. — Сколько раз напоминать?

Разговор с подследственным запрещен по уставу, и за всю оставшуюся часть пути они не произносят больше ни слова.

Камера столичной тюрьмы понравилась Бузыкину до такой степени, что его жизненный тонус слегка повысился. После месячного пребывания в затхлых, вонючих казематах районки он почувствовал себя, как на курорте. А совсем неплохой обед, поданный ему в камеру, настроил на минорный лад. Он вытянулся на железной кровати и, чуть прикрыв глаза, продолжил анализировать ситуацию.

Конечно, он сильно прокололся с этим моряком. Но что толку теперь оправдывать себя? Вопрос в том, насторожит ли это Лукина, или он не придаст значения слабине Антона. Может быть, и спитет на подавленное его психическое состояние. Вид-то молодого, цветущего парня без ног действительно кого угодно лишит равновесия. Как бы то ни было, а с трудом приобретенное им тут какое-никакое, но все же спокойствие улетучилось. Опять нервы на пределе: вдруг да начнет этот дотошный следак копать в том его прошлом. Правда, он один раз уже копался, но как-то обошлось: не всплыла тогда его связь с Шклябадой. При этой мысли его так и подбросило на койке. Чего это он так разволновался? Даже если Лукин

о чем-то и догадался, догадку к делу не пришьешь. И раз уж Антона перевели в тюрьму, значит, майор закончил следствие и сдал дела. Он даже повеселел. Больше всего он боялся именно этого майора — шибко въедливый, обстоятельный. С ним лучше не лукавить — видит насквозь. И все равно, прикинувшись овечкой, он его перехитрил. А что до моряка, так тот ведь ни сном ни духом не знает, кто он есть на самом деле. Детдомовец с полутора лет, там он обрел и имя, и фамилию, как читали они с Пряхиным в его документах. Своей-то он не помнит и не может помнить. Ах, если бы в тех документах была его фотография, или Бузыкин увидел его раньше, то никакого визита к Медянским и не было бы. Не было бы больше здесь в помине и самого Антона. О существовании сына у Владлена он знал, но был уверен, что ребенок тогда же и умер, когда мать не вернулась за ним. От голода ли, от холода ли, но живым Бузыкин его не нашел. Впрочем, как и мертвым. Не до того тогда было. Конечно, обо всем этом не очень-то хотелось вспоминать, но жизненные пути столь неожиданны; и вот эта встреча с моряком едва не вышибла его из колеи. Однако он устоял и тут. В общем, «все ажур, все, Сонечка», как говорили в лагере его друзья-уголовнички. Не будет же майор теперь, когда уже сдал дело, заниматься выяснением личности моряка. Фу-у, ты, как все-таки можно самому себе вбить в голову всякие страхи. И расправляет плечи арестант: погодите, Бузыкин еще

поборется за жизнь. И снова забрезжила-запилигала где-то внутри крохотной светящейся точкой надежда отделаться «четвертаком». Можно ведь рассчитывать на милость, если будут учтены его прежние заслуги перед государством. Мало ли врагов он порешил во славу родины? Не-е, это обязательно зачтется. И еще: не все его прежние деяния вышли наружу, да и последние не все доказаны, а уж выглядеть раскаявшимся старался он изо всех сил. Увидит на суде, что лизание башмаков судьям даст хоть какой-то эффект, не сочтет и это за позор и унижится до скотского состояния. Такое уже было с ним в далекой молодости. Как и тогда, игра стоила свеч! На кону — жизнь, а за нее он был готов на любые унижения. Вожденный «четвертак» вместо «вышки» виделся ему спасением, а сам срок этаким мелочным, ничтожным — ну, прямо как временное неудобство в не очень приятной длительной прогулке. Там, в лагере, жить можно. А он знает, как там можно жить хорошо. Даже припеваючи. У него на это огромный опыт. И уверяет сам себя арестант: «Помилуют... должны помиловать. Бывало ведь даже наши „тройки“ заменяли „вышку“ на лагерь».

Знает Бузыкин, что говорит: сам в этих «тройках» заседал не раз. Только не помнит, чтобы кого-то миловал. Другие — да, было.

Вскоре он совсем успокоился и незаметно для себя вернулся в тот, столь знаменательный для него, двадцатый год.

За плечами у него уже были годы службы в царской армии, а после небольшого перерыва краткая перебежка в армию Красную. Потом столь же недолгая служба у немцев с австрияками (справедливости ради заметим, что это было вынужденно), от которых он благополучно сбежал в петлюровскую Директорию. И после этого побегал достаточно: то снова к красным, то к деникинцам, но ни там, ни там особых лавров не снискал, потому что был всегда либо в обозе, либо на кухне. В общем-то только благодаря этой незначимости так безболезненно и проходила его «линька». Тут надо учесть, что «перекрашивался» он постоянно и вне всякой зависимости от политических пристрастий и убеждений. Их у него, к счастью, не было вовсе. А вот амбиции, хоть и довольно приземленные, были. Но лишь после того, как галичане из Директории, бросив Петлюру, влились в лагерь деникинских войск, ему удалось хоть как-то исполнить свою мечту. Не в боях и сражениях, как можно было бы подумать, а как раз после поражения Добровольческой армии уже в январе 1920 года. Так уж случилось, что незадолго до этого он смог навестить свою тетю Соню в Белозерке и забрать часть припрятанного у нее в саду капитала: франки, которые он умыкнул еще из кайзеровского штаба. Но большую часть денег оставил до лучших времен. И, как оказалось, поступил довольно мудро, ибо через несколько лет эти времена-таки пришли. Правда, не лучшие, а как раз худшие, «черные» дни.

Ну, это для кого как: для страны в целом — да, худшие, обозначенные впоследствии, как голодомор. А многие отдельные граждане, наоборот, нажились на этом горе. Но это будет потом, а сейчас, отступая вместе с разрозненными остатками армии, доброволец Бузыкин не стал искушать судьбу предстоящими скитаниями. В отличие от простых солдат он точно знал, что это конец, недаром же общался с тыловыми офицерами. И, подражая им, просто-напросто умыкнул при отступлении подводу с барахлом, принадлежавшим интендантской службе. Той самой, в хозвзводе которой он состоял и где вершил ратные подвиги, то бишь воровал все, что плохо лежит, и продавал налево и направо при полном попустительстве начальства. Ну, так ведь и делился с ним. Свое бегство он продумал до мелочей. Для начала надо было подпоить напарника, с чем он справился блестяще — уже к обеду вахмистр, с которым они везли армейский скарб, «не вязал лыка». Теперь, пользуясь редкой в этих местах разыгравшейся метелью и отличным знанием местности (отступали от Херсона через Белозерку), он выбрал момент, когда проезжали глубокий лог, и отстал от основного обоза. Тут он соскочил с подводы и сделал вид, что замешкался с лошастью. Будто бы что-то с упряжью случилось. Если бы конвой заметил и вернулся за ним, причина задержки была налицо. Выждал — не заметили. Так ведь не до наблюдений было — успеть бы ноги унести от преследовавших красных, которые стремительно наседали на

пятки по всем фронтам. Тогда, взяв лошадку под уздцы, он осторожно ушел по логу почти к самому озеру, где тюкнул очухавшегося не ко времени напарника по пьяной башке и сбросил тело в завьюженной степи. Даже если и обнаружат вахмистра, поди дознайся теперь, кто таков и кто его порешил. Здесь после минувших боев по всей степи столько заочеченелых трупов — ни схоронить, ни опознать некому. То и дело подправляя коня по строго выверенному курсу (так ему во всяком случае казалось), он все больше впадал в беспокойство. Метель-таки вносила свои коррективы. Она расходилась все больше и вот уже так замела-завьюжила, что на расстоянии двух шагов ничего не видно. С одной стороны, это вроде бы на руку — полная гарантия не попасть до поры до времени в руки красных. Кто же в такую погоду будет рыскать по степи? Но с другой... Доносившийся откуда-то издали леденящий душу вой волков парализовал его волю, и он одной рукой правил, другой наготове держал винтовку. Вой нагонял ужас и на лошадку. Она все чаще всхрапывала и вздрагивала всем корпусом, приседая на задние ноги. Неужели он заплутал? По всем его расчетам, давно должна была быть Белозерка, но в круговерти белого безмолвия не было даже и намека на близкое жилище. Понимая, что сам уже не найдет дорогу, он отпустил вожжи, предоставив лошадке полную самостоятельность. И — чудо! Как только она ощутила свободу, зашагала порезвее, а вскоре, видимо, выбравшись на наезженный тракт,

и вовсе пошла чуть ли не галопом, и уже в крошечной тьме вечера они все же добрались до жилья. Очувтившись перед высокой стеной, Антон сразу понял, что попал не совсем туда, куда хотел бы. Но и это место он знал хорошо: женский Благовещенский монастырь, и стоял он аккуратно у надвратной колокольни. Место это мирное, и он, с трудом расцепив пальцы, все еще сжимающие винтовку, спрятал ее под полог. Там, за главным храмом, находятся жилые постройки, и там он найдет, где переждать метель.

И переждал. На его счастье в одной из построек его встретил высокий, статный мужчина, и без всяких расспросов завел лошадку во двор. Потом, уже когда вошли в дом, спросил односложно:

— Ужинать будешь?

— Что ж не спросишь, кто я такой, откуда? — немного растерялся от такого приема Антон. — Может, я в разбойниках.

— Все мы ноне разбойники с большой дороги, — усмехнулся хозяин. — Разбойничай, коли охота есть. Но кто бы ты ни был, а я по христианскому обычаю перво-наперво кров с тобой должен разделить. Слышал, поди, заповедь Божью о странноприимстве: «Раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, — одень его...» Ну, одежда у тебя есть, и, как мне кажется, с избытком, а насчет остального вместе покумекаем. Потом уж, хочешь — рассказывай, кто ты такой, не хочешь — дело хозяйское.

Я в обиде не буду. Время сейчас не до открытости. Да ты раздевайся, не робей, а то вижу, ты что-то сам подозрителен ко мне?

— Я по другой причине настороже, — постарался Бузыкин смягчить выражение лица. Дело в том, что, едва заслышав о Боге, он, как всегда, не смог скрыть своего неприятия этого слова. — Я к тому, что здесь же... это...

— Женский монастырь? — подсказал мужчина. — Так оно и есть. И этот дом — приют для таких путников, как ты. Ну, а я здесь по поводу реставрации икон да еще есть кой-какие хозяйственные причины. К тому же сегодня я прибыл со своей невестой, Ксенией. Она как раз ушла к матушке молиться и пробудет там до утра. Так что будем вдвоем вечерять, — улыбнулся он и протянул руку: — Владлен Полуяровский, свободный художник. Можно просто — Влад.

— Антон, — не соврал Бузыкин, пожав его руку, но фамилию умолчал.

— Ну, Антон, значит, все на столе; поужинаем, чем Бог послал. Ты пока тут осмотришься, а я пойду задам твоему коню овса.

— Э-э, нет, — как ужаленный вскочил тот. — Это я, брат, сам сделаю. Если позволишь, конечно.

— И так ладно будет, — не обиделся Владлен. — Чего ж не позволить. Возьми вон только лампу. Темень-то на дворе, хоть глаз выколи.

Как ни пытался потом художник разговорить гостя, ни за ужином, ни после него тот так и не пошел

на контакт: отвечал односложно, в долгом умолчании подбирая слова для ответа. Беседа не клеилась; Полуяровский достал из кармашка жилета часы, чтобы посмотреть время, и не заметил даже, как при этом так весь и подобрался его собеседник. Сопровождаемая дивной мелодией, откинулась крышка часов, Владлен покачал головой и зевнул:

— Ну, что ж, время хоть и не позднее, но можно уже и на покой. Доброй тебе ночи, Антон. Завтра ты как: рано поедешь?

И тут хмурый путник вдруг разговорился. Несмотря на полумрак в избе, он четко разглядел эти часы на золотой цепочке. Блеснув ярким отражением тусклого света лампы, они как магнитом приковали его внимание. К тому же буквально заворожила его и прозвучавшая мелодия.

— Это что — часы такие... с музыкой? — не ответив на вопрос, облизнул он вмиг пересохшие губы.
— Золотые?

— Что, никогда не видел? — удивился художник. — Золото с инкрустацией.

— Видел. Раз только, да и то мельком. У командира одного.

— Так ты что, белый? — с интересом взгляделся в него Владлен.

— Почему сразу — белый, — стушевался Антон.

— Потому что красные своего командира за такие часы сразу бы повесили. Это ведь признак буржуя.

— Я ни за кого, — после некоторого замешательства выдавил Бузыкин. Он не знал, как себя вести с этим образованным художником. — Я сам за себя.

— Тоже позиция, — сказал Владлен, и в голосе его почудилось Антону одобрение. — Хочешь посмотреть? На, полюбуйся.

Бузыкин невольно дернулся и с такой готовностью протянул руку, что Владлен лишь покровительственно усмехнулся. Но когда увидел, с какой жадностью тот рассматривает крышку и водит пальцем по гравировке на обратной стороне, ему стало немного не по себе. Антон же, заполучив часы, буквально отрешился от мира, и чем дольше созерцал их красоту, тем яснее понимал, как трудно будет с ними расстаться. Что уже не сможет отказаться от них. Он должен их иметь! Он то ласково поглаживал их, то, уловив ответ лампы, играл «зайчиком» по стенам и потолку, и... сиял от восторга, как малое дитя. Ах, как они согревали его душу. Он это чувствовал всем своим существом. В кои-то веки Бузыкин во что-то влюбился, но — увы! — безответно. Предмет любви принадлежал другому: тому, чье имя было выгравировано в честь юбилея и на месте которого ему хотелось видеть себя — на месте художника. Вот так же эффектно вынуть бы «бочата» из кармашка жилета и, сообщив время, столь же небрежно защелкнуть и вернуть их назад — о-о-о! Он даже не замечал, что инсценирует эти движения, как не заметил и невольно вырвавшийся из груди стон.

Но все это видел Полуяровский: в сильной озабоченности следил он за бурей эмоций, отражавшихся на лице заплутавшего путника.

— Ну, налюбовался, — протянул он руку за часами, но Антон решительно загородил их своим корпусом.

— Продай, — выдохнул он и впился в художника горящими от возбуждения глазами. — Ты себе еще найдешь, а я — нет. Продай!

— Зачем они тебе? — как можно мягче сказал Владлен. Ему были известны случаи, когда чересчур неуравновешенные люди готовы были на безрассудный поступок именно от созерцания драгоценностей. Вернее, из-за невозможности их иметь. — Ты же видел, что это именные часы.

— Пусть, — не очень-то вникал в суть его слов Бузыкин. — Ты просто не веришь, что я могу тебе хорошо заплатить. Не веришь? А я могу. Скажи — сколько? — Отложив часы, он резко запустил руку за пазуху: — Не веришь, так щас поверишь...

Реакция Владлена была мгновенной: подумав, что тот полез за оружием, он тут же выхватил наган:

— Спокойно, парень. Руки на стол!

Увидев нацеленное на него дуло, Антон побелел от страха и сразу обмяк. Как-то сразу прошло и наваждение.

— Дәне-е, што ты. Ты не понял, Влад. Я по-честному. Вот, смотри, — бормотал он, спешно сбрасывая на стол ассигнации. — Я купить хочу.

— Очнись, друг, какая тебе тут купля-продажа? — строго сказал художник и взял часы со стола. — Тем более, что за эти бумажки ты сейчас не то что часы, булку хлеба не купишь.

— Подожди, подожди, — умоляюще сложил перед собой руки Антон. — Я только еще достану. — Он снял шапку с гвоздя и, поколдовав с подкладом, извлек оттуда другие деньги. Это были франки: — А за эти?

— Да-а, — покачал головой Владлен, — а ты, я вижу, мужик не промах. Но пойми: такие цацки сейчас не для тебя. Тем паче, часы именные. Да за них тебя первый же комиссар на тот свет отправит, хоть ты и ни за кого, как говоришь. Только не говори, что ты мирный крестьянин. Мирные валютой не располагают. Да и с награбленным добром не драпают. Я не про бумажки эти, — кивнул он на разлетевшиеся по столу деньги, — забери их и спрячь подальше от греха. Думаешь, я не понял, что у тебя в подводе? — понизил он голос и упреждающе поднял руку: — Не хорохорься, мне все равно, кого ты ограбил: белых или красных. Одно плохо — что вообще ограбил. Ну, так время теперь такое: не ты ограбил, так тебя казачнут. Правильно мысля?

Перепуганный Антон машинально кивнул; понимал, что художник прав. Как-то незаметно он подчинил его своей воле. «Раскусил, зараза, — тоскливо подумал Бузыкин. — Так ведь я сам раскололся, да еще деньги оказал. Хоть бы сказал, кто же он-то».

— Кстати, я тоже сам за себя, — как бы прочитал

тот его мысли. — Что при белых, что при красных. Одного мы, стало быть, поля ягоды, хотя и к великому моему сожалению. (Вот эти его слова о сожалении надолго затаит в себе оскорбленный Бузыкин и припомнит художнику при первом же удобном случае). В общем, можешь меня не опасаться. Ни тем, ни другим я тебя ни при каком раскладе не выдам; ни к чему мне это. Твоя жизнь — ты ей и располагай. А о часах забыли. Запомни: тебе они могут принести только несчастье. Как бы ты их ни заполучил. Все!

— И на том спасибо, — облегченно вздохнул Бузыкин. Понемногу он приходил в себя: — Я, и правда, опасался тебя. Щас ведь не сразу угадаешь, на кого ловчее молиться...

— Ловчить да приспособливаться — не означает молиться, — резко оборвал его Владлен. — Молиться надо только Богу. А приспособление — это ко всему остальному.

— Можно и так сказать. Только молитвы мне ник чему.

— Вижу, не в ладах ты с Богом.

— А на кой Он мне, если Его нет? — в неожиданном презрении хмыкнул Антон. — Это только попы людям головы морочат. Да ты и сам-то навряд ли веришь, что Он есть на белом свете, а меня разыгрываешь.

— Это еще с чего ты взял?

— А то, что ни один ученый не верит в Него.

— Та-ак. Тогда выходит вся Красная армия — из ученых?

— Пошто из ученых? — округлил глаза Бузыкин.

— Потому что все они — безбожники. А Белая армия? Там же вроде как большинство верующих людей, а? Как же ты среди них оказался?

— Ну, дак, — смешался Антон, — это ж совсем другое дело. Это ж как обстоятельства...

— Да нет, дело то же самое, друг мой. Головы людям заморочили не попы, а сами люди. Потому что забыли Христа: что красные, что белые. И хоть говорят, что веруют, но в кого — это большой вопрос. Вот поэтому я ни за кого. А ты не поэтому. Если бы ты, я, другой, третий — все! — верили в Бога, разве ж кто пошел бы воевать? Да еще друг против друга, да еще брат против брата. А в итоге получается, что все предают родину на растерзание.

— Говоришь, что веруешь, — понемногу смелел Бузыкин, — а крестика на шее нету. Чего ж не носишь?

— Наличие крестика на шее не означает обязательной веры. Люди с крестиками точно так же убивают других, как и те, что без оных. Верить и молиться надо Иисусу Христу, Который был распят на кресте. Вот когда Он в твоём сердце, тогда любовь Его не позволит поднять руку на ближнего. Ты чего это, Антон? Куда засобирался?

Бузыкин уже снял с гвоздя свой полушубок и как бы размышлял: уходить — не уходить.

— Не по душе мне такой разговор, земляк, — хмуро посмотрел он на Владлена. — Не обессудь, но с Богом твоим мне не по пути.

— С кем же по пути? Да повесь ты свой кожушок, никуда я тебя не отпущу. Куда ты в такую вьюгу, да еще на ночь глядя? К волкам на трапезу? Мне не тебя — лошадку жалко. Договаривай, раз начал. С кем?

— Я уже сказал.

— Что сказал? Что сам по себе?

— Угу.

— В том-то и беда наша людская, Антон, что нам это только кажется, — примирительно сказал Влад. — Ан, нет, брат, сами-то по себе мы ничего не можем. И не значим. Каждому из нас нужен тот, кому бы мы верили. У одних — это Бог. А у других... Вот у тебя — кто? Впрочем, твоего кумира я, кажется, знаю. Мечтаешь ведь стать богатым, так?

— А ты, скажешь, не мечтал?

— Богатство богатству рознь. Я и сейчас мечтаю о нем. Но только не о том, которое считается богатством здесь, в миру. «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе... Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Так говорит Христос; и мое сокровище, Антон, я хочу иметь с Ним на небесах. Ты понял разницу?

— Чего ж не понял. Понял, что теперь, когда ты уже разбогател, тебе и о небесах помечтать можно. Здесь-то у тебя и так все есть. Скажешь, не так? А что там они говорят: Христос ли, поп ли с попадьей, — какая мне разница?

— Да, тяжелый у тебя случай, — покачал головой Полюровский и добавил непонятно для Антона: — Почти клинический. Ну да ладно, не буду тебя разочаровывать, что я далеко не богатея. Что зарабатываю все вот этими своими руками. А часы, пожалуй, единственное, что у меня есть дорогого. Как память о родителях — дорогого. Давай располагаться на ночлег. Я в горницу, ты — здесь, на топчане. Да, ты мне так и не ответил, рано ли вставать тебе? Я к тому, что будить — не будить.

— Сам встану. Отдохну недолго и уеду потиху, чтобы никого не потревожить. Может, распогодится к утру-то.

— Может быть. Ну, как знаешь. Хочешь совет, Антон? Бесплатный.

— Скажи.

— Валюту припрячь до поры, а эти деньги вместе с подводой и товаром — прямехонько в ревком.

— Чи-иво-о? — физиономия Антона вытянулась в недоумении.

— В ре-евком, — также нараспев повторил Владлен. — В Херсоне красные его уже восстановили, значит, и во всем уезде восстановят. Что ты им там наплетешь, меня не касается; как и не мне тебя учить, что плести. Но это — стопроцентный шанс, что оставят в покое. А может, даже и наградят, если скажешь, что отбил у деникинцев. Партизанил, мол, вот и выгорело дело. Кто проверит, партизан ли ты на самом деле или нет, если их по всей округе сейчас пруд пруди. А красные

нынче моду завели награждать кого ни попадя. Вот под шумок-то и проскочишь. Так что дерзай!

Как ни был туп Бузыкин, но такому совету несказанно обрадовался:

— Вот за это благодарю, Влад. Сам бы я до этого не додумался, а глядишь, и придется воспользоваться советом. Отплачу, если когда еще придется встретиться, а нет — не поминай лихом.

— Да, Антон, это не от нас зависит. Бывай. Лампу сам загасишь.

Полуяровский раздвинул шторы на дверях и скрылся в горнице. Вскоре оттуда уже раздалось его шумное ровное дыхание.

—*—*—*—

Чуть обождав, Бузыкин, поминутно поглядывая на шторы, рассовал иностранные деньги теперь уже под подклад полушубка и, убедившись, что они не прощупываются, облегченно вздохнул. Ассигнации же рассовал по карманам: правду говорит художник, лучше сдать их властям. Глядишь, и хоть какое-то расположение к себе заимеешь. Правда и то, что обождать надо с цацками. Но это только пока. Придет и для них время. А сейчас бы спокойствие душе найти. Так он убеждает себя и сам же себе не верит: запали в душу часы, так и стоят перед глазами. Ах, как же хочется их иметь — спасу нет! Он подошел к окну, взял со стены лампу, убавил и задул чуть пилигающий фитилек. За

окном хоть и перестало завывать и вьюжить, но была все та же непроглядная ночь. На ощупь добравшись до топчана, он как был, так и улегся на него, не снимая верхней одежды. Да еще и с головой укрылся тем же полушубком, а не легким одеялом, которым была застлана постель: так-то оно и теплее, и надежнее. Сон вроде и валил его с ног, но едва закрыл глаза, как тут же и возникла перед мысленным взором та красивая, золотом по золоту инкрустированная крышка часов, и уже не шла она более из головы. Заворочался-завздыхал Антон, все сильнее и сильнее обволакивает душу страсть и удушает, словно повилика, опутавшая стебель цветка; и вот уже осязаемо, как наяву, ощущает он часы в своих руках. А руки те уже сами собой нащупали в кармане полушубка уздечку, и складывается та уздечка удавкой. «Ну, Антон, решайся, — нашептывает чей-то голос. — Всех делов-то теперь, что накинуть да не отпустить; с сонным-то справиться проще пареной репы. А там на коняжку — и ищи ветра в поле. Ну! В кои-то веки еще представится такой шанс!» Он знает этот голос. Он даже знает обладателя этого голоса. Иногда этот тип является ему — и не только во сне. Бывает, стоит только закрыть глаза, и он тут как тут. Это что-то аморфное, киселеобразное, ни лица, ни фигуры не разобрать, а голос четкий, так и вкрадывается в душу, неволит и подгребает ее под себя. И сейчас Антон понимает, что это безумие, а нет силы противиться. Не сам, но будто движимый кем-то, встал Бузыкин,

да так и затаился, пытаясь унять дрожь в руках и совладать с прерывистым дыханием. Наконец с трудом утишил волнение и, набрав воздуха в легкие, шагнул к двери в горницу. И в тот же миг вся изба внезапно осветилась яркой вспышкой луны; разорвала полноточница нагромождение туч, зависших над землей, и в доме стало светло, как днем. Каждый предмет обрел свои контуры, только лунный свет придавал им легкой таинственности. Мистический ужас сковал грабителя; столб столбом застыл он посреди комнаты. Авзбросив глаза, прямо перед собой увидел Владлена; раздвинув шторы, тот стоял со скрещенными на груди руками и в упор смотрел на него...

— А-а-а, — сдавленно просипел Бузыкин и в животном страхе кинулся назад. На пути оказалась табуретка, он споткнулся об нее, упал на топчан и в ожидании ударов прижался спиной к стене, в защитной реакции прикрывшись вытянутыми вперед руками. Однако никто его не бил, и даже не было слышно неперемной в этих случаях брани. Он боязливо убрал руки. Никого. Вмиг вспомнились все страхи, связанные с жуткими историями, которыми его пугали в детстве. Тут тебе и домовые, и колдуны-ведуны, и ведьмы, и жихарки из-под печки. Нечисть, одна причудливей другой, наперебой лезла на ум. По ней так и выходило, что художник — один из этих персонажей. Но Антон уже давно ни во что не верил. Тогда что, все это померещилось? Или все-таки правда то, что Бог есть?

Ведь это луна спасла Влада. В это время из горницы послышался его немного встревоженный голос:

— Эй, что там у тебя? Ты слышишь?

— Да ниче-ниче, — торопливо, но как можно спокойнее ответил он. — Это я так, со сна, с топчана нечаянно кувыркнулся.

— Ага, ладно тогда, — невнятно пробормотал художник и, видимо, тут же заснул снова.

Несостоявшийся грабитель долго еще приходил в себя. Теперь, когда Антон, насколько мог, напряг свои неглубокие извилины, он понял, что луна спасла не Владлена, а его, Бузыкина. Ведь у художника есть ствол, и он наверняка у него под рукой. И что в результате нападения могло бы произойти с ним? От одной этой мысли Антон вновь похолодел. Да едва бы он успел накинуть удавку, как Влад изрешетил бы его. И вдруг осознал, что совсем неспроста кто-то предотвратил его гибель. И пришел к неутешительному для себя выводу. Получалось так, что если бы это спасло Влада, то тут бы был замешан Бог. А если бы его, Бузыкина? Сатана? Краем уха он где-то слышал, что это есть враг Бога, но столь сложный анализ был ему не под силу и быстро утомил его.

«Да ну, муть какая-то несусветная, — в итоге разозлился он. — Пусть лошадь думает, у нее голова большая. Все в мире случайно. Просто нам обоим повезло». Эта мысль немного оживила его. Не надеясь уже больше уснуть, он так и сидел на топчане: без мыслей, без же-

лений — в полной прострации. Столь же бесцельно он снова подошел к окну. Визбе хоть иголки собирай — это заглядывала сюда любопытная луна, будто проверяла, все ли стало здесь в порядке. Окруженная оранжевым нимбом, она уже отвоевала полнеба и своим отсветом вкуже с рассыпавшимися рядом с ней звездами убелила сединой свинцово-лиловые тучи, которые грациозно плыли все дальше и сваливались за горизонт. Щедро — на всех хватит! — льет-разливает она свое лунное сияние, а укывшее землю иссиня-белое снежное покрывало сверкает мириадами алмазных искр. И Свято-Троицкий храм со всеми семнадцатью томно осветленными башенками, но чернеющий своими стенами, хранит величавое, полное таинственной значимости молчание. Сама природа располагала к чему-то горнему, возвышенному — изумительный миг поэтического вдохновения! А-у, где вы, поэты?

Но Бузыкин поэтом не был, а вернувшееся спокойствие позволило ему напрочь забыть только что осознанные страхи.

— У-у, волчий светильник, — обругал он луну и угрозил ей кулаком: — И сам — не дам, и другим не дам. Всю малину мне испортил.

То, что своим появлением она спасла его, уже забылось и не входило в расчет. Но, как и всякого не очень храброго человека, его потихоньку, исподволь стал одолевать страх другого рода: почему Влад не отпустил его, когда он засобирался покинуть дом? Несколько

минут сомнений — и вот уже в итоге очередная догадка: «Мать честная! Это ж после того, как я франки оказал! Вот в чем его гостеприимство. Ограбить решил!»

И уже не важно, что это было совсем не так. Что не отпустил его художник задолго до денег. Важно, что это было, а значит, ясен и его умысел. Ну недаром же посоветовал валюту спрятать отдельно. Чтобы не спутать, значит, в темноте. Смотри-ка, делает вид, что спит, на самом же деле только и ждет, когда уснет Бузыкин. «Э-эх, зря я не взял с собой один винчестер. Оно бы спокойнее было утра дожидаться. Теперь и втихушку не уедешь, ведь я у него на крючке: сдаст с потрохами, если кому-то попадусь. Да еще если бы не волки. Нет, дожидать утра буду. Главное, не уснуть и встретить его так, как он сам мне примерещился. Пусть только сунется — отыграюсь за свой страх».

На такой оптимистической ноте он как раз и уснул. Не безмятежно, конечно: все время от кого-то убегал во сне. И когда этот кто-то грубо сдернул с него полубок, мгновенно вскочил и вцепился в его рукав.

— Не трожь! — заорал дурниной. — Убью!

И от сильного толчка в грудь отлетел обратно на топчан, сопровождаемый отборной руганью. Тогда только продрал глаза и увидел, что это никакой не Влад, а вовсе молодой командир красных в шлеме со звездочкой и еще пара здоровых красноармейцев с ним. Как затравленный волк, переводил он взгляд с одного на другого.

— Смотри-ка, буйный, — удивился самый рослый из них и рявкнул: — А ну, кто таков? Почему здесь?

— Посто́й, Охрим, дай человеку очухаться, — остановил его командир.

— Да он же опасный, товарищ Нагнибеда. При оружии.

— Сам разберусь. А ты погляди, вон еще в горнице кто-то шевелится. — И вкрадчиво к Антону: — Ты шо, друже, кого с кем попутал? А ну, кажи оружию свою.

— Нету оружия, — едва слышно просипел Антон.

— Тю-ю, а чем же ты хотел убивать?

— Со сна это. Пригрезилось.

— А подвода во дворе — твоя? И винтовки в ней — чьи? Или мне пригрезилось, что они там?

От обуявшего душу страха Бузыкин забыл все на свете и даже потерял дар речи. Напрочь забыл он и совет Влада. А в это время из горницы вынырнул и сам Влад, подталкиваемый в спину солдатом.

— Ба, знакомые все лица! — неожиданно просиял Нагнибеда и шагнул ему навстречу.

— Ваня, — расплылся в улыбке и Владлен. — Нагнибеда. Вот уж не думал, не гадал. Вот это встреча! Слушай, скажи своему орлу, чтобы не толкался.

— Охрим, повежливее, это сам Полуяровский — свободный художник и гордость самостийной Украины, — не снимая улыбки, сказал командир. И поскольку тот, видимо, не понял, выкрикнул: — Оставь, говорю, его!

Красноармеец, сконфузившись, пробормотал что-то невнятное и кивнул в сторону Бузыкина: дескать, а с этим что?

— Щас, щас, — махнул ему командир, — разберемся. Ну, Влад, какими судьбами в эти края? Зачем ты здесь?

— Да что говорить, Иван, иконы расписывать я тут подрядился, — пожал тот плечами. — На этот раз с Ксенией приехал, чтобы...

— Сестренка с тобой? — радостно перебил Иван. — Где ж она?

— У матушки ночует. Вернее, ночевала.

— Ах, ты радость-то какая, — засуетился командир. — Это... мужики, слышите: сестра моя родная тут. Найти бы надо поскорее.

— Да она сейчас сама придет, время уже, — остановил их Владлен. — И указал на Антона: — Что с ним хочешь делать?

— А он не с тобой?

— Совсем нет. Разве он тебе ничего не сказал?

— Молчит пока.

— Конечно, молчит. Где ты видел болтливого партизана?

— Так он... Так ты партизан? — нагнулся Иван к Бузыкину.

Тот с готовностью закивал. Теперь и он вспомнил, что надо говорить.

— Что ж ты молчал, кореш? — укорил его Иван,

и догадался: — Это, значит, ваши люди на Кизомысе деникинский корабль раздербанили?

Бузыкин с неменьшей готовностью подтвердил и тут.

— Ну, молодцом! И что там у тебя в подводе? Кроме винтовок, что-то есть?

— Винтовок всего пять штук, а в основном теплые вещи. Еще белье, носки, портянки... тоже все теплое.

— Ну, и? — сузил глаза Иван. — Ты знаешь, что тебе будет за мародерство? Куда ты это все хотел сбавить?

— Я их в ваш штаб в Херсоне хотел доставить, да непогода помешала, — залепетал Антон и покраснел от натуги. — Я так и хотел...

— Ладно, считай, что поверил. И благодари Бога, что я сейчас в хорошем настроении, — смиловивился Иван. — Друга вон молодости встретил, — благодушно посмотрел он на Владлена и на секунду задумался: — Так-так- так, земляк. В штаб — это хорошо. Но если они туда попадут, то мои бойцы ничего из этого не увидят. А они у меня разуты, раздеты воюют. Вот поэтому я все это дело у тебя конфискую по закону революционного времени, понял?

— Дак мне бы бумагу тогда от вас, — робко заикнулся Антон.

— Бумагу? Ну, что ж, документ я тебе, и правда, должен дать. Сделаем. Охрим, выправи мужику документ. И вот еще что: подводу мы у тебя тоже заберем, а сам ты отправишься на нашей в качестве провожатого

с ранеными бойцами. А как в штабе в Херсоне все сдашь, то и благодарность получишь от лица Красной армии. Понял?

— Так точно! — вытянулся в струнку Бузыкин, не веря еще в свое спасение. О таком удачном исходе он и не мечтал: — Будет исполнено.

— Ну-ну, — удивился такой его прыти командир. — Иди с Николаем, он все подготовит. — Потом повернулся к Владу и, вроде как извиняясь за свое решение, сказал: — Понимаешь, каждый боец на счету, а тут одного бойца есть шанс оставить, да еще и мужиков приодеть. Это же мне несказанно повезло. Мало того, еще и тебя с Ксюшей встретил. Как она?

О Бузыкине он тотчас забыл. А тот, выйдя вслед за Охримом, лицом к лицу столкнулся во дворе с двумя женщинами, спешившими к дому от храма: пожилой монашкой и другой, совсем молоденькой, в легкой накидке и полушалке. Как ни озабочен он был своими мыслями, а невольно замедлил шаги: уж больно много счастья светилось в лице у этой девчушки. Этим благословенным выражением она и отметилась в его черствой душе. «Ишь, как светится, — пробурчал он про себя. — Знать, услышала о братце». Что это и есть сестра Нагнибеды, Антон понял сразу: они были слишком похожи, чтобы не увидеть это. Он посторонился, а она, как и монашка, проходя мимо, сложила руки на груди, но не остановилась, а лишь сказала с легким поклоном: «Здравствуйте, вам». И тут же с криком «Ванечка!» сорвалась с места.

Обернувшись, он успел заметить, как у самого дома закружил ее в объятьях выбежавший навстречу Иван.

— Ты поспедай, поспедай, — поторопил его Охрим, — нечего на чужих баб глазеть.

— Да я и не глазел вовсе, — слабо возразил Бузыкин. — На что мне? На че доброе, так, может, и поглазел бы.

— Это ты прав, — одобрил его красноармеец. — От них все зло на земле, да и не время до них теперича.

— Без них оно спокойнее, — тут же осмелел Антон, почувствовав в Охрime родственную душу. — По мне, дак вообще бы ввек их не видеть.

Все же Ксению он увидел еще раз. Когда уже двух раненых бойцов уложили на телегу и все солдаты, кроме Охрима, ушли, стал прощаться с ними и стоявший в стороне Нагнибеда. Один из них еще мог сидеть на телеге, другой, тяжелораненый Арсений Гулько, лежал весь в бинтах на войлочной подстилке. Видны были только его глаза. Иван что-то еще говорил бойцам, когда подошла его сестра с той же пожилой монахиней и тихо попросила:

— Ваня, разреши нам помолиться над ними.

— Ты что, Ксюша! — вскинулся ее брат, но она с такой мольбой смотрела на него, что он растерялся и беспомощно огляделся: не слышит ли кто чужой. — Ты пойми, дорогая, — начал Иван и осекся, услышав голос раненого бойца.

— Командир, — громко простонал он. И когда он наклонился, зашептал горячечно: — Помру я скоро,

Ваня. Не довезти меня. Дай им помолиться. Пусть подойдут с матушкой. Разреши, за ради Христа прошу. Никогда тебя ни о чем не просил, теперь прошу. Православный ведь я.

Иван, закусив губу, легонько сжал его руку повыше локтя и кивнул:

— Ладно, Арсений. Будь по-твоему.

— Спасибо, командир, — донесся до него шепот бойца.

— Спасибо, Ваня, — эхом откликнулась его сестра.

Склонившись к раненому, они с матушкой стали молиться, а стоявшие рядом Иван и подошедший Полуяровский молча внимали молитве, украдкой смахивая слезы. Ах, если бы знать тогда, чем обернется это разрешение самому Ивану.

Не тронула ситуация лишь Бузыкина. Хорошо слышав слова раненого: «не довезти меня», — он единственный, кто воспринял их так, как они прозвучали. Ведь если он не довезет бойца живым, кто поручится, что красные его самого не отправят на тот свет? Дорога была каждая минута, а тут эти бабы со своей молитвой. Ну, что даст она болящему? Не укол, не таблетка даже — чем могут помочь глупые заклинания? Будь его воля, он разорвал бы этих моельниц. Но воля не его, и, тщательно скрывая раздражение, он переводит взгляд с одного на другого и вдруг видит выражение лица Охрима. Видит и понимает, что думает тот точно так же, как и он, Бузыкин. Весь вид красноармейца говорит о нетерпении. Что вся эта затея с молитвой —

лишь пустая трата времени. Взгляды их встретились, и, похоже, они поняли друг друга.

Матушка тем временем закончила молиться, перекрестила бойцов и благословила их путь до Херсона.

— Спасибо, матушка, на душе у меня так легко стало, что теперь и помирать не страшно, — как-то очень спокойно сказал Арсений. Чувствовалось даже, что он улыбнулся.

— А ты не умирай, — склонилась к нему Ксения. — Ты молись в пути. Постоянно молись и проси Иисуса войти в твое сердце. Запомни: непрестанно молись — и ты услышишь Христа, понял?

— Понял, — чуть слышно ответил он. — Я кажется... — И смолк.

— Пошел, пошел! — крикнул Охрим.

— Да куда пошел? — в отчаянье сипло выдавил Антон, — когда он уже приехал. Сымать надо мужика.

И услышал голос Арсения:

— Не надо сымать. Гони, парень. Я теперь до самой Москвы живой доеду.

Несколько ошеломленный, Бузыкин вскочил на передок, схватил вожжи и вопросительно посмотрел на командира. Тот махнул рукой: трогай, мол.

«Да сохранит вас Господь!» — донеслись до него последние слова Ксении. Обернувшись уже у самой надвратной колокольни, он увидел, что они с монашкой так и стоят, и машут им вслед. Это как-то успокоило его.

«Может, и правда, довезу, — тоскливо, но уже в некоторой надежде подумал он. — Тогда конец моим скитаниям. Так хорошо сегодня началось, неужели плохо кончится?» — И снова: — Эх, только бы довезти».

Довез. И довез, и сдал красноармейцев врачам на руки, и в штабе благодарность получил. А главное, почти сразу — в какие-то три дня! — ему выдали новые документы. На основании той бумаги за подписью Нагнибеды, из которой следовало, что раненых сопровождает боец отряда Антон Бузыкин, отличившийся в бою с деникинцами под Кизомысом, на Днепровском лимане. И оказался он неожиданно-негаданно в героях. Но затаился до поры до времени в Белозерке у тети Сони; во-первых, удостовериться в сохранности тайника, а во-вторых... Мало ли деникинцев так-то вот разбежались по белу свету! А ну, как опознают — зашибут ведь, не моргнув глазом. Или те же партизаны, не надуманные, а настоящие — те, которые реально паролод у деникинцев отбили! Не-ет, глаза мозолить людям сейчас не резон, пусть уляжется все, успокоится. Лучше пока пожить по принципу: вперед не суйся и взад не отставай. Тише воды, ниже травы чтобы.

—*—*—*—

Именно так — тихо и мирно — объявился он у своей матери Одарки с отчимом, которые, надо сказать, особой радости от его появления не испытали.

Они его давным-давно похоронили по дошедшей до них весточке еще с германского фронта. По какому такому недомыслию вообще получилась та весть, Бузыкин так и не узнал, потому что в боях с немцами не участвовал, а прослужил до самой революции в денщиках у тылового интенданта. Где, собственно, и поднаторел в хозяйственных делах. Во всяком случае, науку, как, где и что слямзить без лишнего шума да чтобы было все шито-крыто, при полном соответствии с документами, он освоил блистательно. Его шеф, штабс-капитан Виктор Незбудей, поймав денщика на получении материи со склада по фиктивным накладным, поначалу хотел тут же отправить его на фронт. Но, присмотревшись, как грамотно подготовил он все и с какой ловкостью обтяпал эту аферу, передумал. Да это же готовый помощник в делах. Любого капитанармуса за пояс заткнет! В конце концов, поймал он его совершенно случайно, а так-то из парня выйдет толк. Ну, и на совсем уж (тьфу-тьфу-тьфу) непредвиденный случай — это громоотвод. На такого можно все списать — достаточно посмотреть на его наглую рожу. В общем, оставил мужика при себе.

Так что ни в каком бою Антон не мог пасть ни «смертью храбрых», ни просто умереть в окопах от вшей и голода, как это было на фронте сплошь да рядом. Довелось ему побывать однажды там, на линии фронта, будь она неладна эта линия, и он видел эти трупы в окопах. Скорее всего, там и был его однофамилец. Тот,

с кем его спутали. После этого посещения передовой у него выявилось стойкое отвращение к фронту.

А уже в февральские события Незбудей предусмотрительно уволил в общем-то полезного для себя денщика. Так и сказал на прощание: дескать, хороший ты мужик, но давай-ка расстанемся подобру-поздорову, пока ты меня не сдал. Время больно тревожное идет, и без тебя оно спокойнее будет. А ты, мол, не пропадешь, как я сильно подозреваю. Только с умом трать то, что при мне нажил. С какой стороны ни посмотри, а труд-то твой был нелегкий: не каждому по плечу.

Хорошее, конечно, напутствие, но не пошло оно Бузыкину впрок. Он вроде бы так и хотел — ну, с умом чтобы. Но, оказавшись в Киеве, не удержался и за три месяца спустил «нажитое нелегким трудом». Потом — сплошная круговерть: митинги, демонстрации, волнения, охватившие всю страну. Страшная по своему размаху и жестокости российская смута... Время пронырливых людей. В той мутной воде, колеся по Украине, ловил свою рыбку и Бузыкин. В основном, на вещевых рынках, где с корешами грабил невнимательных продавцов. Однажды все-таки попался в Николаеве, но тюрьмы города и без него были переполнены, так что после недолгих переговоров с революционно настроенным следователем пришлось «добровольно» вступить в ряды Красной армии. Было это в конце января семнадцатого года. Однако очень скоро он понял, что поторопился, потому как никаких обещанных льгот от

этого не поимел, а, наоборот, только нажил неприятностей на свою голову: ни тебе ограбить кого, ни даже еврейский погром устроить без ведома комиссара не можно — это жизнь? А попробовал, так чуть было не расстреляли за мародерство. Не комиссар — истый зверь этот помощник командира. В своем полку насаждал он железную дисциплину и анархии не терпел: чуть что не так — в расход! Даром что из паршивых интеллигентов, должен вроде бы мягкотелым быть. Куда там! Зверь и есть. И за что его только другие солдаты уважали, задавался вопросом Бузыкин, но так и не понял. Ну, а от расстрела его спасла тогда внезапная заваруха с кайзеровцами. В апреле немцы с австрияками, как гром среди ясного неба, свалились на голову красным, и те в спешке отступления не успели ни прихлопнуть, ни прихватить с собой томящегося в подвале «добровольца». Антон к тому времени уже худо-бедно изъяснялся по-немецки (результат постоянного общения на рынках со спекулянтами из немецкой слободы) и очень даже сносно смог объяснить выволокнув его из заточения оккупантам, что он есть жертва красного террора. То есть, его противник. Ну, а поскольку расхожий постулат: «враг моего врага — мой друг» — имел силу во все времена, то его тут же взяли переводчиком в штаб командования. Спасли, в общем, мужика. Вот только развернуться как следует он не успел и там: все дело оказалось в одежде. Примерить на себя кайзеровскую форму он был не против — и

материал дорого стоил, да и сама форма сидела на нем, надо сказать, не то, что прилично — щеголевато! Он уже прикидывал, за сколько можно будет ее «сбагрить» на рынке, но оказалось, что должно ему в ней сфотографироваться на документ — пропуск в штаб. Положение не из приятных: отказаться от фотосессии означало вынести самому себе смертный приговор, причем приведут его немцы в исполнение тут же, «не отходя от кассы», как любил выражаться сам Антон. Но и жить дальше, зная, что твоя физиономия будет не только на пропуске, а еще и в заведенном на тебя досье как немецкого пособника, — тот же самый приговор. Уже от своих, который будет покруче первого. И он запаниковал. Все же выбрал первый вариант, какая-никакая, а отсрочка есть. А там — мало ли что в жизни бывает. В общем, сфотографировался (правда, долго не получалась улыбка, которую требовал изобразить фотограф), но с той самой минуты стал ждать удобного случая, чтобы изъять фотку из папки с документами, которая хранилась в столе главного офицера. Бузыкин один раз даже сам лично относил ее в другой кабинет. Видно было, что большого значения этой папке они не придают. На его счастье уже в мае этот удобный случай представился: офицеры проводили вечеринку с музыкой и шампанским прямо в штабе, и новоявленный переводчик, присутствовавший там в качестве услуги, увел злополучную папку, а заодно и обчистил на всякий случай кассу штаба. По привычке.

Не отходя, так сказать. За сим он убыл в неизвестном для своих спасителей направлении. Хотя почему же неизвестном? Очень даже известно: в это время набирало обороты движение Петлюры, и его лозунги о самостийной Украине и врагах-евреях привлекали многих авантюристов. Переждав пяток дней в домике тети Сони, двоюродной сестры своей матери, Бузыкин припрятал валюту в ее небольшом саду и, спалив там же папку со своей биографией и фоткой, махнул за счастьем к Симону Петлюре. Где без особых расспросов был поставлен на довольствие и зачислен (по его личной просьбе) на кухню при штабе у галичан. Ну, а как только те прознали о тайных переговорах Симона с поляками, об его обещании отдать Польше Галицию, кинули атамана вместе с Директорией и перешли к Деникину. Понятно, что вместе с ними безболезненно перебежал и Бузыкин. Остальное мы уже знаем.

И вот после стольких-то лет он объявился у матери. Как уже было сказано, восторга при встрече ни сама Одарка, ни тем более отчим не выказали. Но это на первый момент — не выказали. Когда же он достал из своего вещмешка пару бутылок водки, круг колбасы, хлеб и самые настоящие шпроты, отношение их резко изменилось. А после пары стаканчиков мать даже всплакнула: оказывается, они с Вениамином (отчимом) вспоминали о нем каждый день. Ну, а уж как похоронку получили, так свет и вообще стал не мил. «Веня, вон, не даст соврать, — то и дело призывала она

мужа в свидетели, — ревела я, как оглашенная; прямо дурниной ревела!»

Бузыкин слушал ее откровенное вранье и самодовольно улыбался. Но когда в воспоминания ударился и Вениамин и договорился до того, что жил он «с сынком душа в душу», Антон не выдержал и расхохотался. Немного озадаченный, отчим взглянул на него... и тоже вспомнил. В памяти обоих ярко всплыл самый последний, заключительный, эпизод из их совместной семейной жизни.

— Что, тоже вспомнил? — криво усмехнулся Бузыкин.

— Кто старое помянет, Тоша, тому глаз вон, — не принял вызова отчим и несмело потянулся к бутылке: — Что было, то прошло.

— Не сердись, Тоша, — вступила и мать. Она была уже пьяна. — Хочешь, оставайся жить с нами, а?

— И правда, — обрадовался такому выходу Вениамин, торопливо налил в стаканы, чокнулся доньшком своего по верхам остальных и, не дожидаясь тоста, выпил. Понюхав кулак, крякнул: — Оставайся, Тоша. Места всем хватит. Ну что, мир?

— Уговорили, — сдержанно кивнул тот. — Мир, так мир. Останусь. Может быть, на днях перееду.

А думал-то совсем другое: «Ми-ир. То-оша. Эк, ты заговорил. Нет, батяня, я тебе еще все припомню! И не только тот день — все дни разом. Но особенно, конечно, тот».

—*—*—*—

В тот день Антошка, давно, но безрезультатно следивший за отчимом, выявил наконец-то тайник, где тот прятал деньги. Попросту говоря, заначку. Деньги были ворованные, потому что и сам Вениамин был профессиональный вор-карманник. Ходки в тюрьму и обратно, как правило, непродолжительные, сменялись с такой частотой, что трудно было сказать, где он провел больше времени: в своем или казенном доме. К чести же Антона надо сказать, что, как ни пытался отчим привлечь его к ремеслу вора-карманника, он не поддавался ни на какие уговоры. И вовсе не потому, что жертвы краж вызывали в нем жалость, или был оншибко идейным. Просто намного легче было выуживать деньги из карманов пьяного отчима и его собутыльников, когда те засыпали мертвецким сном, чем пытаться это проделать с кошельками живых людей. Толчок к таким действиям дала ему мать, постоянно облегчавшая карманы друзей мужа. Однажды подсмотрев такую ее нехитрую операцию, сынок быстро составил ей конкуренцию. Как ни странно, Одарка, заметив это, даже не отругала его, а только строго-настрого предупредила: брать понемногу. Лет до пятнадцати он так и делал, и пока выуживал лишь малую часть денег, все ему сходило с рук. Ни отчим, ни его собутыльники даже не замечали пропажи. Но парень вырослел, возростали и его аппетиты, и как результат — один из частых гостей заподозрил в пареньке «крысятника». Соответственно вскоре Антон влип:

прикинувшийся невменяемым, кореш Вени застукал его на месте преступления, то бишь, ухватил его руку непосредственно в своем кармане, где находиться ей было вовсе не положено. С виду добродушный, а на самом деле жесткий и злой, Васька Кроха (кличка от фамилии Крохаль) некоторое время с удивлением рассматривал дрожавшего от страха пацана, потом подтянул его к себе, лицом к лицу, и спросил участливым шепотом:

— Что, Венька денег не дает?

Антон отрицательно замотал головой в надежде избежать трепки.

— Ни Венька, ни мать? — не поверил Кроха и, получив тот же энергичный ответ, усадил его рядом с собой: — А деньги надо, да? Вижу, что надо. Да какой разговор, я тебе их дам. И твоим родителям ничего не скажу. Только за это ты мне иногда будешь оказывать помощь. Будешь?

Антон утвердительно качнул головой.

— Ну, вот и ладушки. Вот тебе детишкам на молочишко, — небрежно кинул он на постель такую сумму, что у Антошки дух захватило. — Это на мелкие расходы. На крупные сам заработаешь, понял? Завтра вечером идешь со мной. Только не вздумай шутки шутить — башку сверну.

Он сказал это так обыденно, что парень понял: свернет. И сразу же на душе стало тоскливо. Даже отчим со своими угрозами показался теперь милейшим человеком. Крохаль был домушник, и Антон прекрасно

знал, какая помощь от него требуется. Весь тот день он ходил как в воду опущенный. Удручала перспектива быть пойманным и сесть за решетку.

«Один раз попробую — и на этом все!» — успокаивал он себя.

Как он и предполагал, всего-то от него и потребовалось, что проскользнуть в дом через форточку (хозяйева в отъезде) и открыть дверь изнутри. Потом «постоять на шухере» и помочь отнести вещи в надежное место. От начала и до конца «дела» Антона трясло, как в лихорадке, зубы выстукивали дробь, и бешено колотилось сердце. И мысль в уме одна-одинешенька: «Хоть бы побыстрее закончилось. Все, все, все! Не надо никаких денег! Пусть хоть убьет, не пойду больше ни за какие коврижки».

Но гонорар «за работу» был таким ошеломляющим, что страха как-то сразу поубавилось и сильно захотелось испробовать еще. Особенно когда поистратился на друзей с подругами. Да вот, то ли к сожалению, то ли на счастье, одного раза и впрямь оказалось достаточно. Потому что подгадал кто-то Ваське в подворотне нож под ребра, и хоть и дополз он до людей на улице, и, говорят, много денег обещал тому, кто поскорее в больницу доставит, но что-то никто не поспешил помочь раненому. В итоге поздновато привезли его в больницу, и спасти ему жизнь не удалось. Если, конечно, пытались спасти: фигурой-то он был зловецей и хорошо известной в городе. Оттого-то, может, и врачи не сильно торопились.

А Антошка уже среди сверстников гоголем ходил, намекая, с кем он «делает дела», и вызывая этим жгучую зависть пацанов и восхищение девчонок. Но эти чувства в них надо было все время поддерживать наличием денег в кармане, а их как раз и не было больше. Дела-то на корню заглохли. Чтобы не потерять авторитет, он сам предложил отчиму свою помощь, в которой столь долгое время отказывал ему. Но и тут прокол вышел: теперь уже Вениамин презрительно отнесся к его просьбе. Со смертью Васьки он сделался страшно подозрительным: из дому выходил только поздно вечером и возвращался далеко за полночь. Перестали валом валить и собутыльники. Антон догадывался, что между ворами пробежала какая-то кошка, и отчим боится за свою жизнь. А еще он знал, что у него есть заначка, и, спасая свою шкуру, он в любой момент может сбежать. Да и пусть бы бежал, оставил бы только заначку. И как-то подспудно усилил пасынок бдение за отчимом, будто знал, что людей в таких ситуациях так и тянет лишний раз убедиться в сохранности тайника. А это, между прочим, непреложный факт. И вот — удача. Хоронясь днем на чердаке своего дома, он увидел, как отчим, зайдя в сени с улицы, выгацил из-под лавки с ведрами сначала всякие горшки, склянки, банки, а уже потом осторожно извлек оттуда же небольшую сумку. Поминутно озираясь, достал из нее несколько купюр и тут же вернул на место, замаскировав все теми же банками. С большим трудом Антон сумел дожидаться

вечера и после ухода отчима перепрятал сумку в свое, более надежное, место, предварительно позаимствовав из нее несколько червонцев. Теперь можно было показаться и пацанам с девками, которых он угощал уже не только пряниками. В общем, погулял на славу и домой вернулся лишь под утро, при едва забрезжившем восходе солнца. Был он полон впечатлений и розовых надежд на будущее. Мысль, что отчим может его расколоть, как-то не беспокоила, а если и шевельнулась разок, то отнесся он к ней с легким пренебрежением. Заподозрит? Да и пусть. Он будет вести себя достойно, с гордо поднятой головой «пойдет в несознанку». Пусть попробует доказать, что это Антошкиных рук дело. Кто как не сам отчим — к месту и не к месту — утверждал, что, мол, не пойман — не вор? Сколько раз, по его собственным рассказам, он уходил от наказания «за неимением улик»! Так и тут: ты сперва поймай Антошку, а уж потом спрашивай. О методах дознания у парня было еще смутное представление. Если оно вообще было. Так ведь молод еще. (Зато как изощренно будет применять эти самые методы Бузыкин в своей последующей жизни!)

В таком приподнятом настроении он перешагнул порог дома и на цыпочках (обувь снял в сенях) направился в свою комнату. Но не сделал и шага, как цепкие руки отчима ухватили его за горло и прижали к стене.

— Деньги, змееныш! — прохрипел в самое ухо Вениамин и ткнул под дых так, что Антон согнулся в три погибели. — Быстро деньги на кон! — И очередной

удар, теперь уже по шее. Потом, не давая пасынку опомниться, рывком поднял его и шарахнул головой о стену: — Ну!

От такого ошеломляющего натиска враз улетучились все заготовленные красивые фразы о непойманых ворах, и ни о какой гордой осанке уже не было и речи. Одна только мысль и осталась: хоть бы не убил.

— Щас, щас, не бей только, — прерывисто и надсадно просипел он. — Тут они, тут. Пусти, покажу.

— Ну, кажи! — чуть ослабил хватку отчим. Но как только Антошка дернулся, прижал снова и прошипел: — Говори, где, сам найду.

В это время из комнаты со сковородой в руках и с криком: «Ах ты, изверг!» — выскочила Одарка. Глаза матери горели негодованием, и ободрившийся сынок — ее крик и свирепый вид мог быть только в его защиту! — вцепился зубами в руку отчима. Тот взвыл от неожиданной и дикой боли и, выпустив пасынка, запласал по комнате, размахивая руками. В Антошке же — в кои-то веки! — проснулось благодарное чувство. Готовый обнять ее и расцеловать, он в порыве признательности бросился к матери, как вдруг она с силой огрела его той сковородкой. Все в доме поплыло, закувыркалось перед глазами Антона, и он брякнулся на пол.

— Щенок, — как во сне услышал он ее визг. — По миру хочешь нас пустить, паршивец! Быстро признавайся, где деньги!

Боль, обида, горечь обманувшейся души — все это

вмиг забродило-взбунтовалось внутри и выплеснулось в мстительном протесте, выразившемся в сложении незамысловатой фигуры из трех пальцев; и он сунул ее матери под нос:

— Вот вам обоим, а не деньги!

И попробовал подняться, но ноги не слушались, и голова гудела. А через минуту отчим уже спеленал его веревками по рукам и ногам. Затем громко, так, чтобы дошло до пасынка, велел Одарке разжечь примус.

— Цас мы ему для начала пятки поджарим, потом еще что-нибудь придумаем. — И Антону: — Не волнуйся: скажешь. Еще как скажешь.

Угроза подействовала, но как раз теперь он вспомнил, что его берут нахрапом, то есть, без доказательств. Нужно сменить тактику. Тут же и осенила его коварная догадка, порожденная жаждой мести.

— Не брал я никаких денег, — загундосил он. — Это мать их у тебя стибрила, а на меня валит. Ты ж не знал, поди, что она заставляет меня «казачить» тебя с корешами твоими пьяными, так теперь знай. Когда сама ваши карманы обшмонает, а когда меня заставит. А деньги все куда-то в чулок прячет, вот и ищи их у нее.

— Ах ты!.. — задохнулась от гнева Одарка. — Не верь ему, Веня.

Вениамин же вдруг в каком-то просветленном удивлении посмотрел на связанного Антошку. Будто увидел его впервые. И, все еще помахивая укушенной рукой, медленно и зачарованно-радостно покачал головой:

— Ты смотри-ка: видел подлецов, сам подлец, но таких прощельг еще не встречал. Мать родную вложил! Вот это задатки. Далеко-о пойдешь, если тюрьма не остановит. — И прогнал радость с лица: — Только вот что, сосунок: ей можно шмонать, потому что она — жена. А ты никто, понял? — Он понизил голос, видимо, для того, чтобы не слышала Одарка, и сказал фразу, которую Антон хоть сразу и не понял, но запомнил на всю жизнь: — Первый раз по-настоящему радуюсь за себя. За то, что я не твой родной отец. Даже я, гнус, вор, радуюсь, что ты не мой, улавливаешь смыслуху? То-то. А теперь последний раз спрашиваю: где деньги? Одарка, примус! Считаю до трех. Раз...

— В сарае, в дальнем углу, под поленницей, — выдавил опустошенный словами отчима Антон. Ему почему-то стало не так страшно, как безразлично: пропади они пропадом, эти деньги. — Развяжи, покажу.

— Ниче, мы как-нибудь сами, — хмыкнул Вениамин. — Но смотри у меня: если соврал...

— Там они.

После этого Антошка по общему согласью уехал жить в Белозерку к двоюродной сестре Одарки, Соне. Он знал, что отчим хорошо заплатил ей за него. Да и потом приплачивал. Слышал и его слова, что намного, мол, выгоднее избавиться от кусачего щенка, отдав его за деньги на сторону, чем ждать, когда он превратится в кобеля и загрызет тебя.

Больше они не виделись, хотя в Херсоне Антон

бывал часто. Даже когда в армию уходил, не зашел. Краем уха слышал, что вернулся отчим из очередной отсидки полным инвалидом, с отбитыми почками да еще и с туберкулезом. И побрызговал зайти.

—*—*—*—

Теперь вот зашел. Идею подала тетя Соня, что, мол, отчим-то твой плох здоровьем, да и Одарка не совсем чтобы здорова была. Сама она их не видела уже давным-давно, а ему бы надо мать проведать. Заодно и с отчимом повидаться: все же худо ли, бедно ли, но содержал его Вениамин с малолетства. Что до воспитания, так до этого ли им было. Время-то вон какое...

— Дак он что, живой? — искренне удивился Антон. — А я считал, что давно уже сыграл в ящик...

— Живой, — пожала тетка плечами и, выдержав паузу, уточнила со значением: — Только еле-еле душа в теле. Вот я и подумала, что не помириться ли вам напоследок? Кто знает, сколько они оба еще протянут, а у них какой-никакой, а дом. Целые две комнаты, кухня да еще пристройка во дворе. Дело в том, что это и твой дом, и если где подладить да где подновить, то жить в нем еще очень даже можно. — При этих словах она испытующе, в какой-то затаенной надежде проследила за реакцией Антона. И увидев его интерес, добавила с нажимом: — Или продать. Что тоже неплохо.

Знала тетка, что добавить, какие струнки задеть в душе Антона. В тот же день он и засобирался к ним. Не

знал он только, что тетя Соня молила Бога не возвращать ей племянника. Натерпелась она с ним еще в прошлое время, а когда однажды указала на порог — привел в дом целую шайку головорезов и так пригрозил ей, что она чуть ума не лишилась. Так и жила после этого под страхом. Только и успокоилась, когда на него похоронку принесли. А с месяц назад снова объявился, и она с ужасом увидела, что за шесть лет племяш не изменился. Хоть та встреча вроде бы и накоротке была, — крутнулся он по дому да по саду и снова исчез. И прежний страх тот в ней ожил. С бегающими злыми глазками, хитрый и скользкий, Антон, кроме страха, ничего в ней и не вызывал. Ну, разве что еще отвращение. Страшно жить с таким под одной крышей. А теперь он вернулся еще раз и, по-видимому, насовсем.

«Господи, избавь меня от этого врага, — молилась она. — Хоть бы уж он у матери остался».

И он, как мы видели, остался. Но и уходить сразу от тетки не поспешил. На то были свои причины: переехать в этот дом он решил полным хозяином, а для этого нужно было как минимум дождаться смерти отчима. Он это понял на следующий же день после обильной выпивки и принял меры. Как всегда, не откладывая в долгий ящик.

Утром Вениамин первым делом хватился пасынка, поскольку голова была чугунной и измученный алкоголем организм нуждался в срочном оздоровлении. Но Антона не было ни в его комнате, ни на кухне. Лишь

выйдя на улицу, он увидел, как тот деловито, прямо-таки по-хозяйски осматривает дом снаружи. И задумчивость, с которой пасынок почесывал при этом затылок, говорила о том, что он явно прикидывал его стоимость. Отчим вспомнил о своем опрометчивом приглашении и схватился за сердце: «Продаст! Ей-ей, продаст. Не успеешь и глазом моргнуть. Морда-то теперь еще наглее, чем была. Надо хоть книгу домовую спрятать». С такой мыслью он шустро юркнул назад и поделился с Одаркой своим наблюдением и выводами. Мать, будучи не лучшего мнения о сыне, не преминула обвинить супруга: дескать, дернуло тебя пригласить его. И неважно, что инициатором этого была именно она, Вениамин не спорил.

— Язык мой — враг мой, — глубокомысленно изрек он.

Сама она выразилась еще определеннее:

— Язык-то — враг или нет, неизвестно, а вот что он — враг, это точно. И в гроб нас загонит, попомни мое слово. Придумай что-нибудь, Веня. Откажи от дома, пока не поздно.

— Да нет, поздно. Не он набивался, сами пригласили. Тем паче, имеет он право тут жить. Прибавь к этому, что он сейчас в героях. Если не врет, конечно. Подождем, может быть, не понравится и сам откажется. А нет — тогда уж будем думать.

— Ага, так он тебе и откажется, жди, — гневно вскинулась хозяйка, но тут же испуганно зашипела: — Тише! Вон идет. — И замолчала, суетливо прибирая давно прибранную кровать.

Антону достаточно было одного взгляда, чтобы понять, какой разговор происходил между его горячо любимыми родственниками. Другого он и не ожидал, поэтому не подал виду, что чем-то обеспокоен. Наоборот, весело и непринужденно выставил на стол очередную бутылку, улыбнулся и хитро подмигнул Вениамину:

— Ну, как, будем поправлять здоровье?

— Да-аа это... — смешался отчим, бросив взгляд на супругу.

— Ох, да тебе же, наверное, нельзя? — вроде бы только теперь вспомнил о болезни отчима Антон и сделал попытку убрать водку. Но задержался в нерешительности: — Или?

— Нельзя будет на том свете, — торопливо подсел к столу отчим и пояснил с ухмылкой: — Там стаканы без дна будут — сколь ни наливай, не нальешь. Где ты там, мать? Принесла бы чего закусить.

А она уже и без его напоминания спешит с капусткой солененькой.

Выпили, закусили. Антону уже и по делам бежать надо, но не забыл им еще одну бутылку оставить и даже речь шутивную сказал:

— Я буду пить за ваше здоровье, пока не пропью свое. А вы, мои дорогие, пейте за наше примирение. Стеснять я вас не собираюсь: так, иногда захаживать буду. — Тут он вновь хитро подмигнул отчиму: — Когда дела вынудят. Хочу, чтобы все у нас было по-родственному.

Правильно отец сказал: «Кто старое помянет, тому глаз вон!» Золотые слова и, главное, вовремя были сказаны.

Стем и удалился, пообещав заглянуть денька через два.

— Да ты хоть вообще больше не приходи, — хохотнул отчим, когда дверь за пасынком закрылась. Ему уже было хорошо. — А че, мать, пусть так-то захаживает. С угощением.

— А я боюсь, Веня. Хоть и сын мой, а больше, чем ты, боюсь. Не зря это он разугощался, ох, не зря.

— Да не-е, все в ажуре. Это мы зря забоялись, а у него, видать, дела посерьезнее есть. Видела, как заторопился. Значит, и правда, дела. Лишь бы не оказался «тихушником» из ЧК. Но опять же: если был бы им, то так не валандался с нами. — Тут он вздрогнул от воспоминания: — С его-то задатками, а? Помнишь, как он мне тебя за бабки вложил? Во-во! Так и теперь бы сразу на всю оставшуюся жизнь в тюрягу законопатил, будь у него такая возможность. — И закрутил: — А мне туда уже нельзя. Меня и без этого трясет от одного упоминания о «чрезвычайке». Да и давно уже не тот я, что раньше. Эх, наливай, подешевело, расхватали, не берут! — монотонным речитативом выпалил он и распечатал новую бутылку. — Ну, Одарка, за твое здоровье.

Выпили. У Одарки чего-то голова кругом пошла.

— Все, хватит пока, Веня. Как бы худо тебе не стало.

— Не станет. Я, когда выпью, хоть белый свет вижу. Давай, еще.

— Ну, давай. Лишь бы тот твой свет не на тот свет оказался. — И рассмеялась залиvisto: — Белиберду какую-то смолола.

— Тот свет, тот свет, — ухватился он за слово и расхвастался: — А вспомни-ка, когда-а уже мне на-пророчили тот свет! И скольких пророков я пережил? Ого! Смотри! — Он стал загибать пальцы, перечисляя имена своих безвременно ушедших друзей. Голос его при этом затухал, и вот он уже только безмолвно, в каком-то удивлении шевельнул губами. Потом резко выпрямился, но тут же клюнул носом в стол: судорожно сгребая пальцами клеенку, потянул ее на себя и вместе с ней рухнул на пол.

Одарка, шатаясь, вышла из-за стола, подошла и склонилась к нему. Сил приподнять мужа не хватило, и она незлобно упрекнула:

— Совсем ослаб мужик. Говорила же: хватит! Не-ет, надо пить, пока не свалится. А ну-ка, поднимайся! — И уже с тревогой: — Веня, ты че это? Ты ж посинел весь, Веня? — Тревога сменилась панической догадкой: — Тошка, подлец, отравил...

Захватив руками грудь, еле доползла на коленях до кровати и приткнулась головой к подушке. Так их обоих и нашли: его у стола, ее у кровати. И если смерть Вениамина ни для кого не была неожиданной, то по поводу Одарки удивление было. Здоровая во всех отношениях баба: что в работе, что в выпивке. Все же сошлись в одном: с перепоя умерли оба — бутылок-то

вон сколько в доме. И сильно сочувствовали убитому горем Антону.

Авид у него, и правда, был немного пришибленный, хоть и совсем по другому поводу. К нему той похоронной ночью подсел на кровать гость непрошенный (вот взял же моду без спросу приходить!) и давай нахваливать его. Хвалит, да руку жмет; хвалит да руку жмет! Ловко, мол, ты их укокошил, по-нашему, и путь-дорога тебе аккурат в наши обители, потому как теперь мы с тобой друзья-приятели закадычные. Будешь меня держаться — всю жизнь будешь хлеб с маслом кушать. Вскочит Антон: «Кыш-кыш, пропади!» — а на поверку-то и нет никого. Только прикорнет — этот кисель снова тут как тут. И не то, чтобы обнимает, а как бы обволакивает все его тело всей своей бесформицей, и растекается по жилам, и проникает в самую душу. Понимает Бузыкин, что блажь это в глаза лезет, и не верить бы ничему, не обращать бы внимания, но вот рука-то... Рука так саднила, будто под прессом всю ночь была. Так неужто и впрямь пожимал кто? Потому-то он утром и вышел во двор сам не свой: голова чугунная, в ушах перезвон малиновый, в глазах не то страх за себя, не то грусть-печаль по родителям.

«Сын-то, сын ихний убивался так, что не приведи Господь, — судачили соседки после похорон. — Прямо страшно за него. Так ведь не виделись они с парнем лет шесть, а только встретились — и на тебе. Говорят, что,

мол, не очень ладили они. Ну, так что ж, в семье всяко бывает. Зато похороны им устроил, и обед сделал — ой-ей-ей! — дай Бог каждому так-то».

И тут уж ни прибавить, ни убавить. Все было именно так. Никому даже в голову не пришло в чем-то заподозрить недавнего не то партизана, не то бойца Красной армии и провести расследование. Так кто же будет копаться по случаю обыденной смерти, когда сплошь да рядом остаются нерасследованными жестокие убийства. Освирепели люди, озлобились до предела: банда на банде, шайка на шайке — всем руководит шпана с наганами, и где тут чекист, где бандит, поди разберись. Он днем за шантрапой в кожанке чекиста гоняется, а ночью снял ее и грабит тех, кто побогаче.

Вот об этой кожанке и мечтал Бузыкин. Так-то все наладилось у него: и крыша своя над головой, и работа в порту непыльная нашлась. Рабочим по складу оформили, но он совсем недолго им побыл. И как только заведующего складами упекли за решетку, — кто-то донес (а кто — понятно), что подворовывает мужик, — то и двинулся Антон вверх по служебной лестнице. Учитывая его прежний опыт, повысили до помощника кладовщика. А это уже, извините, не простой рабочий. Тут иногда оборотистому человеку уже перепадает и на хлеб с маслом. Да если все делать умеючи, то и комар носа не подточит. Главное, чтобы не захотел кто на тебя донести. А если захотел, то чтобы не успел. И тут его опыт не знал себе равных. В общем, не прошло и года,

а он дорос и вовсе до кладовщика. Но понимал, что чувство безопасности сейчас можно обрести, только вступив в органы ГПУ. Вот только обратиться боялся: не понаслышке знал, что отбор туда уж очень строгий. Проверяют, мол, всю подноготную. Поведал ему об этом некий Семин, клиент, которому он оказывал услуги в приобретении дефицитных товаров. Местный чекист, из начальников, тот не раз предлагал ему перейти к ним на службу. С твоей-то, мол, биографией героя-партизана аккурат место в наших славных рядах. Он даже номер служебного телефона дал...

Предложение заманчивое, но если копать начнут да, неровен час, выяснят, то... Дальше гадать не хотелось. Вот если бы сразу, без проверки, тогда другое дело. Наверное, он никогда бы так и не решился, если бы опять же не вынудили обстоятельства. Как-то поздним вечером постучались к нему двое мужчин, что, мол, не Бузыкин ли он. Ну, раз назвали по фамилии, завел в дом, пригляделся... Галичане! Те, с которыми он от Петлюры к деникинцам тикал. Одного из них, похожего на цыгана, он хорошо знал. Другого, постарше, видел мельком. И заныло-засосало под ложечкой: на кой леший они ему нужны? Что им надо? А потом вдруг мгновенная догадка: да это же шанс мне выпал отличиться. То, что участь всех врагов советской власти решена, уже ни у кого не вызывало сомнения; и все как-то приноравливались с ней дружить, а не идти супротив. Чем же он хуже? И переборол Бузыкин

страх. Но вида не подает, надо выяснить сначала, с какой целью пришли. Мужики тоже приглядываются, не ошиблись ли. Потом вздохнули облегченно: он самый. И старший из них уже с улыбкой ему: вспоминай, мол, вспоминай.

— Да все-то разве упомнишь, — уклончиво так отвечает Бузыкин. И ни радости, ни испуга в лице. Научился владеть собой, что там говорить. — Вот кабы знать, что за дело у вас ко мне, то и память поднапрячь можно.

— Правильно мыслишь, — одобрил старший. Другой, цыганистый, пока молчал. — Но о деле потом. Сначала скажи: заночевать пустишь?

— Это без вопросов, — поднял руки Антон, быстро прошел к двери и закинул ее на крючок. — А теперь?

— Ладно, темнить не будем. Тебя нам присоветовал один хороший человек. Ты ведь на складе в порту работаешь? Ну вот. Народ к тебе там всякий ходит. Тот одно может, этот другое. Да ты и сам не промах, раз в хлебное место сумел пристроиться. Короче: нужны документы. Можешь?

— А уходить как думаете? — в свою очередь пытливо взглянул Антон на гостей, не обозначив своих возможностей. Он уже знал, как себя вести.

— Тебя спросили о документах, — грубо оказал себя цыган.

— Молодой человек, — снисходительно усмехнулся Бузыкин, — не тошните себе на нервы: это такая мелочь, что не стоит и говорить. Раз я спрашиваю,

значит, «ксивы» уже у вас в кармане. И не те, что вам изготовят в каждой подворотне. В зависимости от того, как вы собираетесь удалиться из этих краев, будет и документ: немецкий аусвайс, греческий паспорт или советские корочки. На худой конец паспорт работника какого-нибудь непаршивого посольства. Дороже, но гарантия, что проскочите. О цене я молчу, потому что деньги у вас есть. Тем более, что с гостей неудобно их спрашивать. Еще вопросы?

— Все, лады, — широко улыбнулся старший. — Поможешь отчалить?

— Я так и думал, — кивнул Антон. — Водой сейчас надежнее, Васылю.

— Ты и имя мое помнишь! — ошеломленно откинулся на стуле Василий. — Ну, и темнила. Ох, и хитер, бестия! Не зря нас предупреждал... — и осекся. Видимо, не время было упоминать имени наводчика.

— Да почему же хитер, — сделал Антон вид, что не заметил осечки, — просто вспомнил: Васыль Коцюба. Я, брат ты мой, и Аркадия вон тоже помню, — кивок в сторону цыгана. — Но вернемся к делу: сколько у меня времени? Два, три дня?

— Как можно быстрее. Будем ждать здесь, у тебя.

— Яснее ясного. Все будет в полном ажуре. Ну, а теперь, если вы не против, соберем что-нибудь на стол?

— Да кто же будет против этого? И у нас найдется чем угостить.

За столом все трое расслабились и долго вспоминали эпизоды из своей недавней, не столько боевой, сколько сумбурной жизни. Ближе к полуночи, чтобы не вызывать подозрений поздним светом, Бузыкин предложил идти спать.

— А тот человек, — задержался он у двери в свою комнату, — который меня рекомендовал, я его знаю?

— Зачем тебе? — в незлобной ухмылке прищурился Коцюба. И жестко изрек: — Много будешь знать... А ты ж еще совсем молодой. Жить да жить.

— Понял, — кивнул Бузыкин. — Ну, тогда лягайте, а я пошел.

Наличие неведомого наводчика немного поубавило пыл Бузыкина. Но, привыкший жить одним днем, он в конце концов решил действовать, а там уж куда кривая вывезет! Вполне ведь возможно, что бывшие однополчане просто блефуют. Словом, блюдя меры предосторожности, уже утром объявился он в здании, известном ранее всему городу, как «дом Рабиновича», но где теперь находилось ГПУ, и без всяких проволочек был препровожден в кабинет Семина. С некоторых пор, а именно с начала гражданской, когда тут впервые поселились чекисты, дом этот горожане стали обходить стороной. Некогда один из самых красивых особняков Херсона, он за недолгое время был превращен большевиками в реальный «дом ужасов». Когда они сдали город белым, то взорам горожан предстала ужасающая картина, от которой содрогнулись даже издававшие виды вояки: во

дворе дома по шею в землю были зарыты трупы людей. В подвале также лежали горы трупов с отрезанными конечностями; повсюду валялась снятая с живых людей кожа. Говорят, что в течение нескольких дней над этим местом стоял нечеловеческий, выворачивающий душу наизнанку вой — это женщины шли и шли опознавать трупы своих мужей и сыновей. «Бог, где Ты? Почему допустил такое зверство?» — зывали они к Господу, почему-то только теперь вспомнив о Нем. Невдомек людям, что именно из-за того, что забыли они Бога, и пришла та напасть на них. «А кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным». Отвергнувший Господа и не зывающий к Нему о защите — как может укорять Его в бездействии?! Даже мирская пословица гласит: «Дитя не плачет, мать не понимает». Бузыкин слышал об ужасах, произошедших в бывшем «доме Рабиновича», и именно поэтому его всегда влекло сюда. Библейской истины об отречении он не знал, да она ему была и ни к чему, а вот некоторое сожаление, что не довелось принять участия в расправах, было. Ведь это было признаком власти, а к ней он и стремился. И возможность поизгаляться над людьми была причиной его решения поступить сюда на службу.

Итак, его провели к Семину. Кабинетом эту комнатушку можно было назвать только с большой натяжкой. Сам чекист обозначал ее, как «забегаловку», из-за постоянно снующих туда-сюда сотрудников. А поскольку Бузыкин заявил, что дело сугубо личное,

прошел с ним в конец коридора за столик. И уютно, и без лишних ушей. Сообщение, что подозрительные люди просят его за приличную сумму достать документы, не вызвало у Семина ожидаемого энтузиазма, наоборот: Антон зафиксировал враз поскучевшую физиономию следователя. «Эка невидаль! — как бы говорил он всем своим видом. — Да этим занимается чуть ли не весь город». И не скрывая разочарования, Семин невнятно пробормотал, что он, мол, разберется.

— Оставь свои координаты. Я пошлю кого-нибудь к тебе.

Вот тут-то Антон и разыграл козырную карту — целый спектакль.

— Нет-нет, только не это, — замотал он головой. — Они не простые уголовники, Иван Петрович.

— Кто же? — сразу насторожился тот.

— Что военные — это точно. Возможно, из белого офицерья. По выправке понял. Да и вооружены, это тоже как пить дать; я оружие за версту чую. Скорей всего — это врангелевцы после разгрома пробираются в центр России. Щас там легче затеряться.

— Почему же они обратились к тебе? — вслух размыслил Семин.

Бузыкин ждал этого вопроса и обстоятельно подготовился к нему.

— Ну, Петрович, это как раз и понятно. Ты же знаешь, какая в порту клиентура: достанут все, чего ни пожелаешь. И документы тут, поверь, даже не на первом

месте. А людям почему-то кажется, что я могу у них быть посредником. Слухом ведь земля полнится.

— Вот этой своей клиентурой ты мне и ценен. Потому-то и зову тебя к нам. Помог бы выкорчевать эту заразу.

— Теперь, видимо, придется согласиться. Теперь мне защита нужна. Иначе они мне башку снесут. Я ведь для того и согласился, чтобы их придержать. Для вида, сам понимаешь. А сам — к вам.

— Нет проблем, Антон. Приставим к тебе человека и...

— Я не о человеке. Защитить себя сам могу. Было бы чем защищать.

— Оружие?

— Да. Мне бы наган. Или маузер. Вот как у тебя.

— Заявление напишешь — и сейчас же будет тебе маузер.

— Что, так сразу? — несколько смешался Антон.

— А как же проверки, биография: мама там, улица, школа?

— Самая надежная проверка — мое поручительство, — шутливо сказал Семин. — Прихвастнул я, конечно, но за это не волнуйся: если дашь повод — все выясним и без тебя. Так напишешь?

— Конечно. Разве у меня есть другой выход? — улыбнулся Бузыкин. Душа его ликовала. Полдела сделано. Теперь только без шума отправить «гостей» на тот свет. Но это за ним не заржавеет. Тут он давно уже дока.

— Вот и славно. Пойдем ко мне в «забегаловку».

Через полчаса, подписав необходимые бумаги, Антон уже любовно поглаживал вороненую сталь маузера. Семин подал ему руку:

— Поздравляю. Сегодня же накроем твоих субчиков. Где встреча?

— Сказали, сами найдут. Но я бы не стал торопиться их брать.

— Это еще почему?

— Старший из них проговорился, что где-то тут у них связной есть. Чуть ли не в вашей системе. — И тут же исправился: — То есть, в нашей.

Семин с минуту теребил свои рыжеватые усы, внимательно вглядываясь в своего протеже:

— Да, Антон, теперь уже в нашей. И ты, по-моему, прирожденный чекист. Не зря я на тебя запал. М-да-а, такой, значит, оборот выходит. Ну, что ж, это лишний раз подтверждает наши подозрения и дает шанс вывести мазурика на чистую воду. Скажи, ты готов ввязаться в игру?

— Готов, Иван Петрович, — вытянулся в струнку Бузыкин. — Для своего же спокойствия готов.

Посыл верный. Семин ценил не показушную храбрость, а холодный расчет. Он одобрительно похлопал по плечу нового сотрудника:

— Тогда помедлим. Пока не будем привлекать к операции лишних людей. Вот тебе человек для связи, — указал он на вошедшего парня в легкой кожаной

куртке. Стройный, чуть выше среднего роста, с темным чубом, спадающим на лоб из-под фуражки, и такими же черными, немного раскосыми глазами, он был похож на горца. Да и оказался им.

— Боев Шаукат, — представил Петрович. И охарактеризовал его: — Хорош тем, что появляется в самую нужную минуту; можешь во всем положиться на него. А это — Антон, наш новый сотрудник, прошу любить и жаловать. — Они обменялись рукопожатием, и Семин продолжил: — Обсудите детали, а я займусь документами. Скажешь «гостям», что завтра «ксивы» будут готовы. Там и видно будет, когда будем их брать. И будем ли в ближайшие дни. Постоянно держите меня в курсе. Ну, и это... Будь осторожен, Антон. Первое твое дело. Но Шаукат поможет, и я спокоен.

— Я постараюсь.

—*—*—*—

Вечером, уже после работы, Бузыкин обнаружил, что дома никого нет, и легкое волнение, сопровождавшее его весь день, сразу переросло в панику. С Шаукатом он договорился, что встретятся они завтра на складе. Антон, дескать, уже назначит «гостям» время передачи документов, и там уже действовать, судя по обстановке. Что клиенты находятся у него в доме, он утаил, так как устранить их собирался один, без свидетелей. Только тогда он мог быть спокоен. Теперь

же положение двусмысленное: если мужики просто сбежали — он перед Семиным опростоволосился по полной. И это бы еще ладно. Но если они отследили его действия — дело совсем швах! Воображение тут же подсунуло картинку: дом заминирован и вместе с ним взлетает на воздух! И заметался по комнатам, вслушиваясь, не тикает ли где часовой механизм бомбы. Механизма не было слышно, зато к полуночи совершенно ослабевшему от переживаний Бузыкину прислышался тихий стук в окно. Он тут же слетел с кровати и дрожащими руками открыл дверь.

— Ну, вы даете, — сипло начал было он, но Василь приставил палец к губам, а цыган, грубо отпихнув хозяйина, быстро пробежался по комнатам, тут же вернулся и, нехорошо взглянув на Антона, остался у дверей с пистолетом наизготовку. Противный липкий пот прошиб Бузыкина. Даже ладони стали мокрыми.

— Я че-то не пойму, — бормотал он, — че это вы, а?

— Щас поймешь, какие твои годы, — Василий кивком указал в комнату. — Проходи.

— Не, ну в самом деле? — Антон послушно прошел к столу. Он изо всех сил пытался держаться спокойно, но испуг был слишком очевиден.

— Ну, как наши дела? — пытливо взгляделся в него Коцюба.

— С этого бы и начинал, — сглотнул слюну Антон. — Все в ажуре.

— В ажуре — это значит в ГПУ? — Василь резким движением ткнул ему в область горла, и Антон, выкатив глаза, мешком свалился у стола.

— Очухался? — похлопал его по щекам Василь. — Кому ты нас сдал?

— Никому, — сдавленно просипел Антон. Была еще надежда, что они берут его на пушку: — Выслушай, Вась.

— Ну! Слушаю.

— Я действительно был в ГПУ. А где, ты думал, я достану настоящие «ксивы», а не какое-нибудь фуфло?

— Допустим, поверил. А вот это? — Коцюба ловко встряхнул Антона и выхватил у него из-под рубахи маузер. Сунув ему под нос, положил на стол.

— Да мой это еще с войны, — шепотом просвистел Антон. — Достал сегодня на всякий случай. Вы же смыслесь, что я должен думать?

— Бреешь! — и новый тычок, уже под ребра. Ртом хватая воздух, Бузыкин вновь оказался на полу. — Тебе поручили убрать нас?

В ответ он лишь затравленно замотал головой.

— Или сам решил нас убрать, чтобы не засветиться, а? — склонился над ним Коцюба: — Ну, колись! Только не клянись, все одно пристрелю, как собаку.

— А я клянусь, Вася. Зачем мне?

И тут, как ни велик был страх, но расслышал он едва уловимый шорох листвы за окном. Это могли быть чьи-то шаги. Все пропало! Если это тот самый навод-

чик, значит, они действительно в курсе. Все! Слабая надежда разубедить их рухнула. Стало быть, пришел полный каюк.

— Ну вот, гад, ты сам себя и проклял своей клятвой... — поднял пистолет Коцюба, и Антон мысленно попрощался с жизнью. Но тут у дверей кухни послышалась какая-то возня, и как бы сбрыкало упавшее ведро. И снова тихо.

— Ты чего там воюешь, Аркаша? Слышь, иди сюда, — позвал Василий и, не услышав ответа, сам шагнул на кухню с пистолетом наизготовку.

В следующий момент он, нелепо взмахнув руками, отлетел к столу и распластался рядом с Антоном, а в комнате появился невесть откуда взявшийся Шаукат. Хищно рыскнув глазами по сторонам, он сначала сгреб с пола пистолет, потом подал ему руку.

— Живой?

Бузыкин поднялся и, потирая горло, молча кивнул.

Шаукат протянул ему маузер.

— Не успел я, — виновато прохрипел Антон. — Не ожидал.

— Бывает, это бывает, — успокоил его Боев, прощупывая пульс лежавшего без движения Василия. — Так, ладно, этот хоть и нескоро, но очухается. Дышит вроде. А того пришлось отправить к праотцам. Несговорчивый оказался. Ты теперь постереги его минут пять, пока я ребят вызову. Я мигом.

И так же внезапно и бесшумно исчез, как и появился. Вскоре с улицы донеслось негромкое протяжное посвистывание — условный сигнал. Бузыкин понял, что времени на раздумья у него нет: Боев вот-вот вернется с другими чекистами. Схватив Василия под мышки, он посадил его, прислонив спиной к стене, прицелился и с двух шагов всадил две пули: в грудь и прямо в лоб. Для верности.

Через пару минут в комнату влетел Шаукат в сопровождении еще двух сотрудников. Увидев у стены убитого, резко схватил Антона за грудки:

— Ты зачем это сделал?

— Очухался он.

— Он не мог очухаться так скоро, — медленно, сквозь зубы процедил Боев. — Я из него все мозги вышиб.

— Он мне в рожу плюнул, — быстро нашелся Антон и грязно выругался: — Говорю тебе, очухался. Не плюнул бы, я бы не выстрелил.

— А что, Шаукат, вполне может быть, — вступился за Антона один из прибывших с ним, который уже успел обшарить убитого, и рассматривал на свет денежную купюру. — Скорее всего, у него мозгов-то и не было. Смотри, даже от «колокольчиков» не избавился. Десятитысячная денкинка. Теперь это простой мусор.

— Правильно Антон его хлопнул, — поддержал и другой. — Оно и к лучшему. А то их последнее время миловать стали. Ты его сегодня помилуешь, а он завтра тебе нож в спину.

— Да мне он самому живой нужен был, — ободрился Бузыкин, поддержкой. — Но, каюсь, не выдержал. Так ведь накипело: если бы не Шаукат, он меня бы уже в расход пустил. Аккурат примерялся убить, а тут ты. Чуть-чуть только он и не успел.

— Ладно, — махнул рукой Боев. — Только перед Петровичем отвечать будешь за него сам.

— Отвечу, Шаукат. Для меня главное, чтобы ты не в обиде был. Я тебе теперь по гроб жизни обязан.

— Мне это необязательно. А ты теперь поумнее будешь.

— В смысле?

— В смысле, в смысле, — проворчал Боев. — Почему-то каждый новичок мнит себя таким тертым калачом: ну, прямо любого бандюгу за пояс заткнет! А на поверку оказывается, что они тоже не лыком шиты. Мы гадали, где они нам встречу назначат, а они — бац! — и сами явились к тебе. И если бы я не проследил за твоим домом, а ждал до завтра, как договорились, то ты бы точно не стоял сейчас перед нами. Почему они решили тебя убрать?

— Догадались. Даже не то, что догадались, а кто-то им донес. Значит, у нас.. — Он не договорил: Шаукат больно стиснул его локоть. Антон понял и среагировал: — ... Значит, я где-то прокололся.

— Вот и думай, где, — отпустил его руку Боев. — Анализируй, чтобы в будущем не повторяться. В общем,

я за машиной, мужики, а вы тут оформляйте протоколы. И чтобы все чин по чину...

Утром, после основательного разбора происшествия Семин оставил Антона и, выждав, когда все выйдут, сделал заключение:

— Ну, как говорится: с почином тебя. Главное, обошлись без жертв с нашей стороны, и за это надо благодарить Боева с его группой. Сработали они четко, и мы ликвидировали двух контриков.

— Не зря ты сказал, что он появляется в самый нужный момент, — не замедлил польстить начальнику Бузыкин.

— Сам удивляюсь, как ему это удастся. Он опасную ситуацию, как собака дичь, за версту чует. Но разговор наш о тебе.

— Мне надо уволиться с работы, Петрович. Чтобы, как Шаукат, всегда быть готовым на дело. А не так: от случая к случаю.

— Как раз наоборот. Теперь тебе придется поработать со своей клиентурой: я об этом сразу говорил. Надо выжечь каленым железом эту гниль: всех этих воров, разбойников, мошенников, спекулянтов. И лучшего варианта, чем твоя должность кладовщика, для общения с ними просто нельзя придумать. К тебе стекается вся информация: сам же признавался, что в гуще всех событий. Вот и продолжай работать, как работал. Больше наблюдай, выживай и запоминай. Сам здесь больше не появляйся. Надо будет что-то передать, дашь знать через

связного. Он будет захаживать к тебе на работу под видом клиента. Ну, и самое главное: ты у нас пока единственная зацепка выйти на «крота». Он должен забеспокоиться из-за отсутствия этих своих двух корешей-врангелевцев, потому что информации о них нет и не будет. И в любом случае ему придется заявиться к тебе. А ради этого стоит повременить с твоей легализацией. Все понял?

— Так точно.

— Тогда ни пуха, ни пера. Мы с тобой еще наворочаем делов.

Что правда, то правда: дел они наворочали. По наводке Антона брали (и сажали) не только представителей преступного мира, но и просто неугодных ему людей, которые мешали махинациям на складе. Но, тем не менее, тенденция к снижению преступности по городу в общем, и в их районе в частности, была заметной, и Бузыкин в глазах Семина стал незаменим. Ему даже прощались «мелкие шалости», то есть, когда на него поступали жалобы от клиентов: будь то подтасовка накладных или подмена товара — их просто игнорировали. Иногда прилюдно журили, но не более того. А жалобщику, как правило, потом приходилось очень туго. И в глазах коллег по работе он стал зловещей фигурой. Быстро пришло время, когда поняли это и клиенты, и никто из них уже не горел желанием делиться с ним новостями. Ну, а поскольку этот потенциал был исчерпан, его официально перевели в штат сотрудников ГПУ, чтобы бороться с преступностью уже открыто (говорят, что в

порту даже вздохнули свободнее от этого назначения). К тому же «крот» так и не дал о себе знать, и наверху сделали вывод, что те двое просто блефовали, чтобы выглядеть значимее в глазах Бузыкина.

Забавно, но назначение в штат, которого он так ждал в начале своей карьеры, теперь немного расстроило его. Причина была в том, что по стране стремительно набирала обороты новая экономическая политика (НЭП), и сами нэпманы уже не скрывали своего достатка. Они открыто демонстрировали роскошные украшения, одевались в лучшие одежды, спокойно скупали недвижимость и антиквариат и кутили в ресторанах. То есть пришло все то, о чем мечтал Бузыкин и мог уже позволить себе по деньгам, но не мог по определению. Ведь он чекист, а значит, принадлежит как раз к тем, кто борется с проявлением барской роскоши, за справедливое распределение благ. И фанатиков такого перераспределения было более чем достаточно в их рядах. А как же это тяжело: иметь деньги и постоянно сдерживать себя от искушения блеснуть ими в обществе! Исповедуя аскетизм, изображая из себя бедного, но справедливого службиста, как блеснешь роскошной одеждой или золотыми кольцами на пальцах? Как-то сами собой появились сомнения у Бузыкина в целесообразности продолжения контактов с ГПУ. Все же, мол, служба в ее рядах — дело добровольное: захотел — уволился. Но опытный Семин остерег от опрометчивого шага:

— Ты, Антон, в безопасности, пока являешься нашим сотрудником. Стоит тебе вильнуть хвостом, как все те, кого ты упрятал за решетку, разберутся с тобой по-своему. Шила ведь в мешке не утаишь: люди заподозрили, что ты работаешь на нас. Не просто же так отвернулись от тебя клиенты. АНЭП — это временно. Год-другой — и снова скрутим их в бараний рог. И заживем мы, товарищ Бузыкин, как у тещи на именинах. Попомни мое слово.

Антон послушался не только его слов, но и своей интуиции. А она его не подводила. В конце концов бывать в ресторанах были вынуждены и чекисты их отдела — там чаще всего и находился предмет слежки. Именно там можно было с большой долей вероятности встретить и мошенника, и уголовника, кои сорили деньгами, благополучно перекочевавшими к ним из чужих карманов. Ну, а гулять по-настоящему или просто делать вид, что гуляешь, зависело от серьезности слежки и средств, выданных чекисту на «мероприятие». Иногда их хватало лишь на стакан лимонада, чтобы постоять у стойки буфета. Иногда нужно было посидеть «основательно». И Бузыкин, если появлялся в ресторане, то почти всегда сидел именно так. Был ли он там «на деле» или это было его личное времяпрепровождение, никого не интересовало. Вернее будет сказать так: никто не хотел интересоваться. Бывалые чекисты его сторонились, считали выскочкой, но, видя, сколь многое благодаря Семину, сходит ему с рук, благораз-

умно помалкивали. У него и с Шаукатом, как он ни старался, отношения не стали дружескими. Тот так и держал Антона на дистанции: в понимании Боева чекист, способный лишить жизни человека в заведомо беззащитном состоянии, — обыкновенный трус. А таковых он презирал. И Семин, тонкий психолог, ни на какое задание больше не посылал их вместе. В какой-то мере он разделял мнение прямого, бесхитростного Боева, но и хитрый, изворотливый Антон тоже нужен был службе. Ни в какое сравнение с Шаукатом он, конечно, не шел, но уж так бывает: чего нет у одного, то в избытке наличествует в другом. И это качество в другом часто помогает в тех обстоятельствах, когда дело решается не силой и ловкостью, а степенью подвешенности языка: соврать, не моргнув глазом, надо тоже уметь. И чтобы выудить информацию у человека в подпитии: будь то бизнесмен или уголовник, — как раз и нужно обладать этой степенью. Бузыкин умел и обладал. Поэтому чаще других получал «спецзадание», и никто не знал — какое. Оно и понятно, кругом враги, везде подвох и тайны, покрытые мраком неизвестности.

—*—*—*—

Однако время шло, а обещанная Семиным жизнь, «как у тещи на именинах», так и не предвиделась; а вот нэпманы как шикарно жили, так и продолжали поживать. Ровно так же жили-поживали и уголовники: грабили они нэпманов ничуть не меньше, чем в самом

начале НЭПа. Работа чекистов, конечно, приносила свои плоды, но снижался не только уровень преступности. Редели и их собственные ряды. Однажды не стало и Шауката. И даже Антон, который догадывался, что Боев презирает его, даже он искренне сожалел о его утрате. С этим парнем каждый чувствовал себя увереннее: огромной физической силы, ловкости и необычайной храбрости, он всегда был надежным другом, способным выручить в самой сложной ситуации. Мало-помалу Бузыкин снова стал подумывать о смене профессии. И подтолкнула его к этому обыкновенная зависть. Никогда не задумывавшийся о званиях, потому что не намеревался оставаться здесь надолго, он вдруг ощутил это чувство собственной ущербности, когда встретил у Семина одного своего знакомого. Это был тот самый красноармеец Охрим Онопко, который выправлял ему бумаги на конфискованный товар по указанию Нагнибеды. Только теперь это был уже чекист с одной шпалой на рукаве, в то время как Бузыкин так и оставался рядовым оперативником. Комиссары у Антона так или иначе всегда ассоциировались с образованием, поэтому он даже не думал о собственном повышении. Тут же перед ним стоял такой же неуч, как и он сам, но добившийся высокого звания. И Бузыкин обиделся на судьбу. Чем он хуже? «Да пропадите вы все тогда пропадом, если я у вас ничего не заслужил!» — примерно так сформулировал он свое решение. К этому времени он, как это ни странно про-

звучит, уже научился преодолевать страхи и не видел больше причины, из-за которой бы он не мог оставить службу. Что до мести тех, кого он сдал органам, то он не собирался сидеть и ждать, когда они придут к нему. Свет не сошелся клином на Херсоне. Страна большая, и он уже достаточно поколесил по ней, чтобы знать, где можно пожить в свое удовольствие. Причем в относительной безопасности. И почему бы ему не создать, так сказать, семейный очаг? Подходящей кандидатуры на роль жены, правда, еще не было, но это такой пустяк, что заминки тут не должно быть: да какая же дура разочаруется в нэпмане с деньгами? Впрочем, ринуться на поиски невесты он так и не успел. Пока собирался да приглядывался, совсем некстати пришло ему повышение по службе. И выглядело в данной ситуации чуть ли не насмешкой: что значат его два треугольника в сравнении со шпалой Охрима? Отличился-то Бузыкин уже давно, аж в двадцать первом, а повысили только сейчас, через три, считай, года. Участвовал он тогда в разгроме «контрреволюции» в Благовещенском женском монастыре. Делов всего-то и было, что выселить около двухсот монашек из монастыря. Крамола их заключалась в том, что эти несознательные насельницы, воспользовавшись новой экономической политикой, создали свою артель «Благмон» и даже во время неурожайного года умудрились не только свести концы с концами, но еще и получить прибыль. Больше того, они во всем помогали бедным семьям и ссужали им зерно

на посев, а это в год небывалой хозяйственной разрухи явилось как бы вызовом неэффективной госсистеме. Ну, судите сами: могла ли власть спокойно взирать на ухоженное, богатое хозяйство на фоне собственных разоренных, нищих? К тому же члены общины по-прежнему оставались на службе в детском городке (который, кстати сказать, власти устроили в бывшем монастырском приюте), отказавшись при этом от какого бы то ни было вознаграждения. В общем, на лицо чистая контрреволюция! Было ясно, что рано или поздно власть не потерпит существования компрометирующего элемента у себя под боком. И этот час настал, когда заведующей детского городка была назначена некая Анфиса Ищенко — «партийный работник, беззаветно преданный идеалам революции». (И патологический богоненавистник, добавим от себя). В фанатичном стремлении ликвидировать общину, она не гнушалась никакими средствами, и в конце концов ее стараниями был издан указ уисполкома: «Выселение монашек Благовещенского монастыря принципиально признать необходимым... в свете реальной борьбы с голодом... Для операции привлечь всю организацию, которая соберется на военное обучение». (Выписка из указа — В.П.) И верхом цинизма было объявление данного мероприятия средством «наиболее эффективной помощи голодающим детям». Вот так, ни больше ни меньше. Не стоит поэтому удивляться, что прознавший о мероприятии Бузыкин тут же

изъявил желание «собраться на военное обучение». И принял самое деятельное участие в восстановлении «справедливости», что, как мы знаем, выражалось в лозунге: «все поделить». Вопрос только: между кем и кем. И вот прибывшие красноармейцы (а было их ни много ни мало триста штыков!) в течение нескольких дней делили добычу. Что можно было разграбить, благополучно разграбили. Что можно было съесть на месте — съели. Что можно было вывезти из имущества — ломали, выдирали и вывозили. Вывезли даже семенной фонд из амбаров...

За годы гражданской войны на территорию монастыря не раз и не два попеременно заходили буквально все участники вселенской бойни — все, так сказать, цвета революции от красного до белого и синего, но никто и никогда не позволял себе кощунства в отношении храма и его насельниц. Монашки, одинаково сердечно принимавшие солдат любой из сторон, лечившие их раны и спасавшие от голода, не могли даже предположить, что придет время, когда те же люди осквернят их святыни. Теперь они безропотно взирали на невиданное доселе мародерство; но так они вели себя только до тех пор, пока осатаневшие вояки грабили их личное имущество. Когда же те принялись попутно «освобождать» Свято-Троицкий храм, то есть, грабить церковные ценности, они взбунтовались, не пожелав подчиниться такой «справедливости». Тогда их самих стали силой выволакивать во двор, при этом избивали прикладами и бросали в

тесные пристройки за оградой монастыря. Там же на третий день в связи с окончанием «операции» (грабить уже было нечего) вручили монашкам по жалкому узелку с остатками имущества и предоставили их самим себе.

Сильно ответственное и тяжелое это было мероприятие, но с задачей бойцы справились и за усердие каждый получил столько, сколько уворовал. Руководил акцией председатель местного уисполкома Остап Кадченко, которому, как высшему по рангу, досталось поболее всего. Неплохо заработал и Бузыкин: кое-какой мебелью обзавелся мужик, ну и так что по мелочи — одеяла там, белье, одежда всякая. Даже несколько книг из церковной библиотеки прихватил, сам не зная, для чего. Ну, все хватало — как отстанешь? Все же потом удовольствие от этих книг получил, когда их жгли на костре за оградой монастыря. Но с особо дьявольским наслаждением отводил он тут душу, расправляясь с монашками. Некоторые красноармейцы уже тогда поразились той изощренной жестокости, с которой орудовал чекист.

Это не осталось незамеченным и руководством уисполкома, и сам Кадченко похвально отозвался о столь ревностном бойце. Правда, тогда этой похвалой все и ограничилось, если не считать, как сильно повысился его материальный достаток. И вот спустя три года неожиданное, а главное, совсем не ко времени, присвоение звания. Ну, зачем оно ему, если он как раз собрался в нэпманы, и кому вообще это пришло в голову? Но де-

ваться некуда; Семин поддержал назначение, и Антон стал обладателем двух треугольников (звание, равное сержанту), которые ему тут же и пришпандорили на рукав шинели и гимнастерки. А это значит, что уже не простой ты рядовой, а младший комсостав. Сразу две неприятности: во-первых, усилилось недовольство своей ущербностью в сравнении с Охримом Онопко, а во-вторых, потускнела давняя мечта Бузыкина отвертеться от службы. Попробуй теперь заикнись об этом. В общем, рушились планы. Но как ни скребли на душе кошки, а виду новоиспеченный командир не подал, наоборот, проявил энтузиазм. Ну, как не обмыть первое назначение? И вопрос — где? — он адресовал Семину. Тот с ходу предложил пойти в ресторан: чем, мол, мы хуже гражданских, чтобы не отметить это событие с размахом. То есть озвучил то, что и хотел Антон, но сам бы не решился предложить. И отметили. Ясное дело, неброско, без шума, без постороннего глаза. Там-то, за столиком, Бузыкин и открылся начальнику, рассчитывая на его понимание и даже помощь. Выложил все, вплоть до женитьбы, умолчав лишь о своем капитале. Петрович расценил его желание как естественную реакцию на застой в продвижении по службе. Такое бывает, особенно если другие получили уже по три треугольника, а кое-кто и выше. Понятно, обиделся мужик, что столько лет тянул ляжку чекиста и все еще рядовой. Хорошо, хоть теперь заметили. Но мудрый, тертый калач Семин не стал ни утешать, ни разубеждать соратника, а просто

сказал, что раз, мол, ты откровенен со мной, то и я тебе в порыве дружеском открою, что иногда случается с теми, кто самовольно уходит из организации. И не только открыл, но и примеры еще привел, да такие, что разговор тот по душам отбил у Бузыкина всякую охоту к перемене профессии.

— Тебя в детстве как звали? Тоша? — ласково спросил Семин и доверительно сообщил: — Так вот, Тоша, по доброй-то воле отсюда уходят только на тот свет. — Потом, как бы спохватившись, что сболтнул лишнее, предупредил: — Только смотри, чтобы никому!

— Понял, — сказал Антон и даже хитро улыбнуться сподобился. — А ведь я это пошутил, Петрович. Куда я без вас!

— Да я так и знал. Больше не вернемся к этому вопросу?

— Не-а. Вопрос исчерпан.

Антон и раньше подозревал, что система так просто не отпускает сотрудника, но чтобы та-ак не отпускала... Даже ему стало не по себе! Вот от этих-то ребят уж точно не скроешься ни в каком захолустье — из-под земли достанут. Бояться надо их, а не тех, бывших. Тех он и сам запугать может.

Чтобы как-то переварить информацию, он отлучился в туалет и, уже возвращаясь оттуда, нос к носу столкнулся у буфетной стойки с Полуяровским. На его счастье или несчастье (это уж как посмотреть), Владлен был окружен людьми и не узнал Антона. Зато Антон признал

его сразу и даже расслышал несколько его фраз о каких-то картинах. Но был ли он все еще художником? Вряд ли. Судя по франтоватому виду и изяществу, с каким он держался, это был настоящий лондонский денди, фотографии которых Бузыкин видел в иностранном журнале. И словно нарочно поддразнивая Антона, этот лоцённый аристократ, уже сидя в глубине зала, вынул... те самые часы! Бузыкин онемел. Он, конечно, не мог слышать мелодии, но она тихими зазывными колокольчиками затенькала-запереливалась в его сознании и повергла в столь противоречивое душевное состояние, что бедный чекист едва не лишился рассудка. Когда же он сможет вот так же небрежно развалиться за столом и... Ну, дальше мы знаем: не однажды он уже плавал в тех мечтах. Но тут-то и защемило душу неизбывной тоской: он понял, что это не случится никогда. Это Семину уже можно, а разве дослужиться до такого чина Бузыкину? Да ни в жисть! Так и будет он жить, втихаря подсчитывая свои капиталы. Ах, пусть бы и так, но только бы иметь эти часы. Однажды войдя в его сознание, эта мысль прочно завладела им, стала неотвязной, стала наваждением и, как оказалось, подспудно так и жила в нем. К столику он вернулся в полной апатии к происходящему, весь ушел в раздумья и невпопад отвечал на вопросы Семина. Поэтому не сразу уловил то, о чем тот ему говорил. И только услышав фамилию Полуяровского, сразу же вскинулся:

— Что? Прости, Петрович. Не разобрал.

— Обрати, говорю, внимание на вон того хлыща с бородкой.

— Уже обратил, Иван Петрович. Зажравшийся нэпман.

— Ну, не скажи. Сейчас он, и правда, богатый антиквар, а в недавнем прошлом — бедный художник, хоть и очень известный.

— А на что мне его прошлое? Сейчас-то мне достаточно видеть его сытую, самодовольную рожу, чтобы знать, что перед тобой буржуй-кровосос. Чем он тебя заинтересовал? Тут ведь полно других таких же буржуев.

— Тем же, наверное, чем и тебя.

— Да нужен он мне, — торопливо, с плохо скрытым испугом зыркнул глазами Бузыкин. — С чего ты это взял, Петрович?

— А нет? Ну, извини. Значит, мне показалось, что ты там у стойки с него глаз не спускал. Будто он должен тебе что-то, — в голосе Семина слышалась легкая ирония.

То, что его не проведешь, Антон понял давно: если уж он что-то заприметил, лучше не скрывать. Поэтому поспешил признаться в малом, прежде чем тот сам докопается до большего:

— Да часы я у него подсмотрел. Диковинная штука, скажу тебе.

— Так я ж сказал, что он антиквар. Знаешь, что это такое?

— Что?

— Он торгует старинными ценными вещами. Но сначала оценивает и скупает их у населения.

— Спекуль? — обрадовался Бузыкин. — Точно? Ну, так его давно привлечь бы надо!

— Может быть, и надо. Только пока что повода нет.

— Ну-у, повод, — пренебрежительно хмыкнул Антон. — Был бы человек — причина найдется.

— Да нет, не ну, — просверлил его взглядом начальник. — Здесь, брат, нахрапом не обойдешься. Нужны реальные факты, да чтобы еще и доказуемые. То бишь, не огульный компромат, не с кондачка, как мы все привыкли, а достоверные факты. Почему? Потому что к нему трудно подкопаться. Он занимается благотворительностью такого размаха, что в друзьях у него люди не чета нам с тобой. Чуть что не так, и сам окажешься на нарах, понял?

— Как не понять, — сразу загрустил Антон, — понял, конечно.

— Да, этот тип — птица высокого полета, — не обратил внимания Семин на его грусть, — но их время уже уходит. И нам нужно учиться работать против таких... э-э... кендибоберов.

— Ага, нужно, — криво усмехнулся Бузыкин. — А как же нары?

— Я это для образа сказал. Чтобы в будущем быть осторожнее и, прежде чем что-то предпринимать, ты взвешивал все за и против.

— Что-то я не понял, Петрович. Против кого и за кого? И почему это только я должен взвешивать?

— Не только ты, конечно, но сейчас поймешь. Тут из Киева депеша пришла. Просят на месяц откомандировать в отдел по борьбе с контрреволюцией нашего человечка. Вроде как в помощь.

— И что — ты? — весь подобрался Бузыкин. Он понял, куда гнет его начальник, и лихорадочно сообщал, как вести себя. Работать в Киеве ему было явно не с руки. Это только говорится, что в Киев, а оттуда уже пошлют на борьбу с недобитыми бандами, которые блукали по всей Западной Украине. На тот свет он не торопился, а именно такая перспектива ожидала там каждого чекиста. Недаром же запросили помощи у Семина. Но это вам не тихий, почти зачищенный от бандитов Херсон. И если уж Антон, узнав, чем чревато его увольнение, не стал торопиться на тот свет, то зачем ему теперь спешить за этим самым за тридевять земель? Чтобы упокоиться там?

— А что я? — между тем размышлял вслух Петрович. — Вот я и думаю: а не послать ли нам тебя? У них там рост не то, что у нас. Вдруг захочешь остаться, так быстро и выслужишься, а?

Что это действительно так, Бузыкин знал от Охрима. Вопрос — какой ценой. Вот цена-то как раз и не прельщала его. Иметь дело с организованными, хорошо обученными непримиримыми врагами советской власти — это вам не монашек по двору гонять.

Того и гляди схлопочешь пулю из-за угла. И он сник.

— Почему я? Я что-то не так сделал?

Семин облокотился на столик обеими руками и долго разглядывал собеседника, словно видел его впервые:

— Вот сколько наблюдаю за тобой, Антон, не могу понять, что ты за человек. Да другой бы на твоём месте прыгал от радости, если бы ему сделали такое предложение. Это же столица! А перспективы — ого! Что тебя не устраивает у них?

— У них там нет такого начальника, как Семин, — попробовал польстить Бузыкин, но сразу понял, что сделал это вхолостую.

— Шутки в сторону, — нахмурился начальник. — Ты, конечно, волен отказаться, но тогда все расценят это как трусость. Ну, а...

— Да нет-нет, я, как бы это сказать... — поспешно перебил его Антон. — В общем, не то чтобы против, а что без опыта я. Только-только здесь освоился и опять начинать с нуля?

— Ну, это не совсем так, дорогой. Опыт у тебя есть — и неплохой. Вспомни, с чего ты начинал. Как раз с контриков. И та операция прошла не так уж и плохо. Да что там, хорошо прошла. Так что не скромничай. И в другой, не менее ответственной, операции ты проявил себя с лучшей стороны... Ну, в той, по обеспечению голодающих детей. Кстати, именно за это ты и получил звание. А кто ходатайствовал о его присвоении, знаешь? Сам Кадченко.

— Что-то уж больно поздно вспомнили, — пробурчал Бузыкин, не очень-то впечатленный фамилией ходатая: — Три года прошло.

— А это быстро и не делается, дорогой мой. Все это время к тебе присматривались, чтобы не ошибиться. И вот теперь такое доверие. По-моему, ты еще не осознал всей значимости события. А?

Тут Антон нутром понял, что для собственной безопасности надо срочно осознавать эту значимость, иначе никто уже ему не позавидует. И он осознал.

— Да я понимаю, Петрович, — скромно потупился он. — Просто в силах своих не уверен. Там ведь такие асы работают. Достоин ли я быть рядом с ними, вот в чем вопрос.

Семин еще раз внимательно взгляделся в подчиненного: не набивает ли себе цену? И вздохнул облегченно: да нет, мужик-то надежный, к тому же и ему доверяет: вон ведь не побоялся — самыми сокровенными планами поделился. Ума, конечно, не палата, но и не так, чтобы совсем дурак:

— Это они сами решили. Ну, и что немаловажно, их тамошний оперативник давно уже рекомендовал именно тебя. Знакомы вы вроде бы с ним. Говорит, что еще со времен партизан.

— С каких еще... — так весь и вскинулся Бузыкин, и в последнюю секунду спохватился: — То есть, как... со времен партизан? — Вновь захолонуло в тревоге сердце, но справился с волнением: — А кто он, фамилию знаешь?

— Ну как же. Охрим Онопко, наш новый сотрудник. Вот он как раз там и выслужился.

Отлегло от души при упоминании Охрима: родственная душа, с какой стороны ни взгляни. Шибко он понравился Антону еще тогда в монастыре. Мужик простой, не то что его командир Нагнибеда. О, тот уж больно заумный, образованный. Как Полуяровский вот этот. А образованных Бузыкин не любил. Дотошные они все.

— Ну, не так-то мы с ним и знакомы. Не пойму, чего это он решил рекомендовать меня?

— Это ты у него и спросишь при встрече. Ну, а я уже дал согласие, так что завтра же зайдешь к Кадченко за инструкциями. И — в добрый путь.

— Ох, и хитер же ты, Петрович! Все наперед знал, а мурыжил весь вечер. Нет, чтобы сразу сказать.

— Сразу неинтересно. Хотел убедиться, насколько серьезно отнесешься к предложению.

— Убедился?

— Вроде да. Не с кондачка согласился. Обстоятельно.

— Вам презент от вон того господина, — внезапно вырос у их столика официант и, учтиво склонившись, протянул поднос с бутылкой шампанского. И уточнил: — От господина Полуяровского. Он просит разрешения представиться вам.

Семин, увидев враз потемневшее лицо Бузыкина, улыбнулся:

— Отнеси назад, голубчик, и передай ему наши извинения. К сожалению, мы уже уходим. По счетам

мы уже расплатились. — И отвернулся, дав официанту понять, что разговор окончен. — Давай-ка, стоя на посошок, Антон. А то, я вижу, примелькались мы тут.

Встав, он приподнял бокал над головой и поприветствовал в глубине зала Полуяровского. Тот с улыбкой отсалютовал в ответ.

— Ну, а теперь пошли, Антон. Когда вернешься, займешься как раз этим субчиком. Художником этим. А пока пусть дозревает.

Что тут Петрович имел в виду, Бузыкин выяснять не стал. Все думы были в Киеве. Что там его ждет?

—*—*—*—

Аничего особого там с ним не случилось. Мужики, умеющие польстить и угодить начальству, всегда пользовались спросом у не очень принципиальных командиров. Угодить Бузыкин умел, и замначальника штаба, оценив его оборотистость в хозяйственных делах, оставил у себя в ординарцах почти сразу по его прибытии в Киев. В Херсон вернулся лишь через полгода. Сильно раздобревший, но все в том же звании. Не дают почему-то званий тыловых дел мастерам. И первым неприятным известием для него стало отсутствие Семина. Уехал шеф в Москву на повышение. Не сказать, чтобы приятным оказалось и второе известие: вместо привычного, заботливого Петровича начальником стал Онопко. Да и пусть бы был, но мы знаем, как ревниво отнесся Антон к его взлету с самого

начала. Охрим был равным ему по всем параметрам, а подчиняться равному себе — всегда в тягость. Не успел он оглядеться, как последовал срочный вызов к новому шефу, и, едва переступив порог кабинета, Бузыкин понял, что работать с ним будет нелегко. Слишком явно тот показывал свое превосходство. Даже кабинет Семина не был уже той «забегаловкой», куда можно было запросто зайти в любую минуту, чтобы поделиться теми или иными соображениями. Прорубив в боковой стене дверь, Охрим занимал теперь две комнаты, и в передней сидел секретарь — хмурый, неразговорчивый чекист.

— Тебе не терпится, наверное, узнать, как у нас идут дела? — сразу после приветствия поинтересовался начальник и, получив утвердительный ответ, встал из-за стола, прошелся по кабинету с задумчивым видом и заложенной за борт полувоенного френча рукой (явное подражание кому-то из важных особ). — Но это ты сам узнаешь по ходу дела. Догадываешься, зачем понадобился?

— Думаю, из-за пустяка бы не вызвал, — напустил важности на себя и Бузыкин и многозначительно коснулся рукой кобуры: — И я всегда готов. Соскучился по настоящему делу.

— Та-ак, значит, еще не в курсе, — продолжая вышагивать, протянул Онопко. — Не торопись: ни стрелять, ни ловить пока не придется. Кого надо стрельнуть — стрельнули, кого надо поймать — поймали.

— А зачем же тогда так срочно вызвал? — искренне удивился Антон и немного сбавировал: — Я ведь больше ничего и не умею.

Охрим остановился напротив него и как можно проникновеннее сказал, будто пожаловался:

— Тут другое трудно, брат: контрики житья не дают. Множатся, как саранча, меняют обличье, проникают во все сферы жизни. Вот другой раз вроде и знаешь человека, поручиться за него даже готов, а он на поверку — р-раз! — самая настоящая контра. Бывало так у тебя?

Бузыкин, ощущая неясную тревогу, инстинктивно кивнул:

— Бывало. И не раз.

— Вот и я о том же, — присел Охрим за стол. — Но давай начнем издалека. Ты никогда не задавал себе вопрос, как я на тебя вышел еще в Киеве? Нет? Так вот я тебя по старой газете вычислил. — (Бузыкин в страхе замер). — Фото твое на выселении монашек увидел и вспомнил. Смотрю — знакомый герой-партизан. Навел справки, а ты и здесь в героях... — начальник пытливо изучал Бузыкина, а тот изо всех сил старался унять дрожь в коленях:

— И на что тебе они, эти справки?

— Для страховки. Это я же тебя рекомендовал туда, — напомнил Охрим. — А потом меня самого сюда послали. Сейчас поймешь, к чему я все это. Я уже тогда работал по одному человечку, которого ты знаешь. Впрочем, так же, как и он тебя. Теперь пришло время

дать на него показания, и тут я очень надеюсь на тебя. Ну, и если получится, помог бы мне с ним договориться, а? Поможешь?

— Ну, это отчего же нет, — с облегчением перевел дух Антон. — Что я должен делать?

— Я же сказал: договориться. Шибко он несговорчивый. Сколь ни бьемся, не сдает своих подельников. Политику кнута и пряника знаешь? Ну, вот: кнутом он уже опробован, боюсь, даже чересчур. Как бы не окочурился раньше времени. И чтобы этого не случилось, надо попробовать пряник: по-доброму как бы подойти, понимаешь?

— Чего ж не понять. Взглянуть на него когда можно будет?

— Да прямо сейчас. У тебя как с нервами? Нормуль? А то с ним тут наши ребята немного поработали, так он неважнецки выглядит. Пойдем в подвал, сам увидишь. Для начала в глазок посмотришь.

— Пойдем, — оживился Бузыкин при упоминании подвала. Он знал о пытках, которым там подвергались арестованные, но самому поучаствовать в них не доводилось. А хотелось, очень сильно хотелось. Поэтому его всегда тянуло туда.

У двери одной из клеток подвала стоял часовой, Припасенко Гурьян. При их приближении он вытянулся в струнку и отдал честь.

— Ну, как он там, Гурьян? — кивнул на дверь Онопко.

— Та вроде живой. Тильки стогнет да стогнет.

Охрим открыл глазок и жестом пригласил Бузыкина взглянуть.

У противоположной стены камеры на полу сидел мужчина в разодранной одежде; все лицо его было залито кровью, но Антон тотчас узнал его. Это был Иван Нагнибеда, тот командир красных... командир Охрима... Бузыкин интуитивно повернулся к нему.

— Да-да, Ваня, это мой бывший командир, — не дал ему открыть рта Онопко. — Как я тебе уже сказал: и знаешь человека, и готов за него поручиться, а... — И жестко, и сухо, как щелчок кнута: — Враг он, Антон. Страшный, замаскированный враг. Сколько нашего брата загубил, что и не сосчитать! Да он и при тебе, если вспомнишь, загубил душу красноармейца. Помнишь? — И поскольку Бузыкин никак не мог сообразить, о ком шла речь, с некоторым раздражением добавил: — Монашки там две были, вспомни. Ну, молились они еще над ранеными красноармейцами, неужели забыл?

— А-а, ну да, помню, конечно, помню, — тянул время Бузыкин, стараясь понять, что замышляет начальник. Противная дрожь вновь вернулась в колени: — Одна из них еще его родная сестра была. Молоденькая такая.

— Вот! — просиял Охрим. — Это мне и нужно: сестра Ивана. А красноармейца помнишь, которого отвозил на подводе?

— Так-то помню, но ни лица его не видел, ни фамилии не знал.

— Зато я его хорошо знал. Арсений Гулько, храбрый мужик.

— Он ведь помер, вроде?

— Лучше бы помер, — скривился, как от зубной боли, Охрим. — Позора бы такого не было. — И, чуть выждав, ублажил неподдельное любопытство Бузыкина: — Выздоровел он. Его врачи к жизни вернули, а вот он вернуться в строй отказался. В религию ударился мужик: его, мол, не врачи спасли, а молитвы тех монашек. Представляешь, какой позор для армии!

— Так он, наверное, того? — покрутил Антон пальцем у виска. — От болей. На нем же живого места не было.

— Понятное дело. Его и списали тут же, как полумного. Но кто его довел до этого, сообрази! Тот и оно, что Иван. Где это видано, чтобы красный командир молитвами молился, если мы все против этого мракобесия? Вот мы и начали копать-раскапывать всю подноготную Нагнибеды. Ну, это когда я уже в органы ушел. Да-а, и тут такое открылось, что только ахать осталось. Тут с ним та-акие люди замешаны, м-м-м, — загадочно промычал Охрим и, понизив голос, склонился к самому уху Бузыкина: — Не поверишь! — И назвал две фамилии, отчего Антону, и правда, стало не по себе.

— Иди ты, — только и смог он выдохнуть. — Не может быть. — Теперь он уже по-настоящему опасался своего шефа.

— Может, товарищ Бузыкин. Только бы дожать его. Как ты на это смотришь? Нужно его признание, да такое, чтобы потом комар носа не подточил. Если уговоришь его подписать мой... э-э... наш протокол, я тебе очередное звание гарантирую.

Онопко, как и всякий недалекий человек, считал других глупее себя. Бузыкин тоже не блистал умом, но он знал цену словам. Тем более, таким откровенно пустым обещаниям да еще от человека, которого он в свою очередь оценивал не иначе как выскочку. Хоть и видел в нем родственную душу. Гарантировать Охрим ничего не мог — не дорос еще до того уровня. И Антон натурально оскорбился за то, что тот его держит за идиота. Семин себе такого не позволял.

— Ну, так как? — поторопил его начальник.

— Что ж, попробуем, — пожал плечами Бузыкин. — Попытка — не пытка.

— Ну-у, что за настроение, Антон? — укоризненно покосился на него Охрим. — Какая попытка — не пытка? Не слышу энтузиазма.

— Сделаем, говорю, — исправился Антон. — Когда начинать?

— А что откладывать? Щас же и заходи. Поприветствуй, поинтересуйся, посочувствуй, пообещай. Ну, не мне тебя учить. А я тебя жду в кабинете. Заходи без всяких церемоний.

Без церемоний! Последнее прозвучало для Антона особенно издевательски. «Ах, ты лапоть деревенский!

Без церемо-оний. Не успел опериться, а туда же — в бояре! Из грязи да в князи. Ну, погоди, ты у меня быстро откомандуешься, дай только срок!»

Внутри Бузыкина все кипело. Никогда еще так не хотелось ему перещеголять кого-то, как сейчас этого Охрима. К тому же подспудно он понимал уже, что попался Охриму на крючок (недаром же это упоминание о газете), и тот копает и под него. И докопается: весь вопрос только во времени. Поэтому надо опередить. А поскольку для достижения этой цели все средства хороши (ну, не честными же методами делаются подобные дела), то тут уж он твердо был уверен, что добьется своего, чего бы это ему ни стоило. Во всяком случае мысль его уже работала в этом направлении. Вот загадка природы! Человек — совсем не гений, даже наоборот, с ограниченными умственными способностями — вдруг с завидной гениальностью не только задумывает, но и просчитывает все ходы предстоящего злодейства. Просчитывает и претворяет потом в жизнь дела, непосильные даже для самого изобретательного интригана высшего общества.

И, как оказалось, он и сам не предполагал, что это произойдет так скоро. В предчувствии чего-то необычного он решительно толкнул дверь в камеру, но немного растерялся от неожиданной реакции Ивана. Тот как будто ждал этого гостя, и его лишенный зубов рот с разорванными губами перекосило жалкое подобие улыбки. Он достаточно громко прошепелявил что-то, но разобрать, что именно, невозможно было.

— Что, Иван? — склонился к нему Бузыкин. — Повтори.

— Он-таки нашел кого прислать, — отдельно сказал тот. — Я почему-то так и думал, что это будешь ты. И не обманулся.

— Да, брат, — вроде как не обратил внимания на его слова Антон, — отделали они тебя что надо.

— Ага, не повезло тебе, — опять скривился в улыбке Нагнибеда. — Оставили тебе не так-то много. Разве что вот еще руки переломать. Охрим их сберег, чтобы я мог подписать себе приговор. Только я и тебя предупреждаю: не дождетесь. — И откинулся спиной к стенке: — Можешь начинать.

— Не дури, Иван, — понизил голос Бузыкин. — Я хочу помочь тебе. — И увидев, что слова не произвели никакого впечатления, продолжил: — Скажи, чем я могу помочь, и я сделаю это.

— В обмен на мою подпись?

— Нет. В обмен на информацию. И я начну первый, чтобы ты поверил мне.

— Я слушаю.

— Что тебе известно обо мне, и что требует от тебя Охрим?

Иван усилившем воле выпрямился и взгляделся в Антона.

— Похоже, я, и правда, могу поторговаться с тобой, — сказал тихо, но Бузыкин уже был весь внимание:

— Говори, говори, Иван.

— Ладно. Мне уже неважно, что со мной сделают. И с ними ты или не с ними, не играет для меня никакой роли. Я действительно знаю о тебе от Владлена кое-что такое, чего ты реально боишься. Но я ни словом не обмолвился об этом Охриму. И не обмолвлюсь. Думаю, ты понимаешь, почему. Мне это не надо. Но ты должен понимать, что как только он расправится со мной, следующим будешь ты. Так как ему очень хочется узнать, что связывало тебя с Полуяровским. Каким образом вы с ним, например, оказались в монастыре в одно время и в одном приюте. Так что не тешь себя надеждой, мил человек, что он на мне остановится. У этой породы тормозов нет, они сеют гибель до тех пор, пока их не остановит их собственная смерть. Уразумел?

Догадки Бузыкина подтвердились, и он решил идти ва-банк:

— Уразумел. Теперь говори насчет своего желания. Хотя мне кажется, я его уже знаю, — Бузыкин выразительно взглянул на кобуру.

— Да, да, — в каком-то отчаянном порыве дернулся Иван и тут же, застонав, сник. — Один патрон.

— Два, — глядя ему прямо в глаза, жестко сказал Бузыкин. — Два.

— Не врешь? — судорожно сглотнул Иван.

— Нет. Сначала его, потом себя. Но есть одно условие. Мы должны зависеть друг от друга. Ты же понимаешь, чем я рискую.

— Согласен. Что взамен?

— Я должен быть уверен, что ты меня не сдашь.

— Я же и без этого не сдал.

— Сейчас совсем другой коленкор. Итак?

— Говори.

— Я знаю, кто тебе всего дороже в жизни. Поэтому я должен знать, где твоя сестра, чтобы быть уверенным, что ты меня не сдашь.

Иван невольно вздрогнул и надолго замолчал.

— Не выйдет, — сказал он наконец. — Зачем она тебе?

— Это мне гарантия. Ей ведь сейчас ничего не грозит.

Клянусь, с ней ничего не будет, если мы держим слово. Но если сдашь меня Охриму, я придумаю, под каким соусом сдать ее ему же. Это ведь так ясно. За религию тоже по головке не гладят.

— Утопающий хватается за соломинку, — пробормотал Иван. — У меня нет выхода. Я согласен. Запоминай: Балацкое, немецкая колония Данциг. Там спросишь ее. Когда дашь оружие?

— Когда проверю адрес. Никто тебя теперь не тронет, потому что теперь работать с тобой буду я. Я должен уговорить тебя подписать заключение. Если с адресом все в порядке — а это два-три дня, я оставляю тебе наган и сообщаю Охриму о твоем согласии. Он придет к тебе со своим протоколом и... Я буду за дверьми, и в случае твоей измены прикончу обоих. Мне терять нечего.

— Мне тоже, — Иван прикрыл глаза. — Постарайся поскорее.

— Постараюсь. Пойду скажу, чтобы тебе дали обезбаливающий укол, — напоследок пообещал Бузыкин. Уходя, обернулся уже у двери: — Скажи, за что Охрим тебя так люто, а?

— Не знаю. Спроси у него.

— Может быть, и спрошу. Наверное, спрошу.

На третий день сияющий Антон сообщил, что арестованный Нагнибеда согласен подписать протокол. Только, мол, чтобы сам Онопко пришел. Один, без свидетелей.

— Ну, ты молодец, — расцвел Охрим. — Недаром Семин тебя нахваливал. Давай, пошли быстро.

— Обещание не забыл? — невинно напомнил Антон.

— О чем ты? — уже на ходу обернулся шеф.

— Да кто-то мне звание обещал.

— А-а, ну, это сделаем, сделаем. — И пошутил: — Подписи-то еще нет, а ты уже о награде.

— Будет тебе подпись, — заверил Антон, вышагивая рядом с шефом. — Сто процентов. Слушай, все хочу спросить тебя.

— Ну, говори, — в голосе Охрима слышатся недовольные нотки.

— Вы ведь с Иваном вроде душа в душу жили. Что же...

— А я еще неясно тебе объяснил? — жестко оборвал его Онопко. — Долго соображаешь, однако. Иван — белая кость, примазавшийся к революции враг. Я никогда ему не верил и всегда ненавидел его. И как только он

оказал свое настоящее мурло там, в монастыре, с молитвами своими, я больше не раздумывал. Еще вопросы?

— Не-не, — энергично мотнул головой Бузыкин. — Я так и думал.

На самом деле думал он совсем иначе: не сразу Охрим восстал против Ивана, а долго еще ждал удобного случая, чтобы свести с ним счеты. И выждал. А теперь вот точно так же Антон уберет его. Хоть и жалко гробить столь родственную душу, но тут уж кто кого упредит, тот и пан. «Двум медведям в одной берлоге не ужиться», — глубокомысленно заключил он.

У дверей Бузыкин остался рядом с часовым Припасенко, а Онопко шагнул за своей смертью.

Минуты через две оттуда раздался выстрел, а с интервалом в полминуты и второй. Они переглянулись, Гурьян украдкой перекрестился и развел руками: дескать, не утерпел начальник. Сделав ему знак оставаться на месте, Антон открыл дверь и, мигом оценив обстановку, завопил:

— Припасенко! Гурьян!

— Тута я, — забежал перепуганный часовой и остолбенел. Рядом с прислонившимся к стене Иваном распростерлось тело начальника.

— Та то ж... — заикнулся он, но тут же вылетел из камеры от дикого крика Бузыкина:

— За фершалом, живо!

Спокойно, без спешки Антон вытащил из кобуры Охрима наган, вынул из барабана пару патронов и аккуратно вложил его в руку Нагнибеды. За отпечатки

пальцев он не беспокоился: как раз вчера они с шефом прилюдно соревновались во дворе в стрельбе по мишеням и менялись оружием. Тот же револьвер, из которого стрелял Иван, он аккуратно протер платочком и сунул его в свою полевую сумку. Это был наган того же калибра, что и у Онопко, и позаимствовал его Бузыкин у своего старого знакомого — еврея, подпольно приторговывавшего оружием, и которого он, Антон, «крышевал», выражаясь современным языком. Так что все эти дни он даром времени не терял и к акции подготовился основательно. «Во всеоружии», так сказать. Появление врача с другими сотрудниками встретил Антон с выражением глубокой скорби на лице.

— Все, — сокрушенно развел он руками, — не убергли.

— Ото ж кто бы мог подумать, — подобострастно поддержал его Припасенко, больше всех переживавший за случившееся. Теперь его собственная судьба, как он полагал, зависела от Бузыкина. Только он мог подтвердить, что часовой не покидал свой пост. И облегченно вздохнул, когда Бузыкин, положив руку ему на плечо, эхом повторил вслед за ним:

— Да, кто бы мог подумать... И не говори, Гурьян. И так, после того как врач констатировал смерть обоих, к делу приступили эксперты. Всех волновал один вопрос: как револьвер Охрима попал в руки подследственного? Отобрать его у физически сильного шефа не мог бы даже здоровый человек, где уж там вконец ослабевшему,

измученному арестанту. Но подозрений в том, что мог быть другой револьвер, ни у кого даже не возникло: слишком ясной была картина. А когда было установлено, что пули, выпущенные в Онопко соответствуют калибру его нагана, дело закрыли. В основном сошлись на версии, что так, мол, неосмотрительно шеф оставил наган после того, как угрожал им Ивану. Расвирепел, поди, что тот отказался подписать бумаги, хоть раньше и согласился это сделать, вот и... Кто-кто, а Бузыкин выжал из этой версии все, что мог: он не только вышел сухим из воды, но еще и приобрел достаточный авторитет в глазах сослуживцев. В своей докладной он подробно изложил, как по поручению Онопко сумел склонить Нагнибеду к сотрудничеству, и в доказательство привел полученный от него адрес родной сестры (слово, данное Ивану, было для Бузыкина пустым звуком. Впрочем, так было всегда, а не только в случае с Иваном).

Этот факт, конечно же, перевесил бы любые подозрения в отношении Антона, если бы таковые возникли в ходе следствия: все знали, сколь дорогим человеком была Ивану Ксения. То есть выдать он ее мог только на основании какого-то договора, где бы им обоим гарантировалась безопасность. И Бузыкин ловко наводил следствие на мысль, что этот договор между Онопко и Иваном уже был. Что уж они потом не поделили; кто из них кому и что был должен и взамен чего, теперь оставалось только гадать. Но догадки к делу не пришьешь, да никто сильно-то и не старался

вникать в столь ясное дело. Оночко был не совсем, чтобы свой в среде местных чекистов, и о нем очень скоро забыли. Антон же, кроме всего прочего, обрел в лице Припасенко преданного друга: это он начисто отмел все подозрения, что часовой мог, но не предотвратил убийство. Когда об этом зашла речь, он сказал, как отрубил:

— Если уж Оночко мне запретил входить с ним, то что уж говорить о Гурьяне. Ему и подавно. Так сам шеф решил: без свидетелей, мол. Он ведь еще кое-какие виды имел на бывшего своего командира. Да вот не сложилось.

Припасенко после тех слов души в нем не чаял.

И снова потекли спокойные для Бузыкина будни: Семина не было, а новый комиссар ОГПУ Авдей Доценко выделять его из остальных сотрудников не спешил. Что, в общем-то, нисколько не огорчало Антона. Но летом двадцать седьмого неожиданно затребовал его к себе сам председатель уисполкома Остап Кадченко.

— Работаешь по Полуяровскому? — без всяких предисловий спросил он Бузыкина, разглядывая какие-то бумаги на столе.

— Как, работаешь? — растерялся тот. — Не было команды мне.

— Команда была, дорогой мой, да только ты забыл. А ну-ка вспомни, что наказывал Семин перед твоим отъездом в Киев?

— А, ну да, — все в том же недоумении пробормотал Антон. — Дак это когда-а уже было. Ну, да, разговор был, но это только предполагал он тогда. А Онопко ни словом. Не было приказа.

— Ну, было-не было, не будем мелочиться, — дружелюбно взглянул на него Кадченко и развел руками: — Онопко что, даже оглядеться не успел как следует. Мне вон тоже из-за этих бумаг за всем уследить не удастся. В общем, так: читал я твою докладную по Нагнибеде — молодец! В смысле, что расколол его на адрес сестры. За нее сейчас и уцепишься, потому что пришло время брать ее муженька-антиквара. Сам-то он, видать, учуял, что запахло жареным, и ударился в бега, но через женушку ты его и вычислишь. Там ведь еще и ребенчонок вроде у нее, так? — Остап усмехнулся, заметив, как вытянулось лицо Бузыкина: — Что, самому не терпится? Нет? Нет? — и расплылся в улыбке: — Ви-ижу, не терпится. И хорошо, и правильно, что не терпится. Хватит уже: пожировали кровопивцы, пора и честь знать. Всех их до одного, как вошь, — к ногтю! В общем-то, мы и так начали их давить потихоньку. Вот, ознакомься, — подал он бумагу Антону, — это разнарядка по аресту нэпманов.

Бузыкин просмотрел список: Полуяровский — последний человек, которого он вынужден был опасаться, стоял одним из первых, но не первый.

— А эти, что впереди? — заикнулся он.

— Эти уже того... А-ля-ую, — изобразил Остап в воздухе замысловатый жест рукой и присвистнул: — Нетути их больше.

— Вот это по-нашему! — не скрыл радости Антон. — Хорошо бы заодно и этого... — и осекся. Не стоит обозначать свое отношение к Владлену — вдруг да на него это не распространяется. И поправился: — Хорошо бы и этих всех туда... — он закатил глаза кверху, — на небеси... Чтобы воду тут не мутили зря.

— Я не сомневался в тебе, — удовлетворенно откинулся в кресле Кадченко. — Хорошо помню тебя по монастырю: именно такой мне чекист и нужен: жесткий, решительный, а не какая-нибудь размазня вроде Доценко, твоего нынешнего начальника. Борьба у нас идет жестокая, и слюни распускать — только себе вредить. Действовать нужно скоро: чтобы раз, два — и в дамках! Ну, а теперь в деталях, — почему-то понизил голос Остап и даже оглянулся по сторонам, как будто в кабинете мог быть кто-то посторонний: — Между нами, так сказать.

— Я слушаю, товарищ Кадченко.

— Вот тебе предписание: доставить Полуяровского и его жену сюда живыми. Но это указ сверху, товарищ Бузыкин. Я же хочу, чтобы они живыми сюда не доехали. Где отыщешь, там и прихлопни. Кому здесь охота разбираться в аферах этого антиквара? Или слушать проповеди его жены? Говорят, она уже сбила с толку многих красноармейцев своими баснями о Боге. Это

тоже надо раз и навсегда пресечь. Ну, а кому я могу это поручить, как не тебе. В твоём атеизме я мог убедиться сам. Все. Какие будут вопросы?

— Да как же мне быть? Приказ-то один, а...

— А сделать надо по-другому. Убрать «при попытке к бегству». Не переживай, я тебя за это ещё и к награде представлю. Только напарника надёжного подбери. Есть на примете?

— Так точно. Надёжнее не надо. Припасенко Гурьян.

— Вот и ладненько. Да, не забудь, «попытка» должна выглядеть достоверно. Сроки? Думаю, месяца хватит тебе на все про все.

— Да это нам за глаза. А что с ребёнком? Сын у неё двухлетний.

— Ребенка в приют оформим. Не он первый, не он и последний. Скоро у всех верующих будем детей забирать.

Лицо Бузыкина расплылось в благостной улыбке:

— Это куда как дельно. Хоть нормальным вырастет мужик, без всякого Бога да заумных проповедей. Разрешите выполнять?

— Давай, дерзай. По исполнению доложишь лично мне. Ну, а за мной не заржавеет. Готовься шпалу примерить. А то и две кряду. Давно уже пора тебе присвоить, но сказал же — текучка с этими бумагами заела.

—*—*—*—

«**С**коро сказка сказывается, да не скоро дело делается» — так можно было бы охарактеризовать дальнейшие действия Бузыкина по поимке Владлена Полуяровского. Не учел чекист, что в их системе, и кроме него, есть ушлые сотрудники, которые не прочь поживиться на информации. Он еще только предвкушал расправу над художником, а весть о том, что Ксению ждет арест, уже была продана Владлену. За приличное вознаграждение, разумеется. И тот оперативно вывез Ксению с сыном из слободы Данцига. Вывез открыто, не таясь, поскольку был уверен, что найдет людей повыше рангом, которые сочтут за честь защитить его семью. Поэтому наказал хозяйке, у которой они жили, и всей немногочисленной горстке братьев и сестер поместной церкви баптистов говорить правду об их отъезде. А чтобы уж совсем оградить их от допросов, оставил и свой херсонский адрес: дескать, на случай, если власти что-то будут от вас требовать. Так что с первых шагов Антона ждало разочарование. Владлен, мало того, что сбежал с семьей, так еще и лишил его удовольствия поизгаляться над верующими. В немецкую слободу Бузыкин прибыл на телеге в сопровождении Гурьяна и, задав вопрос о Полуяровских, приготовился было вышибать из немчуры признания (как он это уже проделывал с ними в гражданскую, будучи в рядах Петлюры), но они ему тут сразу и адресок в руки: спешите, мол, успеть, гражданин начальник, чтобы поймать их

по горячим следам. А он ведь уже и плечи расправил, чтобы зашибить одного-другого. Такой вот конфуз вышел. Но адрес художника был у него на слуху, и он сразу сообразил, что это действительно его дом. Поэтому, забыв даже как следует обляять слободчан, круто развернулись они с Припасенко и погнали в Херсон. Только как ни торопились, а прибыли к «шапошному разбору». Из всего живого тут оказался лишь дворовый пес, встретивший их вполне дружелюбным лаем и мирным помахиванием хвоста. То есть, дом был, а хозяев и след простыл. Надо было видеть, в какое бешенство впал Бузыкин, переколотивший в доме все, что попало под руку. Напоследок он выместил злобу и на более одушевленном предмете: пристрелил во дворе ту дворнягу, заластившуюся было к нему уже как к старому знакомому. Это, мол, чтобы не лезла под руку. И тут он как-то сразу успокоился, будто совершил что-то доброе. Хоть этим отвел душу. Все это не ускользнуло от внимания Гурьяна.

«Э-э, брат, да эдак он и меня зашибет, дай только повод», — струсил он, увидев искаженное злобой лицо «шефа», как он теперь называл его. Почему-то мгновенно всплыла перед глазами та незабываемая, не дававшая ему покоя картина неподвижных тел в камере: распростертое на полу — Охрима и приткнувшееся к стене — Ивана. И вдруг память высветила ту деталь, которая все это время подспудно томила его сознание, но никак не материализовывалась в нем: нагана в руке

Нагнибеды не было! Он валялся рядом! И это был другой наган. Не тот, Охрима, что оказался потом в руке Ивана. Догадка молнией пронзила мозг: все подготовил сам Бузыкин? Но открывшаяся правда убийства еще больше парализовала волю Гурьяна. Съежился он в паническом страхе, побежали, расползлись мурашки по всему телу, смертный холодок повеял, леденя душу. О том, чтобы разоблачить его, не могло быть и речи: вон он как сразу с двумя расправился. А они не чета Гурьяну. Коварен и скор на расправу Антон, а потому нельзя даже и виду подать, что о чем-то догадался. «Больше молчишь, дольше живешь» — боязливо, но довольно мудро рассудил Гурьян.

Прошедший гражданскую войну, он слыл отважным бойцом; во всяком случае ни разу не был замечен в трусости в открытом бою. Но когда после тяжелого ранения был определен в конвоиры комендантского взвода и стал свидетелем жестоких пыток и просто издевательств над безоружными людьми, ползучий страх — страх оказаться на месте беззащитной жертвы — постепенно поработил его душу. Что ему оставалось делать, как не приноравливаться к ситуации? «Вперед не суйся и взад не отставай!» — такой спасительный принцип исповедовали многие его товарищи, и это было главной, если не единственной, их заповедью. Только так можно было не попасть под жернова разнузданного террора и не пропасть в этой безумной мясорубке. Бывший батрак, полуграмотный красноармеец, прежде он выполнял

приказы командиров только потому, что слепо верил в обещанное светлое будущее. Выполнял беспрекословно, будучи уверенным, что воюет за лучшую долю. Теперь же, в относительно более мирное время, ему все чаще приходилось конвоировать и охранять тех самых командиров, которым он раньше безгранично верил. По какой-то неизвестной ему причине они вдруг оказывались врагами народа. Того народа, за судьбу которого они вроде и воевали. И, как и большинство неискнуемых в политических дрязгах людей, он перестал вообще что-либо понимать и превратился в послушного робота. Все же одно он уяснил совершенно точно: пришло время таких оборотистых людей, как Бузыкин, и, чтобы уцелеть, надо от них держаться подальше. Потому и поклялся себе, что при первой же возможности отшатнется от «шефа». И, чтобы ускорить эту возможность, тихо-мирно подал прошение об увольнении по состоянию здоровья. Оно у него после ранения и в самом деле было неважным, так что в искренности его просьбы никто из сослуживцев, если бы и узнал, не стал сомневаться. Ему лишь осталось ждать заключения врачей и решения сверху, чтобы уехать в свою небольшую деревушку под Николаевом, где проживала его сестренка Дуняша. Такая вот мечта. А тут, как назло, эта канитель с поиском очередных врагов...

Между тем месяц был уже на исходе, а результата как не было, так и не предвиделось. Антон поднял на ноги всю свою агентуру: воров, мошенников, спеку-

лянтов и всю прочую шушеру, но все тщетно. Словно в воду канул художник с женой. И когда в очередной раз, докладывая начальству о ходе поисков Полуяровских, он выразил эту мысль, в ответ услышал уже не хвалебную речь, а вполне жесткое указание.

— Где ты их найдешь, меня никак не касается. Ищи хоть в воде, если они туда канули, — раздраженно бросил Кадченко. — Но если не найдешь... Ты меня знаешь. В общем, даю еще три дня.

Мрачнее тучи вышел Бузыкин от шефа и отправился домой. «Три дня, три дня, — ворчал он себе под нос. — Будто Влад только и ждет, когда за ним придут. А то и вовсе сам явится. Хорошо сидеть в кабинете да указывать. „Ты меня зна-аешь“ — передразнил он Остапа. — Кто ж теперь тебя не знает, если гребешь все под себя. Ты и с художником, судачат люди, чего-то не поделил, вот и спешишь избавиться от него. Да-а, нажил я себе проблем».

С такими невеселыми мыслями он добрался домой и, не раздеваясь, улегся на кровать. В этом подавленном настроении его и застал Гурьян. Был он чем-то сильно взволнован, что моментально передалось Бузыкину. Он вскочил и в нетерпеливом ожидании уставился на напарника:

— Что, Гурьян? Есть что-то?

— Есть, — сглатывая слюну, кивнул тот. — Даже не можешь себе представить, что есть. Погоди, дай дух перевести.

— Да не тяни ты kota за хвост, — чуть ли не взмолился Антон, и заходил взад-вперед по комнате. — Выкладывай.

— А ты перестань мельтешиться перед глазами, — огрызнулся Гурьян. — В общем, Полуяровский приглашает тебя к себе.

— Чи-иво-о? — как вкопанный остановился Антон и медленно присел на краешек кровати. — К себе? Это куда — к себе? Это как?

— А я знаю? Велено спросить сначала, согласен ли ты встретиться на его условиях; а потом они уже и место определяют.

— Они? Да говори ты толком наконец: кто — они? Что еще за условия?

Припасенко глубоко вздохнул, подвинул к себе стул и сел:

— Знаю только первое условие: ты должен быть один. Больше ничего не знаю. Обо всем остальном спросишь у Зямы Шлеймовича в порту. Если, конечно, согласен встретиться с художником.

— Зямы? — Бузыкин одновременно повеселел и насторожился. Это был тот самый еврей, подпольный торговец оружием, которому он доверял: — Слышь, Гурьян, а почему именно он?

— На него вышли серьезные люди. И он ждет тебя прямо сейчас. Пойдешь? Не забывай, даже я не смогу пойти с тобой.

Бузыкин долго и лихорадочно соображал, что пред-

принять. Бояться художника не следует, в этом он был уверен: такие люди держат свое слово. Но и сам чекист должен соблюсти условие, иначе ему никогда не выйди на Владлена. Чего же он хочет от Антона? И как всегда было по жизни, думать и предполагать что-либо наперед он не стал. Не из таких переделок выходил сухим из воды, выкрутится как-нибудь и на сей раз. Устроило его и место встречи с Зямой: безлюдный закоулок в порту — то, что надо. Здесь он знает все ходы и выходы, и его не застанут врасплох, если что.

— Пойду, Гурьян. Только ты все равно подстрахуй.

— С Зямой подстрахую. А дальше? Вдруг у них слежка?

— Не вдруг, а обязательно. Дальше сам рогом шевели. Может, что и подвернется на ум. Ну, ладно, получится или не получится... Где наша не пропадала.

— Может быть, сообщить Остапу?

— Э-э, брат, вот это нет. Не такой я дурак, чтобы подставлять свою башку за их разборки. Когда выясним, кому что надо, тогда и посмотрим: сообщать или нет. Ты меня понял?

— Понял.

— Вот и молчи громче.

— Да я и так — могила. Береженого Бог бережет.

— Тю-ю, и ты туда же, — скривился Антон, как от зубной боли. — Какой еще Бог? Запомни: уберечь себя можешь ты только сам. Если бы Бог был и всех оберегал, то разве крошили-перемальывали бы мы друг

друга? То-то и оно, что нет. И вообще: чтобы я больше от тебя о Боге не слышал. От Него люди только глупеют.

— Да это я так, — не на шутку перепугался Гурьян.
— К слову пришлось, сам знаешь. Всегда ведь так говорится.

— Дураками говорится, — резко оборвал Бузыкин. — Которые за себя постоять не могут. А мы с тобой не из того теста. Лучше вон наган проверь. Вот уж кто бережет, так бережет. Это тебе не Бог и не поп-батюшка. Это понадежнее.

— Проверил я, проверил. Здесь у меня все в порядке.

— Ну, тогда и двинулись к Шлеймовичу. Интересно, какой куш он сорвал за посредничество? И только ли посредник он? Вполне ведь может стать, что и наводчик, а? Ну, ничего-ничего, — пригрозил он воображаемому еврею, — если все путем обойдется, я все из тебя потом выбью, старая шельма.

Зяма долго не разговаривал. Убедившись, что за Антоном нет «хвоста», он пошел с ним к ресторану, где, по его словам, их должны были ждать люди Владлена. Но не успели зайти за угол, как сзади подкатила легковушка, а двое мирно беседовавших на тротуаре мужиков в два прыжка очутились около Бузыкина и буквально впихнули его в приоткрывшуюся дверцу на заднее сиденье. Один из них уселся рядом, и Антон оказался зажатым с двух сторон, поскольку там уже сидел один человек. Третий плюхнулся на переднее сиденье, и машина лихо сорвалась с места, обдав Шлей-

мовича густым облаком чада. Похитители сработали так молниеносно, что даже если кто-то и следил бы за ними, то не успел бы вмешаться в похищение чекиста.

— Не понял, мужики, — опасливо поглядывая на обоих, сипло выдавил Бузыкин. Как ни старался он придать голосу уверенности, испуг его был очевиден. — Мы так не договаривались.

— Тихо, без хипиша, — полуобернулся севший впереди крупный мужик в косоворотке, и указал на шофера: — А то дядя Боря не любит, когда ему шумят под руку. Он может свернуть не туда, понял? А тогда дела твои будут плохи. Правда, дядя Боря?

— А то ж! Сиди смирно. Это для твоей же безопасности.

Бузыкин чуть развел руками: дескать, воля ваша.

— Вот и молодец, — удовлетворенно хмыкнул шофер. Видимо, он был за главного. — Ты, я вижу, мужик с понятием. Будешь дальше себя так вести — заработаешь на пирожок... С гвоздями.

— Куда едем, «дядя Боря»? — деловито, но уже с некоторой иронией в голосе осведомился Антон, пропустив похвалу мимо ушей. Страх постепенно отпускал его. Что водитель, что остальные — явные уголовники, а с ними он умел говорить. И ладить умел. Главное, не показать дальше, что дрейфишь.

— Не торопись поперед батьки в пекло, — усмехнулся шофер, разглядывая его в зеркало заднего вида. — Едем, куда надо.

— Да кто бы сомневался, — уже немного развязно проронил Антон. — Меня беспокоит не место, а время. К ночи — на дежурство.

Расчет верный: понимаю, дескать, кто вы такие, но и себя не скрываю, потому что не боюсь вашего брата.

— Время? — притормозил водитель. — Тут я с тобой согласен. Че время-то зря терять. Говори, зачем тебе Владлен понадобился, и иди, отсыпайся на своем дежурстве. Мы ему передадим — и вся недолга. И волки сыты, и овцы целы, а?

— Вы что-то путаете, корешки. Во-первых, понадобился не он мне, а я ему: ведь это он просил о встрече. Значит, хочет говорить со мной. А я с ним тоже не против побалакать. Причем же здесь вы?

— Подрастешь, узнаешь, — буркнул дядя Боря, ловко объезжая дождевые лужи на узенькой улочке. — А что во-вторых?

— Во-вторых? На дежурстве мы не отсыпаемся, а работаем.

— Работнички, чтоб вас... — презрительно выругался сидевший справа мужик. — Только и научились, что народ гробить. Век бы вас не видеть. И чего Влад решил с ним связаться?

— У него и спросишь, — совсем успокоился Антон. Стало ясно: пока он нужен Владлену, жизни его ничто не угрожает.

Остальную часть пути ехали молча. И только когда въехали в ворота какой-то усадьбы в Белозерке, шо-

фер, не оборачиваясь, протянул к нему руку и тоном, не терпящим возражений,скомандовал:

— Пушку свою сюда! Чалый, помоги ему освободиться от ненужного груза. И подсумок проверь.

Бузыкин интуитивно дернулся рукой к кобуре, но мужики с обеих сторон крепко придавили его.

— Ну-ну, без фокусов! — грозно прошипел дядя Боря. Потом уже спокойнее: — Так-то лучше. А то сразу за пушку. Чего ж ты такой нервный? Держи свою сумку. Сказано ведь — не тронем.

— Не трогать можно было и с наганом.

— Можно бы, да кто ж тебя знает. Не очень-то ты храбрый, как я погляжу, так еще чего доброго пальнешь с перепугу. Ведите его в дом, а я пока проверю, все ли тихо.

—*—*—*

Итак, вчетвером — Антон посередине — они прошли через веранду в дом, усадили его в кожаное кресло у стола, а сами вышли. Еще через минуту в комнате появился Владлен, сел в другое кресло напротив него и пытливо, словно желая удостовериться, тот ли человек сидит перед ним, стал рассматривать Бузыкина.

— Ну что, Антон, узнаешь? — спросил наконец.

— Как не узнать, — пожал Бузыкин плечами. — Узнаю, конечно.

— Ну, мало ли. Там, в ресторане-то, сделал вид, что не знаешь меня. Помнишь? Когда ты с Семиным, начальником своим, был? Или, правда, не узнал?

— Тогда лучше было, чтобы я тебя не узнал.

— Думаешь? Не наоборот?

— Нет. Для нас обоих лучше. Аккурат за день до этого Семин поинтересовался, знаю ли я Полуяровского. Я, конечно, поостерегся: мол, ни сном ни духом. И тут эта встреча. Представляешь, что было бы, если бы вдруг оказалось, что мы знакомы? А-а, то-то и оно. Как минимум нары для обоих.

— Ну да! Заговор?

— Не смейся, именно так. А раз незнакомы, то посоветовал мне к тебе присмотреться. А где совет, там и приказ, сам понимаешь.

— И ты что? Присматривался все это время?

— Снова нет. Буквально через неделю убедил его, что ты не тот человек, за которым нужна слежка. Ну, вроде бы я все твои связи отследил и пришел к такому выводу, — очень естественно врал Бузыкин. — Тогда он переключил меня на другое дело и отправил в Киев. Сопоставь время и поймешь, что это так. Никто ведь тогда за тобой не следил?

— Вроде нет.

Бузыкин распрямылся в кресле и напустил важности:

— И тебе никогда не приходило в голову, что это моя заслуга? А я, Влад, помню свое обещание.

— Иди ты, — усмехнулся тот. — Таки помнишь?

В комнату без стука вошел дядя Боря и, склонившись к художнику, сообщил вполголоса:

— Все тихо, Влад. Похоже, легавый не обманул — один прибыл.

— Хорошо. Я на это надеялся.

— Ну, тогда нам пора? — спросил шофер и кивнул в сторону Антона: — Этого назад доставить?

— Нет-нет, все в ажуре. Сами разберемся.

— Может, все-таки оставить тебе человека? Этот хмырь хоть и труслив, но на подлость всегда готов, и смелости на это у него хватит. Я таких за версту чую.

— Да нет, мы с ним вроде как обязаны друг другу. И все же я благодарен тебе за заботу.

— Ну, как знаешь.

— Надеюсь, мы в расчете?

— Без вопросов, Влад. Нужен буду, известишь, я всегда к твоим услугам.

Дядя Боря повернулся к Бузыкину:

— Ну, бывай, господин чекист.

— Верни мне оружие, — хмуро процедил тот.

Шофер, обменявшись взглядом с Владленом, протянул наган.

— Держи. Только стрелять в меня не пробуй; не обессудь, но патроны я взаймы взял, чтобы ты не соблазнился. Да и спрос на них большой, а у вашего брата их море. — И изобразил рукой в воздухе что-то непонятное. — Оревуар, мусью, чтоб тебя...

— Да пошел ты, — обозлился Бузыкин. Это надо было сделать, чтобы хоть как-то реабилитироваться

за тот давешний испуг. Тем более, что за поясом под гимнастеркой у него был другой пистолет.

— Ишь ты, осмелел, однако, — удивился дядя Боря. Нехорошо. А я еще подвезти его, такого злого, хотел.

— Как-нибудь и без вас доберусь, — пробурчал Бузыкин и, когда тот вышел, добавил про себя: — И до вас доберусь.

С улицы донесся шум заведенного мотора, слышно было, как хлопнула дверца, и машина выехала со двора. И все снова стихло.

Антон вопросительно посмотрел на Полуяровского:

— О чем я говорил? Ах, да. Помню, как ты меня выручил там, в монастыре. Иначе бы капут мне был.

— Это уж точно. Но то и удивительно, что ты еще помнишь, — в голосе Влада нескрываемая ирония. — Никогда бы не подумал.

— Я тогда пообещал, что в долгу не останусь и, как видишь, не отказываюсь от своих слов.

— Ну, пусть будет так. А почему по службе не продвинулся?

— Вот как раз поэтому. Совесть имею. Если бы я сдал тебя да еще пару таких, как ты, был бы уже повыше Охрима. Слышал о нем?

— Ну? — потемнел лицом Владлен. — Онопко, что ли?

— Да. Он просто заиклился на вас с Ксенией, и я уже не раз отводил от тебя беду, о чем ты даже не

ведаешь. Кстати, и из Ивана Охрим вышибал сведения именно о вас. Я готов доказать тебе это.

— Так докажи, — посерьезнел Владлен.

— У меня есть записка от Ивана, — нагнулся к нему и понизил голос Бузыкин, оглядываясь по сторонам. Потом горячо зашептал: — Это я помог ему посчитаться с Охримом.

И онемел от внезапной реплики Полуяровского:

— Я знаю. Подсунул ему наган. Зачем ты это сделал?

Бузыкин некоторое время ошеломленно смотрел на Владлена, потом, сообразив, что тот определенно что-то знает, закивал головой и зачастил:

— Да-к ты пойми: другого-то выхода не было! Иван сам так захотел. Только для того, чтобы спасти свою сестру, а стало быть, и всю вашу семью. Ну, и от мучений избавиться: на нем ведь живого места уже не было. Но откуда ты об этом...

— Где записка? — угрюмо перебил Полуяровский.

— Ага, я прям с собой повсюду ее и ношу, — как бы обиделся на глупый вопрос Бузыкин. Он уже пришел в себя: — Ты что? В надежном месте она. Откуда мне было знать, что эта встреча с тобой не провокация? Да и на раздумья времени не было, сам знаешь.

— Похоже, ты прав, — засомневался Влад. — Что в записке?

— Советовал тебе побыстрее убираться отсюда, — не моргнув глазом, выпалил Бузыкин. И продолжил врать уже напропалую: — Он знал, что говорил. Онопо

грозил, что расправится с тобой при первом удобном случае. Поэтому Иван просил, чтобы я помог вам с Ксенией. Я пообещал и сделаю все, что в моих силах. Мне ведь нет резона, чтобы ты к ним, ну, то есть к нам, попал, сам знаешь.

— Все еще боишься разоблачения? Не бойся: раз уж я сам тебе подал эту идею с партизанами, значит, и моя доля ответственности тут есть. Иван тебя не выдал, не выдам и я. Но и ты мне должен оказать услугу, коли уж мы так с тобой связаны. Смотри сюда: — Владлен достал из стола какую-то папку. — Тут важные документы. Сможешь отвезти их Остапу? Они ему будут оч-чень интересны.

— Документы? Я? — даже привстал Антон. — То есть как?

— Молча. Я слышал, ты у Остапа в доверенных, это так?

— Да ну, пустая болтовня. Так, по службе иногда вхож.

— Этого достаточно, чтобы передать. И как можно быстрее.

— Постараюсь.

— Да уж постарайся.

— Ну и? Передать — и все? Что я скажу?

— Что я хочу выяснить, чем обязан теперешней травле?

— А че тут выяснять? По мнению Остапа, ты помогаешь белому подполью и всем таким прочим. Ни-

кто, правда, этому не верит, но никто и не перечит. Во всяком случае вслух. Все подозревают, что ты кого-то обошел вниманием. С кем-то просто не поделился.

— Вот! А когда он увидит эти документы, быстро изменит свое мнение. Здесь значатся суммы, которые я в разное время передал на благотворительные нужды города... ну, и лично ему. И которые, как я понимаю, разворовали его чиновники. Здесь все имена и должности людей, кому передавались деньги, а также их расписки. Словом, ему будет кем заняться вместо того, чтобы гоняться за мной. Преступники у него под боком, а не в мнимом белом подполье. Только передать нужно так, чтобы, кроме него, никто их не видел. Сделаешь?

— Заметано.

— Теперь второе. Что грозит Ксении?

— Ей? Ничего. Ну, допросят, где ты есть, не без этого. А так — что? Так — ничего. Она же не поп какой, чтобы людей с панталыку сбивать. Это они против власти ворожат.

— Ну, кто против кого ворожит, пока не будем спорить. В любом случае, я хочу, чтобы ты вывез ее с сыном отсюда. Мне будет спокойнее. Поможешь? За вознаграждение, разумеется.

— Да брось ты. Сказал же, в долгу у тебя. А сам что?

— Обо мне речи нет. Во всем разберусь, как только дашь знать, что документы у Кадченко.

— Тогда я пошел? — Антон попробовал улыбнуться.

— Погоди, — впервые за беседу улыбнулся и Влад-

лен. — Я же обещал, что проясним наши отношения подробнее. Так вот мне, как сам понимаешь, нужна гарантия, что ты не сдашь нас с Ксюшей.

— Резонно, — кивнул Бузыкин. — Могу поклясться.

— Поклясться? — Владлен откинулся на спинку кресла. — Нет, брат, клятвы твои мне не нужны. — И, словно что-то вспоминая, задумчиво и как-то отсутствующе продекламировал: «А я говорю вам: не клянись вовсе, — ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным».

— Ты это... чего это? — неуютно поежился Бузыкин.

— Это не к тебе. Это я себе слова Христа напомнил.

— Опять про Бога, что ли? Я думал, ты уже отошел от Него.

— Это еще почему? — неподдельно изумился художник.

— Разговор наш в монастырском приюте помню. Ты ведь тогда от богатства-то отрекался, да-а: не нужно, мол, оно на земле. Меня, помню, засовестил. А теперь вон сам — такой буржуй, что аж деньги из карманов сыплются.

— А ты, и правда, памятный. Но я, мил человек, богатство никогда не ставил своей целью, — покачал головой Владлен. — Я ж тебе только что объяснил, куда уходила львиная доля заработанных мною денег. Я занимался благотворительностью. — Он сделал паузу,

потом, медленно расставляя слова, с печалью в голосе продолжил: — Хотя... наверное, ты прав. Богатство, даже такое, оно не приносит счастья, потому что лишает свободы духа. Видать, много я возомнил о себе, думая, что это я от себя жертвую людям, в то время как все — от Бога. Все! Вот мы без Него ни-че-го не можем дать. И «кто почитает себя чем-нибудь, будучи ничто, тот обольщает сам себя». Мне об этом Ксения напомнила, когда поняла, что я стал примерять на себя роль благодетеля. Этакого графа де Монте-Кристо. Жаль, мы очень редко виделись с ней последнее время. Может быть, этого со мной бы не произошло, будь она всегда рядом. Это она подвигла меня последовать примеру богатого Закхея.

— Это который? Из ваших? Из нэпманов?

— Ну, это как посмотреть, — грустно улыбнулся Владлен.

— Как ни смотри, а не припомню. Ну, и что ж он такого сделал?

— Раздал все свое состояние бедным.

— То есть, как раздал? — недоверчиво покосился Бузыкин.

— Вот так: взял и раздал.

— Иди ты. Скажешь еще — бесплатно?

— Конечно. И с великой радостью.

— Ну, тогда одно из двух: или он выжил из ума, или ты меня совсем уж за дурака держишь, — обиделся Антон. — Кто ж в здравом уме и доброй памяти пустит

по ветру свое нажитое. Да людей по-доброму-то не уговоришь жалкими излишками хлеба поделиться, не токмо что каким богатством; с боем все приходится выбивать. Слышал, что творилось с продразверсткой? Сколько людей положили свою жизнь за хлеб насущный? А тут сам! Все состояние! Где это видано?

— В Библии, Антон. В Библии это и видано, и записано.

— А-а, сказки, — облегченно хохотнул Бузыкин. — А мне сразу-то и невдомек. Ну, там, да: там бывает. Цари вон тоже... Иванушке-дурачку каждый по полцарства норovil отвалить. Ну, так то за девку-красу, а за какие-такие глазки твой этот... Кащей?

— Закхей.

— Ага. Он-то — кому? И за что?

— Он исполнил заповедь Бога, чтобы следовать за Христом. Поверь, это высшая, ни с чем не сравнимая награда. Она значимее всех богатств мира, — как можно проникновеннее сказал Владлен, пытаясь достучаться до Антона. И вновь, как и там, в приюте, его поразила мгновенная перемена в лице собеседника. Бывший только что более или менее добродушным, Бузыкин помрачнел и с нескрываемым раздражением, даже злобой, произнес:

— Давай не будем ля-ля. Если даже и был когда-то подобный идиот, то теперь такого днем с огнем не сыщешь. Дураков нема. Покажи мне хоть одного такого.

— Меня, значит, в расчет не берешь?

— У тебя есть резон: или — или, — двусмысленно заявил Бузыкин и жестко добавил: — Век не поверю, чтобы свое добро человек мог отдать просто так, за здорово живешь. И никакими заповедями, Влад, ты мне голову не заморочишь. Давай-ка к делу. — Понимая, что необходим Владлену, он явно брал инициативу в свои руки: — Какую еще я могу дать гарантию, чтобы ты поверил?

— Гарантию? Да самую безобидную. Черкни расписку, что получил от меня документы для Кадченко, вот и вся недолга. Это же так естественно. И я спокоен, и у тебя не будет соблазна сдать меня. Привезешь ответ, заберешь расписку. Как?

— Нормально, без дураков, — одобрил Бузыкин. У него уже созрел план действий. Главное — убедить не искушенного в интригах художника в своей лояльности — уже сделано: он заручился его доверием. Теперь нужно выманить к нему жену и одним махом покончить с обоими. — А с Ксенией что? Когда и куда ее везти?

— Она сейчас с сыном в укромном месте. Сюда вернется утром. Если у нас все выйдет с Кадченко, сразу и отвезешь их в Одессу. Адрес потом сообщу. Ну что, по рукам?

— Давай, — пожал Антон протянутую ему руку. — Вот увидишь, я тебя не подведу. И с Остапом улажу, и твоих устройю, где скажешь. — Привстав, он засунул бумаги в свою планшетку и заторопился: — Ну, я пошел?

— Погоди. Тебя отвезут в ваше заведение.

— Так ты ж отпустил людей?

— Есть другой человек, — Полуяровский тоже встал, отошел к окну, вынул часы, и в тишину комнаты органично вплелась чудная мелодия. — Машина здесь, а он прибудет через полчаса. Нам с тобой нужна оперативность. Бумаги должны быть у Остапа прямо сейчас.

—*—*—*—

Владлен захлопнул крышку и раздвинул тяжелые шторы на окне. Стоя боком к Бузыкину, он любовался ярким месяцем, зависшим высоко на чистом, без единого облачка небосклоне. Окруженный оранжевым нимбом, тот словно заглядывал в комнату сквозь тюлевую занавеску, и в его отсвете четко обозначился профиль Владлена. Таким он и врезался в память Бузыкина, от одного вида часов мгновенно потерявшего рассудок. Что-то замкнуло в неполноценной голове чекиста, и он уже не отдавал отчета своим дальнейшим действиям. Судорожно глотая слюну, он не отрывал от них замороженного взгляда, и если бы художник в это время обернулся к нему, то сумел бы предупредить трагедию. Слишком много сказали бы ему эти безумные глаза. Но он, напротив, любовно огладив вазу, полностью отвернулся от своего гостя и прислонился лбом к стеклу. Бездумное, непозволительное пренебрежение к опасности. Этого оказалось достаточно, чтобы Бузыкин выхватил из-за пояса наган. Лишь на мгновение что-то похожее на укор совести шевельнулось внутри — он

ведь спас меня тогда, — но тут же и заглохло в еще большем озлоблении: «Спас-то спас, но за человека не посчитал. Побрезговал, что одного поля ягоды. Нет, врешь, ягоды мы разные...» И дважды выстрелил ему в спину. И следом — вверх, в потолок, вроде как предупреждающий. Кто потом разберет, какой выстрел был первый. Владлен вздрогнул всем телом, медленно повернулся и столь же медленно стал падать, увлекая за собой занавеску вместе со шторой; лицо его выражало полное недоумение. Он силился что-то сказать и не мог.

«Зачем тебе!» — только и выдохнул и рухнул на пол.

Прыжком достиг его Бузыкин, склонился на колени и, бросив наган на пол, буквально вырвал из кармашка жилета столь вожаделенные часы. Теперь они стали его собственностью. И так, стоя на коленях, не обращая никакого внимания на убитого, он нежно гладил их трясущимися руками, прикладывая то к одной, то к другой щеке и счастливо смеялся. Он был на вершине блаженства, а потому даже не услышал шума подъехавшей машины. И внезапно раздавшийся за спиной сдавленный вскрик застал его врасплох. Мгновенно скинув часы обратно в жилетку Владлена (сработал инстинкт вора, попавшегося с поличным), он схватил брошенный наган и выстрелил на голос. Один раз, второй... Пока не услышал, как взревела мотором машина и рванула со двора. И тут же — то ли ей вслед, то ли из нее в ответ по стрелявшим, а скорее всего, с

обеих сторон — раздалась беспорядочная стрельба. Потом все стихло. Стихло так же неожиданно, как и началось. Снова выудив часы, Антон метнулся за штору, ловко выдернул из вазы цветы и, воровато оглянувшись, бережно опустил часы внутрь. Потом вернул букет на место. Аккурат в это время во дворе послышались чьи-то быстрые шаги, и Бузыкин с наганом наизготовку забился в угол.

— Антон, не стреляй! — послышался тихий голос Припасенко.

— Гурьян! — буквально вылетел Антон из-за шторы. Радость его была столь очевидной, что не заметить ее было невозможно. — Ну, услужил, дружище. Ты один?

— С группой захвата. Фрол со мной, я его оставил во дворе на подстраховке, а двое преследуют машину на нашей развалюхе.

— Как ты нашел меня?

Гурьян не ответил. Он склонился над художником и, убедившись, что тот мертв, вопросительно поднял глаза:

— Слушай, а как же приказ? Он ведь нужен был живым?

— Сам виноват, — махнул рукой Бузыкин. — Бросился на меня в тот момент, как второй отвлек мое внимание.

— Да-а, дела-а. Тебе же влетит по первое число.

— Если бы я не выстрелил, мне уже было бы все равно, по какое число влетит. Или он, или я.

Снаружи донесся приглушенный говор, и оба насторожились.

— Парни вернулись, — сообразил Гурьян. — Кажется, ни с чем.

— Ты придержи их там. Прежде переговорить бы надо.

— Понимаю. Давай в двух словах: о чем разговор?

— Подтвердишь, что художник кинулся на меня, — не попросил, скомандовал Бузыкин: — Ты мог видеть это. Понял?

— Конечно. А тот, который ушел на машине... Кто он?

— Без понятия. Как только он появился, художник тут же и набросился на меня. Я даже лица не разобрал.

Гурьян облегченно вздохнул. Ему было ясно, что операция с треском провалилась. То, что художник убит, целиком было на совести Бузыкина, но и сам Гурьян с группой опростоволосился: не справились с единственным бандитом, к тому же сидевшим за рулем и не имевшим возможности активно отстреливаться. И ему, в свою очередь, нужно было подтверждение Антона, что в машине бандит был не один. Ну, чтобы выглядело не столь позорно.

— А то, что он был не один, а с подельниками, тоже не разобрал? — вкрадчиво поинтересовался он.

— Не один? — миг сориентировался Бузыкин и довольно улыбнулся: — Да как же не разобрать — разобрал. Все будет в ажуре, Гурьян, не дрейфь. — И не замедлил посочувствовать появившимся в комнате чекистам: — Ну что, братцы, порожняк?

Можно было и не спрашивать: по их постным лицам было видно, что погоня не была удачной. Их было двое: Фрол Сипко, молодой коренастый крепыш, и другой, постарше, Петр Грач. Третий — шофер — остался у машины.

— Ушел, гад, — процедил крепыш.

— Не переживай. В такую темень немудрено упустить, — покровительственно изрек Антон. — Темнота — пособник вора...

— Да разве достать его было на нашей коломбине, — посетовал Грач. — У него мотор с лошадиными силами, а у нас лошадь без сил. Даже не лошадь — старая кляча. Вот и ушел.

— Ушли, Петро, — поправил Гурьян, стиснув его локоть. — Они ушли, а не он. Один-то разве мог бы и рулить, и вести такой шквальный огонь?

— А, ну да, — смешался Петр. — В машине-то не видать, сколько их было. Темень опять же...

— Ничего, далеко не уйдут! — расправил плечи Антон. — Коля Евсюков, начальник местных пинкертонов (и, между прочим, мой давний знакомый) все их норы знает. Только надо предупредить его, чтобы не встречали, пока не позовем. А то, чего доброго, друг друга в темноте перестреляем.

— Уже предупредили. Дежурного.

— Вот и ладно. Поутру возьмем их в помощь и нагрянем прямо на «малину». Без приглашения.

— Мы что, до утра тут будем? — не выразил восторга Фрол.

— Придется. Гость еще один должен тут прибыть. Из ихних же. Жаль, что художника пришлось ликвидировать, а то бы вообще всю цепочку размотали. Но вы же сами видели, — нажал он на слово, — что выбора у меня не было. Когда уж тут было раздумывать? — Антон кивнул на лежавший труп и зачастил: — Давайте-ка, давайте, ребятки, быстренько несите его отсюда. Чтобы гостя не спугнуть.

— Какой тебе гость, забудь, — презрительно хмыкнул Сипко. — После такого шухера они теперь сюда ввек не сунутся. — Он быстро приблизился и взгляделся в труп: — Ба-а, да это же Полуяровский. Художник. Жалко, хороший был мужик. Слушай, он что, убегал, что ты его вдогонку? — продолжал он, не замечая перемены в Бузыкине.

— Ану, отвали отсюда подобру-поздорову! — злобно гаркнул тот. — Ишь, какой жалостливый нашелся.

— Да сам же сказал вынести, — опешил Фрол и только теперь увидел перекошенное злобой лицо Антона: — Ты чего это, ты чего? — испуганно забормотал он и поспешно ретировался к дверям.

— Того! — чуть смягчил тон Бузыкин. — Врага жалеешь?

— Да Фрол же еще не в курсе дела, — вступился за крепыша Гурьян. — Откуда ему знать, кем этот субчик был на самом деле.

— Вот и шел бы в сестры милосердия, а не в чека, — уже совсем мирно резюмировал Бузыкин. — А то «жа-

алко, харо-оший». Знал — не знал: все враги хорошие, когда спят. А лучше, чтобы как этот...

— Это ты прав, это так, — подобострастно закивали все трое. Бузыкина опасались все, и исключений тут не было. Горазд мужик на стукоток: не успеешь оглянуться, как сам врагом окажешься.

— Ладно, тащите его в машину, — великодушно разрешил он и скомандовал: — Отвезете в контору на опознание, и сразу же назад. Теперь так: на обратном пути еще раз свяжитесь для верности с местными, чтобы у нас с ними перепалки не вышло.

— А ничего и так не выйдет, — пожал плечами Петр. — Я ж сказал, у них там один только дежурный и был на месте. Остальные, мол, на задании. — И добродушно ухмыльнулся: — Знаем мы эти задания: у жинки под боком.

— Да шут с ними, — махнул рукой Антон. — Их всего-то тут кот наплакал. Нам главное, чтобы Евсюков был: он один целой группы стоит. Ну, а как вернетесь, вместе с Гурьяном будете осуществлять наружку: он у входа, вы двое в саду, чтобы в окно все видно было. Шофер пусть машину подальше поставит и будет наготове на случай погони. И запомните: без сигнала не вступать. А теперь подняли жмура — и вперед!

И оба незадачливых чекиста поспешили выполнить приказ. Негромко препираясь друг с другом, они с помощью шофера погрузили труп в «коробочку».

— Жаль, что упустили бандюг, — вздохнул Гурьян, подождав, когда они отъедут. — Теперь нашему Зяме полный каюк. Это его наводка. Остап расколол еврея.

Глаза Бузыкина округлились.

— Ты что... — задохнулся он, — сообщил Остапу? Я же сказал: пока никому...

— А ты уверен, что все у тебя так же ладно обошлось бы, если бы мы не успели? — огрызнулся Гурьян. — Мы ведь, и правда, целую кодлу у самого поворота к дому сшугнули. Ну, и где бы мы искали потом тебя? Вернее, что осталось бы от тебя?

— Да это ж явно другая кодла. Не эти ... Мало ли их тут бродит.

— Эти, не эти... чего теперь гадать, когда поезд ушел. А Зяме какая разница, кто его замочит. Ему главное — время выиграть, чтобы выкрутиться. И этот колобок выкрутится, поверь мне. — Зажав нос двумя пальцами, Гурьян прогнусавил: — «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел...» — О том, что тот сам обратился к Остапу, он умолчал.

— Ладно, ладно, — рассеянно обронил Бузыкин и смолк. Все мысли его были о Зяме. Остапу ведь ничего не стоит вызнаться у него и про наган. Как узнал об этом и Полуяровский. От кого, как не от Зямы, прознал художник о подмене. Успел уже еврей проболтаться. Нет, зря он не убрал его сразу же после операции с Нагнибедой, ох, как зря. Хотя... наган вовсе и не улика. Мало ли для чего чекисту требуется оружие.

А может быть, Антон «пасет» эту банду торговцев оружием, чтобы взять их с поличным в более крупном масштабе? Да и не так уж страшен ему теперь Кадченко, коли у него есть такие бумаги от антиквара. Чуть что, можно прижать ими и Остапа, и не только его. Такая последовательность мысли успокоила, и он немного расслабился. Гурьян же, расценив его молчание, как некую угрозу, обеспокоился:

— Что дальше-то, Антон? Кого нам ждать тут?

— Ксению. Где-то к утру. Владлен сказал, что она придет обязательно, — не подумав, проговорился Бузыкин.

— Владлен? Сам сказал? — поежился Гурьян. Теперь исчезли, если и были, последние сомнения в том, что Антон подло застрелил беззащитного художника. Раз тот сообщил Бузыкину о жене, значит, доверился ему. Потому и не боялся стоять к нему спиной. Вот и получил предательскую пулю. Фрол, в отличие от Гурьяна, сразу понял это, и ответная злобная реакция Бузыкина на его предположение только убеждала в верности оного. А если так, значит, и Ксению ждала та же участь. Но Гурьяну вовсе не хотелось стать свидетелем допроса женщины, да если она еще будет с дитем. После той беспричинной расправы с собакой и теперь с Полуяровским он ясно представлял себе, что ждет человека, попавшего в лапы его «шефа». Все же постарался спросить, как можно равнодушнее: — Одна будет? Или как?

Но Бузыкин словно читал его мысли:

— Одна, не одна: нам это без значения. Ты, Гурьян, последнее время стал много думать. А этого делать не надо, — тяжело выговорил он. — Делай, что тебе велят, а не ищи во всем какой-то смысл. И будешь цел. Наша задача задержать и сдать ее Остапу. А уж как там дальше будет — это куда кривая вывезет.

— Так ты ее не тронешь?

— Не трону. Она нужна начальству, вот и пусть борются с ней. Или с ее Богом, им виднее. Мне это не надо. И художник, если бы не набросился на меня, тоже бы жил. Я ведь для острастки сначала вверх пальнул: вон, видишь отметину в потолке, а он — к окну. Ну, я по инерции и... сам знаешь. Смотри, ты пообещал.

— Все так и будет, — поспешил успокоить его Припасенко.

— Вот и ладно. Ребят, как приедут, распределишь по двору. Им без моей команды себя не оказывать и ничего не предпринимать. А сам будешь со мной ждать мадаму в доме. Встретим Ксению вместе: это чтобы разговоров потом лишних не было.

—*—*—*

Тустой предутренний туман медленной ползучей лавиной накатил на землю, объял все ее уголки и разостлался, завис сизыми клубами над селом, сокрыв от глаза и чахлые деревенские постройки, и богатые особняки с садами. Такие, как вот этот, Полу-

яровского. Тем неожиданнее было появление у ворот фигурки девушки, легким облачком выпорхнувшей из той седой дымки. В едва занимающейся рассветной тиши легкая, бесшумная поступь ее указывала на то, что ей тут знаком каждый кустик. Ксения (а это была она) уверенно отыскала щеколду калитки и огляделась по сторонам. Не заметив ничего подозрительного, прошла в ворота и поднялась на крыльцо так тихо, что ни дозорные в саду, ни тем более Антон с Гурьяном, не слышали ее шагов. И даже когда она появилась в прихожей, мирно дремавший там на стуле Припасенко не подал никаких признаков тревоги. Из гостиной сюда проникал неверный свет от стоявшей на столе лампы, «семилинейки». Ксения внимательно рассмотрела чекиста и, похоже, осталась довольна его крестьянским видом. Во сне он явно витал в облаках, так как лицо его расплылось в блаженной улыбке. Она осторожно коснулась его плеча. Гурьян чуть приоткрыл глаза и, то ли не в силах оторваться от приятного сна, то ли пытаясь уяснить, кто стоит перед ним, завороченно смотрел на нее; при этом на лице его отразилась буря эмоций. Он находился в явном удивлении.

— Вы — Антон Бузыкин? — шепотом спросила Ксения. Она почему-то подумала, что он охраняет ее мужа. — Я жена Владлена.

— Я знаю, — также шепотом ответил Гурьян. Теперь удивление переросло в недоумение, граничащее с благоговейным трепетом: это она только что помогла ему во

сне выбраться со дна какого-то глубокого и затхлого не то окопа, не то буерака, где он, беспомощный, барахтался в вязкой трясине. Он уже совсем было задохнулся, когда увидел чью-то руку и, ухватившись за нее, одним рывком очутился на залитом ярким светом лугу. От обилия цветов, от буйства их красок и от дивной мелодии, которую напевала эта девушка, у него закружилась голова: вмиг вспомнились незабвенные дни его босоногого детства. На таком же вот лугу днями напролет гонялся он с деревенскими пацанами за бабочками. Изредка это нарушалось зазывным кличем чьей-нибудь мамы. Э-эх, кому-то не повезло: пора домой. Все это, даже вот это нежелание идти домой, отчетливо чувствовалось им во сне. Но более всего он не сводил глаз со своей спасительницы: она стояла рядом и уже не пела, а просто рукой указывала куда-то вдаль, в пространство, и проникновенно говорила: «Пришло твое время, Гурьян. Смотри, смотри на это творение Божье, на эту красоту мира и запоминай: только в Боге может успокоиться душа твоя. Только с Ним исполнятся все твои надежды. И теперь, когда ты это увидел, разве вернешься в то затхлое болото? Зачем? Ведь пришло твое время. Твое, Гурьян!» Она стала медленно отдаляться от него, но он все еще слышал ее голос и различал слова; и, ошалевший от восторга нахлынувшей памяти и неожиданного извращения из затхлой трясины, побежал за ней.

«Не уходи!» — силился он прокричать ей вслед... и не мог.

И вот сон прерван, а она... она здесь. Так сон это или явь? И против воли бормочет он в смущении: — Да не может того быть!

— О чем вы? — еще раз тронула она его руку.

Ах, как хотелось рассказать ей обо всем только что пережитом, но он не ответил. Не смог ответить. Явь властно и жестко вторглась в сознание, вытеснив радужные иллюзии, и напомнила ему о долге чекиста. В отличие от сна реальность была настолько ужасной, что внутри у него похолодело. Похолодело, но не остудило появившееся во сне благодарное чувство к ней. Как-то сразу стал ему мил ее образ: совсем юная, в подвязанном по-деревенски платочке, она походила на его младшую сестренку Дуняшу, в которой он просто души не чаял и которая осталась единственным живым существом из всей многочисленной их семьи. И Гурьян очень отчетливо понял, что будет защищать ее, чего бы это ему ни стоило. Он воровато оглянулся и, убедившись, что Антон пока не заметил ее появления, кивнул ей головой на двери.

— Уходить вам надо, — сказал вполголоса.

— Почему? Владлен еще спит? Так это ничего.

— Уходите быстрее, — умоляюще приложил он руки к груди.

— Но почему? — она так простодушно смотрела на него, что стало ясно: не уйдет. Видимо, она еще не чувствовала опасности. Или не боялась ее? Что же делать?

Но делать ничего не пришлось, так как в этот момент в проеме двери выросла фигура Бузыкина. Ксению он узнал сразу и в то же время был уверен, что она не узнает его. Вряд ли она успела обратить там, в Благмоне, на него хоть какое-то внимание, поскольку буквально летела навстречу своему брату.

Сообразив, что она только что вошла, он негромко, но с пафосом воскликнул:

— Ксения, ну наконец-то! А мы уже заждались. Что ж ты гостя в прихожей держишь? — с укором выговаривал он Гурьяну и, упреждая вопросы, поспешил с разъяснением: — Хотя времени у нас, и правда, в обрез. Владлен у Кадченко, а тебе велел передать, чтобы сразу же привезла сюда сына. Мне поручено сопровождать тебя. А как только он вернется, поедем в Одессу. Так что, давай быстро едем за дитем.

Все это он выпалил на одном дыхании, словно заученную речь, не особо наблюдая за состоянием гостыи. Между тем она, едва завидев его, невольно попятилась к двери. На лице ее отразился неопиcуемый ужас, и страшное предчувствие стеснило грудь.

— Кто вы? — спросила одними губами.

— Антон Бузыкин, — ступил он к ней и взял за локоть. — Не бойся. Мы, можно сказать, друзья с твоим Владом.

— Можно сказать, — дрожащим эхом откликнулась она и, сделав над собой усилие, уже более спокойно: — Где Владлен?

— Скоро должен быть. Наши люди проводили его к Остапу. Между прочим, по его личной просьбе, и ты должна об этом знать.

— Я знаю.

— Что же тогда тебя так пугает?

— Я не знала, что Бузыкин — это вы.

— А если бы знала, то что? — смерил он ее колючим взглядом.

— Отговорила бы встретиться с вами, — твердо сказала она. — Это его ошибка.

В пронзительном взгляде ее синих бездонных глаз читалась затаенная тревога; и в то же время этот взгляд заставлял его отводить свои глаза. Антон почувствовал, что она способна разглядеть в них фальшь, и это вывело его из равновесия:

— Ошибка? Во мне? Да я... — Голос у Бузыкина все еще ровный, но Гурьян уже почувствовал в нем раздражение и, чтобы как-то не дать ему сорваться, нарочито громко кашлянул.

Антон, недовольно зыркнув глазами в его сторону, вовремя спохватился и загасил готовую вырваться наружу брань:

— Я не буду разубеждать тебя, Ксюша, — продолжил уже более мягко. — Думай, что хочешь, но у Влада на мой счет было другое мнение. Повторюсь: мы были с ним, как друзья.

— Были? — она подалась вперед. — Вы сказали: были?

— Не приставай к словам, — недовольно поморщился

Антон, все также избегая смотреть на нее. — Простая оговорка. Я ведь не такой краснбай, как некоторые из ваших знакомых господ. Кстати, Влад, в отличие от них, не обращал внимания на мою речь. Да, были, как друзья; тут я имею в виду тот случай, который свел нас в монастыре. Надеюсь, что и остались ими. Во всяком случае мы зависим друг от друга, а это кое-что да значит в нашем деле. И тебе это известно.

Ксения молча кивнула.

— Вот видишь, — чуть расслабился Бузыкин. — Теперь я нужен и тебе. Без меня вы не выберетесь отсюда, а значит, будем дружить.

— Вы путаете нужность с зависимостью, — жестко сказала она. — Зависимость, в чем бы она ни выражалась, не есть дружба, наоборот: с нею стараются быстрее покончить. Поэтому еще раз спрашиваю: где Владлен? — Это был вызов: ни в голосе, ни во взгляде ее уже не было страха, а это уже неподчинение. И чекист решил «поставить ее на место».

— Если здесь кто-то и может спрашивать, так это я, — сквозь зубы процедил он. — Я объяснил ситуацию, и пытаюсь говорить с тобой на равных, а ты вынуждаешь меня оправдываться в том, чего я не делал.

— Я ведь еще никого ни в чем не обвинила.

— Но подозреваешь, да? Так вот, повторяю: Владлен скоро вернется и вряд ли будет доволен, что мы, вместо того чтобы выполнять его просьбу, рассусоливаем тут попусту. — Бузыкин еле сдерживался, чтобы

не заорать: — Пойми, нам нельзя терять ни минуты. Где твой сын? Далеко ехать за ним?

Обычный этот вопрос произвел на Ксению неожиданное действие. Вздрогнув, она пристально и немного затравленно взгляделась в Бузыкина, стараясь уловить его истинное намерение. Первоначальное предчувствие усилилось.

— Бог мой, — чуть слышно прошептала она и, скрепив руки на груди, стала раскачиваться из стороны в сторону. — Спаси и помоги, Господи!

Он принял это движение за отрицание.

— Что, недалеко? Где-то рядом? Где?

— Зачем он вам, — жалобно простонала она. — Скажите, что с Владленом? Ведь он же отдал все, что у него было. Не убивайте его.

— Вот дура баба, — невольно содрогнулся и Бузыкин. — Никто не собирается его убивать. Чего это тебе взбренилось?

— Влад никогда бы не приказал привезти сюда сына без него. Скажите, он еще жив? Если жив, то я буду молиться о вас Богу.

Желваки скул Антона вздулись буграми, а сам он так и впился в нее сузившимися до щелок злыми глазками.

— Богу? Обо мне? Чтобы что? — в голосе вкрадчивая угроза.

— Чтобы Он простил вас.

— А можно узнать, за что? — Бузыкин буквально сатанел на глазах и грозным окриком остановил двинув-

шегося было к нему с увещеваниями Гурьяна: — Стой там! И не лезь, куда тебя не просят! А еще лучше — выйди да проверь посты. — И снова тихо, чуть ли не шепотом, к Ксении: — Ну, так за что меня надо прощать?

— Как и любого другого, — за грехи. Вы очень несчастны...

— О-ба-на! Это еще почему же?

— Потому что не знаете Божьей любви.

— Тю-ю, любви, — теперь он, наоборот, выпучил глаза от искреннего удивления и даже несколько обмяк: — Не знаю и знать не хочу! Как-нибудь проживу и без нее. Так что не трать время попусту! Молись за кого другого, а у меня все в порядке.

— Я уже давно молюсь, чтобы Он помиловал вас. Я видела, как вы расправлялись с насельницами монастыря. И если не покаетесь перед Богом, вам не сдобровать. Так поступать может только...

— Гурьян! — заорал Бузыкин, заглушая ее, и вмиг стал похож на взбеленившегося быка с налитыми кровью глазами. — Я кому сказал — проверить посты? — И, видя его нерасторопность, буквально вытолкнул соратника за двери: — Сюда не заходить, пока не позову.

Плотно прикрыв дверь, он присел на стул против Ксении, медленно скручивая в плотное кольцо отстегнутый от подсумка ремешок портупей.

— Ну-ну, продолжай теперь. Где видела, когда?

Ксения сама ускорила трагическую развязку:

— Вы это знаете лучше меня. В храме Благодона.

— Ну и что? — как можно равнодушнее пожал он плечами.

— Если бы я знала, что вы тот человек, которого ищет Влад, все было бы по-иному. А теперь, кажется, поздно. Зачем он вас выручил тогда? Только для того, чтобы вы... Вы убили его?

— Вздор! Он жив, и тебе не о чем беспокоиться, — с неожиданной доверительностью в голосе проронил Бузыкин. Потом, как бы уступая ей, вздохнул: — Ладно, будь по-твоему: будем ждать Владлена. Только сама же и будешь отвечать перед ним.

Этим он, кажется, немного успокоил Ксению.

— Отвечу, не сомневайтесь. Это правда, что он жив? — капелька надежды блеснула в ее умоляющем взгляде. Но она никак не могла встретиться с ним глазами, чтобы убедиться в верности его слов.

— А какой мне резон врать? Вот сам придет, у него и узнаешь: правда или нет. И ответишь, если надо будет, — вполне дружелюбно улыбнулся Антон.

Нет, все же какие-никакие, а навыки актерского ремесла он освоил неплохо. Хотя его неожиданная покладистость объяснялась просто: он круто поменял план действий. На кой ляд ему нужен ее сын? В конце концов выживет теперь ее ребенок или нет, ему совершенно без разницы. Никаких обязательств по этому поводу он не брал, к чему тогда эта пустая трата времени?

Надо быстрее кончать с дамой, пока ее разоблачения не услышали другие чекисты.

— Ты вроде хотела помолиться, — не спросил, утвердил он. — Что ж, валяй, молись, а я послушаю. При мне, а тем более обо мне, на это еще никто не осмеливался. Это должно быть интересно.

Ксения догадалась о его намерении и, обуреваемая противоречивыми чувствами, опустила на колени.

— Господи, на все Твоя воля, — прошептала она, смиренно сложив руки. — Прости этого несчастного, ибо не знает, что творит.

Бузыкин, склонившись к ней, расслышал последние слова.

— Ну, это ты зря: я-то как раз знаю, что творю. — Он ловко накинул ей ремешок удавкой на шею.

— Тут тебе и Бог, и Владлен. Не надо было меня узнавать. А уж тем более за меня молиться, — бормотал он, с силой затягивая удавку.

—*—*—*

В последний момент, уже очутившись на крыльце, Припасенко увидел, как Антон отстегивает узкий ремешок портупеи; дверь тут же захлопнулась, и он медленно осел на крыльцо, ощутив привычную дрожь и слабость в ногах — признак трусости и безволия. Это состояние с недавнего времени проявлялось независимо от него: мгновенно охватывало все тело,

парализовывало волю, стоило лишь ему столкнуться с опасностью. Увы, эти симптомы малодушия особенно участились после того случая с двойным убийством в камере и уже стали неотъемлемой частью его жизни.

В такие минуты он презирал себя. Вот и сейчас он почувствовал свою никчемность и беспомощность, но обычное в подобных случаях самооправдание: «А что я могу поделывать?» — на этот раз не принесло утешения, не успокоило душу. На какие-то доли секунды память вновь выхватила лицо Ксении, и в сознании рефреном зазвучали ее проникновенные прощальные слова: «Пришло твое время, Гурьян... Пришло...» И новая волна благодарности и благоговения заполонила душу.

«Пришло! — еще неосмысленным эхом откликнулся он сам в себе и повторил еще раз: — Пришло! — И еще повторил. Пока не вскочил на ноги, как ужаленный: — Да ведь он там убивает ее!»

— Не тро-онь! — заорал и с невесть откуда взявшейся силой вышиб ногой двери. С той же силой отшвырнул от Ксении не успевшего распрямиться Бузыкина и, не обращая больше на него внимания, склонился над ней, прощупывая пульс.

— Не трудись, Гуря, — криво усмехнулся Бузыкин, потирая ушибленное плечо. — Она уже не здесь.

Гурьян поднял глаза — и «шеф» невольно отшатнулся: впервые он испугался своего подопечного. Ему показалось, что еще миг, и тот кинется на него — столько ненависти было в этом взгляде.

— Но-но, без шухера, — попятился он, торопливо хватаясь за кобуру. — Уймись, Гурьян, не шуткуй. — И хотя тот оставался на месте, взвизгнул тонко: — Не подходи, убью!

— Ты сказал, что не тронешь ее, — медленно приподнялся Гурьян и также потянулся к кобуре.

Неминуемую трагическую развязку предотвратили вбежавшие Петр и Фрол, вторично выбившие двери, да так, что они чуть не слетели с петель и даже (по-видимому, от ворвавшегося сквозняка) состукала оконная створка в комнате. Чекисты быстро скрутили Припасенко и оттащили его к дверям.

— Ты че, браток, ошалел? — шепнул Грач, но потом, разглядев распростертое на полу тело женщины, закусил губу.

— Кто это? — недоуменно взглянул он на Бузыкина.

— А вы там что — спали? — рявкнул тот вместо ответа. — Еще миг, и он мне бы шею свернул.

— Но ты же сам велел не вмешиваться. Да и не видели мы, когда она прошмыгнула.

— Я о том и говорю. Работнички.

— Так явно же не мимо нас. Ну, так кто ж она?

— А ты вон у него спроси, — злобно кивнул Антон на Гурьяна.

— Ты сказал, что не тронешь ее, — глухо повторил тот, не сводя с Антона взгляда, полного ненависти, — а я, как последний идиот, размазня, тебе поверил. Живодер! — Он

неожиданно всхлипнул и заплакал: — Пустите меня, хлопцы. Тошно мне. Негодный я нынче.

Озадаченные парни, переглянувшись, усадили его на стул, а сами остались стоять подле, неловко переминаясь с ноги на ногу. Вид плачущего соратника обескураживал: это вовсе не вязалось с его характером. Ведь они знали его еще по фронту. Лица обоих помрачнели.

— И за что ты ее? — угрюмо проронил Фрол в пустоту. — Тоже напала на тебя, как и тот художник?

Последняя фраза прозвучала неприкрытой издевкой.

Бузыкин нервно переводил взгляд с одного на другого. В том, что они не на его стороне, не было сомнения. Надо было срочно спасать ситуацию. Остап пусть выкручивается сам за свой приказ. Потирая плечо и кривясь, якобы от сильной боли, он подошел к ним.

— Ша, мужики. Был приказ ее убрать, — доверительно понизил он голос. — Это секретное задание Остапа и людей повыше его. Я не должен был выдавать это вам, но обстоятельства вынуждают. Да вы же в курсе, что началась борьба с нэпманами и их пособниками — как врагами революции. Правда, пока негласно.

— Ты врешь, — вскинулся Гурьян, но друзья удержали его. — Не было такого в приказе. Ты мне сам его показывал.

— Письменного — да, не было. Но есть устный, и он важнее письменного, потому что дается на высоком доверии к нам. Скажу больше: о ней вообще никто ничего не должен знать! Почему? Потому что эти богомольцы

опаснее самого ярого врага, и выжигать их велено каленым железом! Они уже развращают наши ряды. Меня об этом предупредили, предупреждаю вас и я. Все это сможете проверить сразу же по прибытии в управу, а там уж соглашайтесь или спорьте — дело ваше. Но мой совет: будете держать язык за зубами — будет вам почет и награда. А кто будет ля-ля, тому я не завидую. Еще вопросы есть? — уже построже и погромче спросил он, и с удовлетворением отметил, что его пламенная речь достигла цели: чекисты стушевались и старались не смотреть друг на друга. Чтобы закрепить успех, он наклонился к Гурьяну:

— Все слышал? Теперь слушай сюда: что ты мне плечо за бабу вывернул — прощаю, но за «живодера» ответишь. Чуешь-нет? А то разрыдался тут, как кисейная барышня. Концерт камерный устроил, понимаешь ли.

Гурьян ничего не ответил. Отрешенно уставившись в одну точку, он уже не плакал, а только как-то по-детски вздрагивал. Все, что здесь говорилось, доносилось к нему откуда-то издалека.

— Да он же не в себе, товарищ Бузыкин, — заступился Фрол за него и легонько похлопал его по щеке. — Ну, Гуря, что?

Но тот явно не слышал, о чем его спрашивают.

— Сломался мужик, — отвернувшись, тихо обронил Фрол.

— Нервы у него, — так же тихо поддакнул Грач. — Не-

мудрено после такого-то ранения. Я слышал, увольняют его по здоровью.

— Точно? — насторожился Антон. — Почему же я об этом ничего не знаю? Ну, так это меняет дело. — И перешел на примирительный тон: — Да будет тебе, Гуря. Какие у нас с тобой могут быть ответы друг перед другом. Я это с обиды так сказал. Погорячился малость. Но и ты хорош: не разобрался, а кидаешься с кулаками. Чуть вон напрочь не зашиб, — опять потер он для наглядности плечо и присел прямо перед Гурьяном, заглядывая ему в глаза: — Ты слышишь-нет, что говорю? Она, если хочешь знать, сама меня попросила, как только догадалась, что ее муж уже «сыграл в ящик». Ей, мол, без него жизни нету. Ну, я и уважил. Характер мягкий.

«Уважил, — словно сомнамбула, повторил про себя Гурьян. — Скажи еще, что из любви ее задушил. Двухлицник. Все двухлицники. Все кругом ложь и двухличие. — На ум вдруг пришло слово, которое настойчиво просилось на язык. — Болото! Гнилое, вонючее болото. А она вытащила меня из него и не хотела, чтобы я возвращался туда. И я не вернусь, что бы со мной теперь ни сделали. Спасибо тебе, Ксения, за мудрость твою. За то, что открыла глаза мои»

— Теперь одному из вас надо ее куда-то схватить. Отвезти подальше и зарыть поглубже: так, чтобы и следа от нее не осталось, — донеслось до него напутствие Бузыкина чекистам. — Остальные со мной. Надо взять блатарей тепленькими, пока «малину» не сменили.

«Да ведь они все боятся ее! — встrepенулся Гурьян. — Даже мертвую! Почему? — И сам себе ответил: — Потому что она у Бога! Потому что с ней Бог!» — Необъяснимая радость открытия волной захлестнула все его существо: он нашел смысл жизни! Он ожил!

— Как же я это раньше не понял? — невольно вырвалось у него уже вслух. Воодушевление, с каким он это воскликнул привело чекистов в недоумение. Они переглянулись: такая резкая перемена в настроении товарища только подтверждала их подозрения о его душевном состоянии. Антон же хитро подмигнул обоим, недвусмысленно крутнул пальцами у виска и спросил вкрадчиво:

— Чего не понял, Гуря? Не пояснишь?

— Что так должно было случиться. Теперь мне это ясно. Ты сказал, чтобы о ней ни слуху ни духу?

— Ну да. Видишь, уже начал соображать. А то — «живоде-ер».

— Прости, Антон. И доверь это мне. На дело я сейчас не гожусь, а похоронить похороню. Сделаю так, что никто никогда не найдет. Дайте только машину, братцы.

— Само собой, — прищурился Антон. — А справишься один?

— Не впервой хоронить, дело привычное, — заверил Гурьян. Тут он увидел выглядывавший из-под плеча Ксении кончик ремешка портупеи, шагнул, наступил на него ногой и присел на корточки.

— Надо посмотреть, есть ли у нее какие документы.

— Проверено. Нет у ней ничего, но ты поищи, —

одобрил Антон и брезгливо отвернулся. То же самое проделали и Фрол с Петром.

Сделав вид, что обыскивает, Гурьян быстро сунул в карман ремешок Бузыкина с выжженными на внутренней стороне инициалами «А.Б.» и выпрямился:

— Ты прав. Ничего нету.

— Ну, а я тебе о чем?

— Все-таки жаль, что так вышло. Прости.

— Да ладно, квиты. После драки кулаками не машут.

— Тогда я поехал?

— Может быть, шофера с собой возьмешь? Надежнее будет.

— Обойдусь. Да и вам лишний человек нужнее.

— Вот так бы и давно, — не скрывал радости Бузыкин (ведь этим он еще больше привяжет бунтовщика к себе). — Отошел, значит? Ну, тогда тебе и карты в руки. Мужики, вы как, не против? Тогда пусть везет быстрее, куда ему заблагорассудится. Где этот ваш водила? В машине? А я думал, он в камышах отсиживается, — продолжал он балагурить. — Давайте его сюда. А ты, Гуря, смотри: чтобы все шито-крыто.

— Сказал же: комар носа не подточит.

— Мы-то сами как? — озаботился Грач.

— А что мы? Теперь идем поднимать местных горе-охранителей на борьбу за рабочее дело. Заодно накрутим им хвоста, — хохотнул Антон. — А то в селе пальба стоит, как на войне, и ни одного защитника. Как суслики, по норам попрятались.

— Щас по светлу-то выползут, — ухмыльнулся Грач.

— По светлу-то оно веселее воевать, — весело поддержал Фрол. — Ну, давай, Гуря, увидимся в управе.

Не увиделись они более. Забегая вперед, скажем, что полегли в бою с бандитами Фрол с Петром в этот же день. Не помогла даже помощь местных милиционеров, поскольку нарвались они на хорошо подготовленную засаду. Бузыкин же, зачинатель этой затеи, участия в облаве не принял. Дальше будет понятно, почему.

—*—*—*—

А пока что первые лучи солнца уже подрумянили края белоснежных облаков, и Гурьян выехал со своим в одночасье ставшим ему драгоценным грузом за ворота. Светлой печалью наполнилось его сердце: да, он не защитил ее, но хотя бы похоронит по-христиански на погосте Благмона, и это увидит Бог. Увидит и, может быть, простит все его прегрешения. И отчего-то с каждой минутой все больше верилось, что простит, потому что на душе было так легко и покойно, как не было ни разу за все последние годы. А главное, было чувство, будто везет он Ксению не в последний путь, а вперед, к его новому началу.

Это чувство крепло, перерастая в уверенность и даже некое нетерпеливое беспокойство души. И то ли ему прислышалось, то ли столь огромно было это его желание, но сквозь гул мотора донесся до него жалобный стон. Резко притормозив, он кинулся к лежавшей между

кресел Ксении, встал на колени и, не сводя с нее глаз, затаил дыхание в надежде на чудо. И оно произошло, это чудо: небесной музыкой отозвался повторный тихий стон Ксении в сердце Гурьяна. Она не открыла глаз и даже не пошевелилась, но она была жива! В этом уже не могло быть сомнений. Только надо поддержать в ней эту жизнь. Скинув тужурку, он подложил ей под голову и попробовал напоить водой из фляжки. Она сделала глоток, но тут же гримаса боли искривила ее лицо. Гурьян понял, что она не может глотать, и ликование сменилось отчаянием: что делать? И неожиданно для самого себя, он впервые в жизни неуклюже, но без всякой подсказки, возопил к Богу, сложив руки на груди и моля Его о помощи: «Милостивый Бог, спаси ее. Ты ведь не дал тому злыдню загубить ее сразу, так неужели не спасешь теперь, когда она уже только в Твоих руках? Спаси ее, чтобы видеть мне силу Твою. Помогни мне, Господи, потому что хочу жить с Тобой и служить Тебе! Это она мне открыла славу Твою». Слова рождались сами собой, он шептал их, подняв голову к небу, и вдруг почувствовал, как все его существо обволакивает необычайным умилением. Такое чувство он испытывал только в раннем детстве, когда после пьяных отцовых угроз, а то и побоев мама брала его на руки и прижимала к груди. Тогда постепенно забывались боль и страх и откуда-то нисходил блаженный покой и умиротворение. И вот теперь будто подняли его от земли чьи-то руки, укутали таким же необыкновенно ласковым теплом и

вдохнули тот благостный покой. Глотая слезы умиления, он проникся неземным чувством благодарности Богу, поскольку обрел уверенность, что слова его не растворились в пустоте небес, а дошли к Нему. К Богу, Который услышал его, а значит, все теперь в Его руках и Гурьяну больше не о чем беспокоиться. Он принял это безоговорочно, будто оно только так и должно было быть. И лишь по прошествии времени, когда впервые услышал слова Христа из Нагорной проповеди, пришел ему черед удивиться, каким образом он смог тогда это понять. Вывод был только один: Сам Господь Бог открылся ему в этот значимый момент его жизни. Потом эти стихи пройдут путеводной нитью сквозь все его оставшиеся годы.

«Ищите же прежде Царства Божьего и правды Его, и это все приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы».

И будто кто-то невидимый подтолкнул его, и уже совсем явственно услышал он повеление: «Торопись!»

— Да, да, — автоматически ответил он и бросился к рулю. Потом в удивлении огляделся: никого. Но голос ведь был?! И теперь уже благоговейный страх на мгновение объял его; это было, как озарение: «Бог все слышит и видит».

«Я понял!» — беззвучно прошептал Гурьян и, круто развернув машину (нужда в похоронах отпала), споро, но со всей осторожностью минуя редкие дорожные

колдобины, погнал «коробочку» по проселкам в деревню, где проживала его сестренка Дуняша. Примерно в семидесяти верстах от Благмона.

На его счастье, она оказалась дома. Ну, а о счастье самой Дуни и говорить нечего — радости у нее было просто через край. И то сказать: совсем уж было запропастился брат единственный, а тут неожиданно-негаданно взял да и заявился. Гурька! Живой! Кое-как оторвал он ее от себя и как можно доходчивее пояснил, что прибыл не один. Что нужно быть осторожным и суметь избежать нежелательного постороннего глаза. Правда, предосторожность эта была излишней. Деревня и так-то казалась безлюдной, а уж увидев машину с энкавэдэшником, позахлопнули ставни и те сельчане, что были дома. Даже вездесущих ребятишек — и тех с улицы как ветром сдуло. Что, впрочем, вполне объяснимо: если когда и появлялись в деревне люди в погонах, то отнюдь не с добрыми вестями. Забрать кого-нибудь в каталажку — это да. Это привычно. Потому и таились все в страшном ожидании: за кем черед? А то, что это свой, Гурьян Припасенко, так кто ж его знает, каков он стал за долгие-то годы. Да и кто узнал бы его с перепугу великого? И после его скорого отъезда долго еще не подходил никто к дому Дуняши: мало ли что там произошло, а береженого Бог бережет. Только уж когда сама во дворе показалась, так и потянулись бабы за новостями. И уже наутро по всему околотку суд-пересуд, что привез, мол, Гурьян

домой хворую жену, без голоса, без памяти, без движения. Но красивая, и не из деревенских. Помирать, видать, привез, раз в городе места для кладбища нету. Сказывают, что в городах-то мертвых теперь не хоронят, сжигают, а он же какой-никакой, а от земли мужик — не захотел по ихнему обычаю. И правильно, что не захотел: человек должен в земле лежать, а не в печах железных гореть. Гореть-то, мол, нам еще в аду придется. Не всем, конечно, но есть, кому... Тут бабы многозначительно поджимали губы, и все понимали без слов, о ком идет речь. О тех самых супостатах, что по наветам, а то и вовсе без причины забирают мужиков, и редко кто из них возвращается в дом свой. Похоже, в разряд супостатов был зачислен и Гурьян: дескать, привез жену и бросил на сестру. Пусть, мол, хоронит. Но, к их удивлению, он вернулся через два дня. Дуня, придя с работы, застала его стоящим на коленях у койки с Ксенией. Когда же он поднял глаза, увидела в них столько тоскующей печали и неизъяснимой нежности, что невольно с жалостью прильнула к нему и стала гладить по голове, как маленького ребенка.

— Знаешь, если бы я не повез хоронить ее, то хоронила бы ты меня, — тихо промолвил он, не вставая с колен. — В тот день, Дуня, перестреляли всех моих друзей, а я должен был быть среди них. В засаду они попали. Выходит, она меня не только из духовного болота вытащила; она мне и земную жизнь спасла. Еще и поэтому, как я уже тебе сказал, буду ухаживать за

ней. Пока не выживет, буду. А она-таки выживет, раз Бог дал мне такое знамение. И пусть это продлится до самой моей смерти — от слова своего не отступлюсь.

— Ну-ну, что ты о смерти-то заладил? — с укором шепнула Дуня и помогла ему подняться: — Ты лучше подумай, как ты собираешься ухаживать за ней, когда служба у тебя такая?

— Нет больше службы, — качнул он головой. — Комиссовали меня, Дуняша. И тут и радость, и беда. Радость, что буду теперь с тобой и Ксенией. А беда в том, что недолго протяну. Сам доктор меня по знакомству просветил. Я его когда-то от пули уберег, вот он мне и признался, чтобы я не шибко на жизнь-то замахивался. А то, мол, вздумаешь вдруг жениться да еще и дите родить. А зачем ребенку заведомой сиротой на свет являться да горе лаптем хлебать? В общем, спасибо ему за откровенность. Прав он. Поэтому у меня к тебе просьба.

— Какая, Гуря, говори. Сделаю все, что скажешь. Сам знаешь.

— Знаю, сестренка. Оттого и спокоен. Хочу, чтобы ты за ней продолжала ухаживать и после меня. Когда-то она все одно выздоровеет. Не может Бог сначала спасти, а потом в беде оставить.

— Не может, — эхом откликнулась Дуняша. — Как хорошо ты о Боге стал говорить, братец. Раньше я от тебя такого не слышала. Может быть, нам батюшку позвать, а? Чтобы помолился над ней?

— Нет, пока не надо. Боязно это. Вот как увижу, что никто ее больше не хватится, тогда и позовем. А пока сами будем и ухаживать, и молиться, как можем.

Но своими силами выходить Ксению оказалось невозможно: в сознание она не приходила, соответственно ничего не ела и угасала на глазах. Под утро третьего дня отчаявшийся Гурьян вдруг вспомнил об их с Бузыкиным посещении немецкой слободы. Там среди собравшихся верующих (вернее сказать, согнанных по их приказу) был и один мужчина в белом халате. Вполне возможно, это был местный врач. Гурьян даже заприметил тот аккуратный домик, в котором размещалась сельская поликлиника. Его так и подбросило на кровати: скорей, скорей туда. Там — верующие, они помогут.

Не мешкая ни минуты, он одолжил лошадей у соседа, пообещав хорошо заплатить, и помчался в слободу. Слободчане, однако, хорошо запомнили его, и стоило большого труда убедить их, что на этот раз он им не опасен. Что в опасности находится другой человек. Но как только до них дошло, что речь идет о Ксении, недоверие как рукой сняло. И вскоре телега громыхала уже в обратном направлении; позади Гурьяна в ней сидели самый настоящий доктор, Рудольф Ромке, или просто Руди, и две сестры во Христе, с которыми Ксения была наиболее близка.

Трое суток не отходил доктор от своей пациентки, и те же трое суток находились в посте и молитве при-

бывшие с ним сестры. Узнав назначение поста, примкнули к ним и Дуня с Гурьяном. Ну, то есть с самого его начала. И вечером того дня они привычно молились у постели больной, когда Руди вдруг оборвал молитву на полуслове, услышав тихий вздох Ксении. Она приоткрыла глаза и скользнув взглядом по лицам Дуни и Гурьяна, задержалась на Рудольфе и сестрах. Что-то, отдаленно похожее на улыбку, тронуло ее губы, потом они мелко-мелко задрожали, и, тяжело вздохнув, она вновь забылась. Доктор прослушал ее пульс, и впервые за эти дни улыбнулся.

— Ну, вот, кризис миновал, — устало сказал он. — Самое страшное позади, но будет ли она двигаться — это большой вопрос. На все Божья воля.

Он еще не кончил говорить, а уже разрыдалась Дуня, а за ней и все остальные. И уютная комната тут же наполнилась ликующими возгласами вперемежку со слезами благодарности во славу Господа. Никто из них не скрывал своего неумеренного восторга:

— Слава Тебе, наш Небесный Отец, за то, что явил милость и любовь Твою!

— Слава за то, что услышал нас. Помилуй и спаси Ксению.

— Помилуй и спаси и нас, грешных...

И если для сестер, умудренных опытом поста, Божья милость все же была в какой-то мере ожидаемым ответом на молитвы, то Гурьяну с Дуней столь очевидное

деяние Бога, Его благословение стали духовным потрясением: чудом и в то же время знамением им самим! Настолько зримо ощутили они присутствие Господа в своем сердце, что Гурьян в попытке успокоить сестренку сам упал на колени и, не стесняясь, заплакал. Рудольф подошел к ним и обнял за плечи.

— Хотите ли вы покаяться? — тихо спросил он.

Брат с сестрой дружно закивали.

— Тогда я помолюсь над вами, а вы просите Господа простить грехи ваши и принять вас. Как умеете, так и просите. Он слышит вас.

И полилась самая благословенная в жизни Гурьяна и Дуни проповедь любви Христовой, просьба-молитва к Нему об их, как оказалось, самом сокровенном желании — быть с Господом, служить Ему. Выходит, подспудно они всегда думали об этом, но сами же и ставили душе заслон на пути к Богу. Теперь преграда рухнула, и в слезном покаянии освобождалась душа от рабства греха. И опять каждый в доме славил Бога, теперь уже за спасенные сегодня души.

— Прими их, Господи, — просил доктор Ромке. — Да будет благословенно имя Твое вовеки!

— Спаси и помилуй, Господи, всех приходящих к Тебе, — вторили вслед ему и обе сестры.

И, казалось, Сам Господь отвечал им: **«Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии»** (Лк. 15:7).

Долго еще после покаяния по-детски прерывисто всхлипывала Дуня, а сестры нежно обнимали и поглаживали ее. И в каком-то благоговейном отрешении пребывал Гурьян, все еще не до конца осмысливший свершившееся чудо. Теперь они все вместе спокойно ожидали, когда Ксения очнется вновь, чтобы разговорить ее, обо всем расспросить. Только по прошествии времени Ромке выяснит, что голос она потеряла, поэтому верующие их церкви не перестанут молиться за нее. Молились они и за Гурьяна и, забегая вперед, скажем, что срок, отпущенный ему медицинской комиссией, то есть от силы год, не стал ему ограничением. Прожил он в полном согласии с Божьей волей и по Его милости еще почти пятнадцать лет.

Через неделю гости уехали, но Руди так и продолжал навещать больную и привозил с собой те или иные лекарства как для Ксении, так и для Гурьяна. Со временем оказалось, что ездит он не только из-за них. Через год, когда Ксения начала понемногу ходить, обвенчался доктор с Дуней в своей церкви. Сам вдовый, он десять лет был одиноким, и вот с одобрения членов церкви выбрал себе верную спутницу жизни.

Но все это будет потом, а пока что Гурьян стал налаживать отношения с сельчанами. Собственно, наладились они сами, едва он обмолвился о своем решении вернуться в деревню: отслужил, мол, свое, теперь вот и жить буду тут, и на земле работать, и жену выхаживать. Такая весть (что вернулся насовсем) пришлась по нутру

землякам: чекист-то он хоть и бывший, но чекист — всегда чекист. Он и заступиться за простого человека сможет — не столько ведь в нем страха, раз сам во власти был, — и с жалобой куда пойти, подскажет. Правда, огорчились, что отказался он от лестного предложения стать главой их товарищества. Однако причину отказа сочли столь уважительной (немогущая жена — это, брат, причина!), что с того дня перестали обходить стороной их дом, и кто с советом для Ксении зайдет, а кто и с реальной помощью; благо, было еще чем людям делиться. До голодомора, как позже назовут это время, оставались считанные месяцы.

—*—*—*—

Выпроводив чекистов из дома, сам Антон остался там под тем предлогом, что ему, мол, нужно собрать все полученные от Полуяровского документы. Что, в общем-то, соответствовало действительности; другое дело, как он с этими бумагами собирался поступить. И как только за ними закрылись двери, он, дрожа от нетерпения, кинулся к вазе, выбросил цветы и запустил в нее руку. И... обмер. Часов не было. Там вообще ничего не было, как он ни тряс вазу и ни колотил по дну, будто они могли там застрять, как застревают пробка в пустой бутылке. Мистический ужас сковал его, и подкосились ноги. Слово в слово вспомнилось предупреждение Полуяровского там, в приюте храма: «А о часах забыли. Запомни: они не принесут счастья тому, кто попробует заполнить их силой».

С остервенением шарахнув вазу об пол, он распиная ее осколки и цветы, и стал рыскать по всей комнате, заглядывая во все укромные места. Тщетно! Часов нигде не было. Единственное, к чему он был привязан сердцем, бесследно исчезло, и было так противно, что белый свет стал ему не мил. Бывшее только что радужным настроение сменилось тяжким предчувствием. «Не принесут счастья...» рефреном стучало в ушах. В суматохе мыслей он даже не задумался над тем, что кто-то мог их просто украсть. Да и как задумаешься, если в комнате за все это время, кроме него, никого не было. Что до Гурьяна с парнями, то они были все время на глазах, если и заходили. В общем, был Антон суеверным или не был, но на ум ничего, кроме происков дьявольской силы, не приходило. Так может, и правда, на этих часах лежит какое-то заклятие и никому, кроме художника, они не будут принадлежать. И ухватился за мысль: стоп, да ведь так оно и есть! Ни в какую вазу он ничего не прятал, а скинул их Полуяровскому, как только услышал чей-то голос. Он это так ясно вспомнил, что даже вздохнул с некоторым облегчением: «Никакого колдовства нет. Часы в жилетке художника! А значит, надо срочно ехать в город, чтобы не дать им уйти совсем». Как это сделать, он еще не знал, но нельзя терять ни минуты. Нужно действовать. Скорее, скорее! Может быть, Гурьян еще не успел уехать. Он с трудом заставил себя собрать в подсумок документы, а не тотчас выскочить из дома. Но происки нечистой силы продолжились: сложив бумаги и застегнув планшетку, он

теперь нигде не мог найти ремешок, чтобы пристегнуть ее. Куда он мог запропасться? Это было уже явное наваждение. И на этом нервном пределе легкий постук створки окна показался ему револьверным выстрелом: он так и присел за столиком. Створка хлопнула еще раз, и только тогда он понял, что окно не закрыто. Укорив себя за трусость, Антон в бессильной злобе обругал всех нечистых, запустил в окно попавшимся под руку осколком вазы и стремглав выскочил во двор. На мысль о возможной краже разбитое окно не натолкнуло, потому что как раз за ним всю ночь дежурили Фрол с Петром.

— Мужики, задержите Гурьяна! — крикнул он, сбегая с крыльца и рыская глазами в поисках машины.

— Ага, хватился, — спокойно откликнулся Грач, — его уже и след простыл. — Но тут же встревожился подавленным видом «шефа»: — Да на тебе лица нет. Что-то случилось?

— Случилось, — зло поджал губы Антон. — Парни! Только честно: вы у художника ничего не нашли, когда в город везли? — И, заметив недоумение на их лицах, поправился: — Не обыскивали его?

— Не догадались, — нахмурился Фрол. Потом криво усмехнулся: — Не хватало еще только покойников шмонать.

— Ты забыл что-то у него забрать или как? — прищурился Петр.

Только теперь Бузыкин понял, что может себя же выдать. И на ходу выкрутился:

— Одного документа из тех, что он мне показывал, не хватает. Важного. Вполне может статься, что при нем остался.

— Никто его не обшаривал, — брезгливо сплюнул Фрол.

— И что теперь? — тревожно спросил Грач.

— Теперь нам надо поскорее в город. Облаву отложим.

— Ну уж нет, — заартачился Фрол. — Все — за одной бумажкой?

— А что ты предлагаешь? — взвился Бузыкин. — Я головой отвечаю за этот документ.

— Не сердчай, Антон, — положил ему руку на плечо Грач. — Тебе нужен документ, ты и торопись. А мы и без тебя обойдемся, не маленькие. Вон, кстати, и твои местные легки на помине. Да с такой группой стыдно упустить бандюг.

К дому, скрипя и позвякивая всем своим расхлябанным ресурсом, приближался допотопный автомобиль с местными милиционерами, а рядом с шофером восседал начальник отдела Павел Евсюков. Его Антон хорошо знал еще по операции в Благмоне. Выйдя из машины, Павел картинно раскинул руки:

— Кого я вижу! Антон! Сколько лет, одна зима. Как только услышал, что ты здесь, так сразу и прибыл. — И немного поубавил радости в голосе: — У вас что-то не так?

— Мне нужно срочно в город, Паша. Я тут кое-какие бумаги обнаружил. Вернее, их пропажу. Жаль, но облаву вам придется начинать без меня.

— Да нет проблем, — разулыбался Евсюков. Это обстоятельство, наоборот, обрадовало его: операцию он разрабатывал давно, и она казалась настолько выигрышной, что делиться теперь славой с этим выскочкой было бы глупо. — Вон мой Иван тебя домчит туда за считанные минуты. Стагнюк! — позвал он своего шофера: — Давай, выручай коллегу — быстро подбрось в управу в городе.

— Зробим, як в Европе! — козырнул Иван. — Сидай, друже.

— Да смотри, сразу вертайся, — крикнул уже вдогонку Евсюков и повернулся к чекистам: — Ну, братцы, знакомьтесь с моими орлами. Лететь нам в волчье логово сегодня придется вместе...

—*—*—*—

Ни в управлении, ни в морге, ни где бы то еще часы, конечно, не нашлись. Горькую пилюлю опустошенному неудачей Бузыкину подсластил было Кадченко, да и то, как оказалось, не надолго. Нет, Остап, конечно же, искренне обрадовался результату. Он как раз должен был ехать в Киев, но все же успел отдать приказ о материальном поощрении ретивого службиста и подтвердил, что повышение в звании у Антона не за горами. Получалось вроде бы и не так уж плохо, но к

вечеру все круто изменилось. К вечеру пришло известие, что вся та опергруппа во время устроенной ими облавы сама попала в засаду и была уничтожена, и уже на следующий день Бузыкина арестовали за ненадлежащее исполнение обязанностей. Единственный свидетель — шофер Стагнюк, который в общем-то и выжил благодаря Бузыкину, — быстро смикнулся, в какую сторону дует ветер, и, чтобы избежать плохих для себя последствий, написал то, что от него потребовали. То есть показал, что перед самой операцией увез Антона в город. Все его показания уложились в три строчки и сводились к одному: сам он тут ни при чем. Евсюков, мол, приказал, я и отвез. Сначала в морг, потом в порт. Чего Антон там делал, ни сном ни духом не ведаю. Оставил его в управлении и вернулся в Белозерку. А там уже все было кончено. Уверен, что Бузыкин, мразь, обвел Евсюкова и подставил всю группу.

Не ко времени появившийся с сияющим лицом Припасенко ясности в события не внес. Дескать, когда он отправлялся с похоронной миссией, Антон готовил парней к облаве. И Гурьян думал, что «шеф» погиб вместе со всеми. О том, что он сбежал, узнал только теперь.

И вот это бегство перед самой операцией и последующие свои перемещения Бузыкин внятно объяснить не смог. Намеки же на то, что он-де торопился сообщить Остапу какие-то секретные сведения, полученные от Полуяровского, ну никак не тянули на столь уж важные по неотложности причины, по которым можно

было оставить группу в такой ответственный момент. А значит... Значит, при желании это можно было расценить как запланированное дезертирство, если не что-то еще более серьезное. У тех, кто арестовывал Антона, желание такое было, и очень даже сильное; у многих сотрудников он стал поперек горла. Да за такие дела и более видных чекистов безоговорочно ставили к стенке, поэтому казалось, что участь его решена. Особо рьяное усердие проявляла в таких делах уже известная нам Анфиса Ищенко — «беззаветно преданная революции» соратница Остапа в операции по разгону Благмона. Но в данном случае у нее был еще и личный интерес, поскольку она считала, что Кадченко засиделся на своем месте и его пора заменить. (Ну, понятно, кем. Сама Анфиса считала, что она уже давно созрела для этой высокой руководящей должности.) И тут арест приближенного к председателю чекиста был бы как нельзя кстати. Доказать, что он скрытый шпион, не составит труда (сам признается!), а это уже полная и безоговорочная дискредитация начальника. К решительным действиям ее подтолкнул неожиданный вызов Кадченко в Киев и столь же стремительный его отъезд. Вот в его отсутствие (а известно было, что уехал он надолго) она и уговорила группу товарищей арестовать Бузыкина, чтобы не успел вступить за него всесильный хозяин.

Два дня, проведенные в том самом подвале «дома Рабиновича», сильно обогатили уже имеющийся у Бу-

зыкина опыт прозябания в каземате города Николаева. Теперь, в дополнение к опыту революционного дознания, он как бы изнутри познал и процесс дознания советского. Больше того — испытал его на своей шкуре. И вновь, как и в том приснопамятном восемнадцатом году (ну, не фантастика ли!), расстрелять его не успели по чьей-то нерасторопности. Других по такому обвинению пускали в расход в двадцать четыре часа, а до этого типа, смотрите-ка, руки не дошли. Кто уж там на кого понадеялся, неизвестно, зато известно, что на третий день (так же неожиданно, как и уехал) возвратился Кадченко. Услужливые языки тут же оповестили его о «деле» Бузыкина и о том, кто его «заказал». А через полчаса опальный чекист уже чуть ли не лизал сапоги благодетеля, не переставая клясться в вечной любви и верности. При этом, однако, не забыл напомнить (и не раз!), что покинул Белозерку исключительно в интересах общего с Остапом дела. И надо сказать, Остап, в отличие от тех скептиков, что чуть не отправили Антона на тот свет, этому поверил. В результате некоторые из них пережили довольно много неприятных минут. Но следом он же их и поощрил приказом за проявленную бдительность и принципиальность. Дескать, свой Бузыкин или не свой, а остутился — отвечай. Главное, мол, убедились в его невиновности. За все время разбирательства Остап ни разу не упомянул имя Анфисы, и этим маневром убил сразу трех зайцев: чекистам дал понять, что в общем и целом они были вправе так поступить; перепугавшейся

Анфисе дал возможность расслабиться (а значит, и потерять бдительность); ну и отбил у Бузыкина охоту мстить всем обидчикам подряд. Тот буквально горел этим желанием, и опытный председатель вызвал его через некоторое время к себе в кабинет для душевного разговора. Надо было направить его энергию в нужное русло. После недолгой беседы спросил прямо:

— Вижу, сильно на коллег обижаешься?

— Сильно, может быть, и нет, — уклонился Бузыкин.

— И не надо. С кем не бывает. И на старуху бывает проруха.

— Но если откровенно, то поменяться местами, хоть бы на часок, охота, — не смог скрыть злости Антон. — Они ж на мне приемы отработывали. Как на чучеле. И ни слову не верили.

— И ты на это обиделся?! — притворно изумился Остап. — А ну-ка, скажи, что бы ты сам сделал с тем, кого бы заподозрил в измене? — И упредил вмиг растерявшегося Антона: — Что до меня, то я бы не позавидовал тому человеку, а? Так что выбрось это зло из головы. Оно тебе против врагов революции пригодится. — И сразу совсем о другом: — Кстати, Зяму я велел выпустить. Он ведь сильно тебе помог. Знаешь, да? Нет? Но Гурьян же должен был сообщить тебе?

У Антона пересохло во рту. К чему клонит шеф? Он уже проклинал себя за откровенность и желал только одного — тихо удалиться. Остап же делал вид, что не замечает его нервозности.

— Он будет работать теперь на нас, — доверительно понизил он голос. — Но знают об этом только ты и я, понял?

Бузыкин уловил главное: пронесло! И облегченно вздохнул, и даже плечи расправил: ну, ни дать ни взять — снова орел орлом. Но когда дошел смысл сказанного, буквально опешил:

— То есть, как на нас? Зяма — на нас?!

— Так и на нас. Как ты работал по первости, забыл?

— А, ну да, — спохватился Антон. — Так это — я, а то — Зяма.

— На самом деле никакой разницы нет. Просто ты, как я вижу, и на него обиделся. А зря, зря. Он теперь тебе еще больше в помощь будет. Чего сам не захочешь делать, ему адресуешь.

— Да понял я, понял, — уже и заулыбался Бузыкин.

— То-то. А то обиделся. Я же вот не обижаюсь, что ты не до конца выполнил задание.

— Как не до конца? — опять не сообразил Бузыкин.

— Как, как? Ребенка-то ты не нашел? И искать не думаешь.

— Дак, а когда бы это я успел? — насупился Антон и смолк: стоит ли теперь досаждать жалобами? — Но если прикажете...

— Не прикажу, — успокоил Остап. — Занимайся этим между делом. Найдешь — хорошо, не найдешь — тоже неплохо. Скорей всего сгинул малец. И вот еще что, — задумчиво побарабанил он по столу: —

Со званием придется повременить. Сейчас за это неприятности нажить можно. Только что под подозрением был — и на тебе! — сразу в дамки. Есть у нас люди, сам знаешь. Чуть что, тут же накапают. Вот как Анфиса: мужиков на тебя натравила, а сама в кусты: моя, мол, хата с краю. Не знаю, уж чем ты ей насолил, но держаться от нее советую подальше. Ты же понимаешь, что было бы с тобой, если бы я не успел вернуться.

— Так это она? — приподнялся Антон. Он понимал, кто кому реально насолил, но это ему было неважно. Главное, по ее милости его обрабатывали два дня, и теперь он ей этого не спустит.

— А ты думал! Видишь, а ты на мужиков осерчал. А коллеги — они что? Они люди подчиненные: им приказали, вот и выполняют. — Он встал, прошелся по кабинету к окну. — Вряд ли она успокоится на этом. Так что ты поосторожнее. И с высказываниями, и вообще. У нее характер скверный: сует свой нос не в свои дела, и добром это когда-нибудь не кончится. Вот опять напросилась в комиссию на портовые склады. А там, сам знаешь, какие люди. Охраны ведь на каждого партийца не напасешься. — Остап внимательно посмотрел на Бузыкина.

— А когда эта комиссия? — понял тот и судорожно сглотнул.

— Ровно через неделю. Да мы еще увидимся. Ты не забудь за эти дни проведать Шлеймовича. Ему самому

сюда вход заказан, так ты зайдѣ, потолкуй о том о сем. Поддержать надо старoго еврея, а то помяли его тут малость. Как бы не обиделся ненароком.

— Он не обидится, — заверил Антон. — У меня средство есть.

— Вот и ладушки. Ты о звании не горюй. Как только все образуется — сразу две шпалы схлопочешь. Мое слово твердое.

— Дая знаю. Потому и не горюю, — соврал Бузыкин.

— И правильно делаешь. Ну, и напоследок: не знаю, обрадую тебя или огорчу, но распрощались мы с твоим Припасенко.

— Как распрощались? — вытянул физиономию Бузыкин.

— Списали его под чистую. Я хорошо знал его, но как-то не замечал изъяна после ранения. А оно, видно, далеко зашло. Похоже, даже с ума его немного сшибает. Радости было, как у ребенка: по земле, мол, соскучился. По работе на ней. Не догадывается парень, что работник-то из него уже никудашний. Видел я заключение врачей: может с год только и протянет. При самом лучшем раскладе.

— Стало быть, правду ребята говорили, — вздохнул Бузыкин. — И где он сейчас? Проститься бы.

— Укатил еще вчера. Ни минуты не задержался, будто ждут его дома не дождутся. Ребята ему материально помогли. Молодцы. Ну и мы от администрации кое-что подарили. Заслужил.

— Он заслужил, — согласился и Бузыкин. Впервые, может быть, в жизни согласился, не покрывив душой. — Так я пойду?

— Иди. Да Зяму-то не забудь ободрить.

— Не-не, это я нет.

Пройдет чуть больше недели, и на похоронах Анфисы Ищенко Остап произнесет трогательную речь. Он расскажет, как она бесстрашно кинулась защищать женщину от напавших на нее в порту бандитов. На самом деле те внезапно разодрались между собой, когда она очутилась рядом и закружили ее, как в хороводе. Так и стала жертвой этой пьяной шайки (кто-то в суматохе пырнул ее финкой). Дальше следовали знакомые слова о беззаветной преданности партии, чистоте помыслов и кристальной честности почившей. Были еще речи, призывавшие в ответ на ее смерть еще теснее сплотиться, утроить бдительность и поднатужиться, засучив рукава, чтобы ускорить темпы приближения светлого будущего. Была и скорбная, торжественная музыка, не было только слез. Даже скупых мужских не было. Ни один мужик, в том числе и сам Кадченко, как ни старался, не сподобился выдавить. Да-а, тягостна, скучна и неблагодарна ты, юдоль партийная...

—*—*—*—

Вот теперь вроде все пошло у Бузыкина на лад. С уходом Анфисы он весь как-то ожил, а по прошествии времени (это когда уже зимой по дороге в отделение «случайно» застрелили последнего подозре-

ваемого в ее убийстве урку) и вовсе повеселел. Бедолагу отправили на тот свет, не успев допросить, так что на этом дело и закрыли. Никакой теории заговора против Анфисы обнаружено не было. Словом, пришла пора напомнить председателю уисполкома о его обещании. И все бы хорошо, да вот спутал карты старый Шлеймович. Справедливо рассудив, что он будет следующим за урками, Зяма тихо, без лишнего шума слинял. К своему исчезновению он, однако, подготовился обстоятельно, то есть когда его хватились, в доме наличествовали одни голые стены. Что дало повод Остапу заподозрить Бузыкина в потворстве беглецу. И состоявшийся между ними разговор тет-а-тет был уже не столь лицеприятным, как обычно. Он был жестким с обеих сторон.

— Как же ты его проворонил? — мрачно изрек председатель. — Или помог слинять, а? Запомни, если у Зямы развяжется язык...

— Не развяжется, успокойся, — неожиданно грубо оборвал шефа Бузыкин, впервые назвав его на «ты». И тот как-то сразу присмирел, недоуменно заморгал глазами, будто провинился в чем-то. — Еврей скорее проглотит свой язык, чем проболтается. И далеко не убежит. А за то, что удрал без спросу, он мне ответит. Из-под земли достану.

— Ну, если так, — проямлил Остап. Не ожидая такой прыти от своего, как ему казалось, преданного служаки, он никак не мог вернуть уверенный тон.

— Именно так, а не иначе, — не снимал давления

Антон. — И ты завяжи со своими угрозами в мой адрес. Веревкой-то одной связаны.

— Ладно, ладно, Антон, — примирительно улыбнулся председатель, — я и не грозил тебе вовсе. Так, построжился. Так ведь подумал, что ты с ним заодно. Думал, против меня что затеваете.

— А ты не думай. Пусть лошадь думает, у нее голова большая.

— Да теперь-то вижу, что не прав. Ну, не бери в голову, а и правда, мобилизуй все, что можно, и найди его.

— Тогда брякни моему начальству, чтобы командировку в Киев недельки на две оформили. Сегодня же выеду. Там у Зямы есть родные, а больше ему негде быть.

— Ну, не вопрос, — поднял трубку телефона Остап. Через минуту разговора облокотился обеими руками на стол и наклонился к Бузыкину: — Готово! Иди к себе, получай деньги, документы — и в путь. Давай, желаю тебе успеха. И смотри, — постарался улыбнуться, — ты мне нужен живой. Так что сильно там... не того. Не чуди, в общем. Ни чудеса, ни чудики нынче не в моде.

— Да они у нас и не проходят, — сбравировал Антон и подчеркнуто вежливо снова перешел на «вы»: — Не волнуйтесь, товарищ Кадченко, все будет в полном ажуре.

— Ну, дай-то Бог, — пожелал тот и поразился, с какой внезапной ненавистью во взгляде полоснул его чекист при этих словах. И стало как-то не по себе от тревожного чувства.

«Не-е, определенно этого урода надо услатить куда подальше, — задумался председатель. — Или продаст, или сам зашибет при случае. Ладно, пускай с Зямой разберется, а там видно будет, куда его деть».

И долго еще покачивал головой, бормоча про себя: «Это надо же какого мерзавца я пригрел. Веревкой, говорит, одной связаны... Я тебе покажу веревку, прощелыга! Упеку куда-нибудь надзирателем в лагерь, клопов кормить, так будешь знать. Там тебе только и место».

Сам того не зная, председатель предрек будущее Бузыкина.

Примерно те же мысли одолевали и Антона.

«Не-е, — думал он, вышагивая к „дому Рабиновича“, — пора пускать в ход козыри посерьезней. В следующий раз припугну его бумагами Полуяровского. Кажется, после Шлеймовича Остап собрался избавиться и от меня. Ну уж дудки: если я и найду Зяму, то вовсе не для того, чтобы передать его вам: старый лис нужен мне как гарантия моей собственной жизни. Чем дальше и дольше живет Зяма, тем в большей безопасности и я. Хорошо бы перебраться в Киев и самому, а то здесь уже как-то неуютно стало. Может быть, стоит найти в Киеве своего бывшего шефа Курко и предложить свои услуги? Авось, да заинтересуется».

Но искать, кроме Зямы, никого не пришлось. Больше того: его самого нашли и заинтересовались им совсем не те, кого он хотел облагодетельствовать бумагами Полуяровского. Поселившись на квартире знакомого

чекиста, первую неделю он действительно провел в поисках Зямы: побывал у его родственников и посетил все значные места, знакомые ему еще по первой командировке в столицу, — все-таки больше полугода провел здесь. Результат был нулевой: что родственники, что владельцы и завсегдатаи притонов лишь разводили руками: «Окститесь уже, господин хороший, какой Зяма может быть здесь? Он-таки давно за границей!» Правда то была или нет, но Бузыкин понял, что выйти на него не удастся, поэтому махнул на дела рукой и использовал притоны по их прямому назначению. То бишь, закутил на всю катушку. И за день до отъезда попал в одном из них в милицейскую облаву. А поскольку при походах в эти заведения он не брал с собой удостоверения чекиста, — наряду с богатыми клиентами там всегда орудовали и воры, так что очень даже просто можно было лишиться документов, — то просидел в кутузке до утра для выяснения личности. Оказать себя он, конечно, не мог, — это означало бы конец карьере, но и вывернуться никак не удавалось. Уже утром он, отвечая на вопросы молоденького дежурного, как бы мимоходом упомянул фамилию Курко: дескать, плохи будут твои дела, братец, когда тот узнает об аресте своего бывшего ординарца. А если, мол, отпустишь сейчас же, то и я за тебя перед ним словечко замолвлю. Глядишь, и по службе продвинешься. Ты, мол, только позвони ему. Антон надеялся, что громкое имя испугает пар-

ня или хотя бы заставит позвонить бывшему шефу и тот выручит его по старой памяти. Увы, этим он, как оказалось, лишь навредил себе. Постоянная чистка партийных рядов, по-видимому, коснулась и Курко, потому что, едва услышав эту фамилию, дежурный тут же вызвал дополнительный наряд из ГПУ для передачи им «опасного субъекта». В общем, Бузыкина под надежной охраной доставили теперь уже в отдел ГПУ, и тут уж ему пришлось признаться, кто он есть на самом деле. После проверки сотрудники почему-то радостно переглянулись, взяли его под белые ручки и повели куда-то по узкому коридору. И когда он уже думал, что его отпускают, остановились у кабинета, на дверях которого красовалась табличка: «Н. Шклабада». Неприятным холодком повеяло от этой фамилии, и тягостное чувство охватило его. О хозяине кабинета он слышал еще от Семина и раза два мимоходом видел его, но лицом к лицу столкнулся впервые.

«Причем тут особый отдел? — запаниковал Антон. — Теперь-то уж точно так просто не отделаешься!»

Однако следователь встретил его приветливо, усадил на стул и, кивком головы отпустив сопровождавших, спросил обыденно. Так, будто продолжали они давно начатый разговор:

— Так, говоришь, по делу в Киеве?

— Так точно! — вскочил Бузыкин.

— Смотри, какое совпадение, — вздернул брови Шклабада. — А я вот, наоборот, был в Херсоне. И тоже по

делу. Да ты сиди, сиди. У нас навытяжку стоять не принято. Не в ходу у нас ваши причиндалы. Мы все больше по-свойски, по-простому, так сказать. — И с улыбкой протянул нараспев: — И как дело? Продвигается?

Хотя и дружеский, но явно показной настрой офицера усилил тревогу; Антон чувствовал, что это только прелюдия к допросу:

— Ну, как сказать...

— А так и говори. Как есть, так и говори.

— Да пойдёт, — осторожничал Антон. — Можно вопрос?

— Валяй.

— Почему меня к вам вызвали, что-то не пойму.

— Поймешь, какие твои годы, — не снимал улыбки Шклабада. — Но сначала расскажи, что ты искал? Или кого? В притонах, имею в виду. Ты ведь по ним уже неделю околачиваешься.

— Так вы... — у Антона перехватило дыхание.

— Так я, да. Все похождения твои, дружище, нам известны. Ты сильно удивишься, когда узнаешь, сколько я о тебе знаю.

Удивительно, но после этих слов Антон немного успокоился. Значит, дело все-таки в моральном облике. Ну, а раз только в этом, то и запыраться не резон: не он первый попадает в притонах. Могут, конечно, турнуть за это со службы. А могут и не турнуть, если Остап уладит. Лишь бы отпустили, а там что будет, то и будет.

— Я, конечно, виноват... — понурился, начал он.

— Не то, не то, — замахал руками Шклабада. — Твоя вина меня не касается. Я спросил, кого ты искал, а ты мне про вину. Вот спроси меня, что я искал у вас в Херсоне, и я сразу отвечу: то же, что и ты в Киеве. То есть Зяму Шлеймовича. Ну, заодно и самого Бузыкина. Понял? Итак, зачем тебе Шлеймович?

— Но об этом я должен буду... — беспомощно залепетал Антон.

— Ты, Антон, с этого дня никому, кроме меня, ничего не должен, — мягко, но с нажимом перебил Шклабада. — Ни-ко-му. Ни даже Авдею Доценко, своему начальнику.

— Так а...

— И Остапу, в том числе. Вернее сказать, ему — тем более.

— Как это понимать? — нервно заерзал на стуле Бузыкин.

— Очень просто: арестован твой Кадченко, — все с той же улыбкой сообщил Шклабада, и вмиг побледневшее лицо собеседника доставило ему явное удовольствие. — Что? Не ожидал такого финала? А ожидать надо было, надо. Но речь сейчас не о нем, а о тебе. Я хочу вытащить тебя из того дерьма, в которое ты попал. Если, конечно, будешь умницей и поможешь мне в разоблачении Остапа. Ты ведь бумаги Полуяровского не успел ему отдать?

— К-а-акие бумаги? К-кому? — Антон вдруг стал заикаться. Оно и понятно: одно дело — предложить документы кому-то, и совсем другое, если их у тебя найдут.

Это уже улика против тебя, и за такое укрывательство по головке не погладят. — Ник-каких бумаг не видел.

— У-у, да ты, я вижу, так ничего еще и не понял, — Шклабада выдвинул столешницу, достал из нее что-то и накрыл рукой. — Сейчас я тебе освежу память. Смотри сюда, — он убрал руку, и Антон едва удержался, чтобы не вскочить со стула. На столе лежали часы Полуяровского! Даже сейчас, в этот страшный для него миг, он не мог оторвать от них глаз. Следовательно же с большим интересом наблюдал за ним.

— Вижу, что узнал. Здорово же ты на них запал, раз художника за них грохнул. А потом в вазу спрятал, так? Что, дать воды?

— Не надо, — сипло выдавил Бузыкин. — Признаюсь, позарился. Виноват. Но они там же и пропали, так что не попользовался.

— Снова да ладом. Что ты мне со своей виной — бумаги где?

— Про бумаги не знаю. Я ими не интересуюсь. На что они мне?

— Ты испытываешь мое терпение, дружище. Ладно, дам тебе последний шанс. Что-нибудь знаешь о Вовке Бубенчике?

— Конечно. Домушник. Он же «Мамай», он же «хан Батый».

— Молодец! — похвалил Шклабада. — Знаешь свой контингент. Так вот послушай интересную историю. Однажды Мамай всю ночь просидел в саду, чтобы

выкрасть кой-какие бумаги у Полуяровского. Один наш чиновник ему хорошие деньги за них пообещал. А один наш чекист ему все карты спутал. Мамай видел через окно, как художник передал тому документы. Тогда чекист, то есть ты, грохнул его, а часы в вазу сплавил. Потом ты и жену его придушил. Показать — как ты это проделал? Не надо? Ну, не надо, так не надо. Вот в то время, когда твои коллеги бросились из сада тебе на помощь, Бубенчик и увел эти часы через створку. Компенсировал, так сказать, неудачу с бумагами. Ну, раз ты его опередил. Мы его тут недавно с часами прижучили, он все и рассказал. Так дело было?

— Примерно. Ну, а что тут такого? Приказано было врагов народа ликвидировать, я и ликвидировал. Но остальное Мамай выдумал, чтобы подозрение от себя отвести. Неужели, товарищ Шклабада, вы больше верите этому домушнику, чем мне? — Бузыкин изо всех сил пытался принять обиженный вид.

— Чем тебе, как кому, уточни. Как чекисту? — сузил глаза следователь. — Может, еще скажешь — честному? А что, биография у тебя, и правда, вроде бы вполне. Но именно, что вроде, а? Подожди, сейчас еще кое-что тебе покажу. — Он достал из стола какую-то фотографию и положил перед ним: — Ну-ка, полюбуйся.

Антон еще не увидел, но каким-то шестым чувством догадался, что это было. И горло перехватили спазмы, лоб покрылся испариной, а противная дрожь охватила все тело, мгновенно парализовав его и так-то уже по-

шатнувшуюся волю. Дрожащей рукой он взял фотографию, на которой был изображен в немецкой форме. Запираться не было смысла.

— Откуда она у вас? — просипел замогильно. Перед глазами уже маячила камера в подвале «дома Рабиновича», и заныли все зашибленные в прошлый раз части тела.

— А ты сам как думаешь?

— Без понятия. Я ведь вроде бы все уничтожил. Поверьте, меня насильно заставили. Те, кто дал ее вам, это знают.

— Те — да. И я знаю, и верю. А вот наши с тобой коллеги не знают и не поверят. Или попробуешь их убедить?

На Бузыкина было жалко смотреть. Теперь он по-собачьи преданно ловил каждое слово следователя и всем своим видом выказывал готовность ответить на любой вопрос.

— Бумаги художника здесь, где я квартирую. Я взял их с собой, потому что, и правда, хотел кому-нибудь отдать. Только занесите в протокол, что это я сам... Можем сейчас же поехать за ними.

— Вот это разговор. Почему не отдал Остапу?

— Боялся, что сразу же уберет меня. Сами знаете...

— Это ты правильно боялся, дружище. Так бы оно и было. Он и сейчас говорит, что к убийству Полуяровского не имеет никакого отношения. Приказа-то он не издавал, а слова к делу не пришьешь. Кто их,

кроме тебя, слышал? То-то и оно. Чувешь, чем пахнет?

— Чую, — содрогнулся Антон. — Теперь с живого шкуру сдерут.

— Ты очень невнимательный, друже, — усмехнулся Шклабада. — Иначе запомнил бы, что я хочу вытащить тебя из этого дерьма. Вот теперь и спроси меня, почему я так переживаю за тебя и рискую собственной башкой больше, чем твоей? Ты спроси, спроси.

— Почему? — еле слышно прошептал Бузыкин.

— Потому что как раз такой помощник мне и нужен. Долго я к тебе присматривался, но понял это только после того, как ты сплавил Семину двух григорьевцев. А потом с Боевым и убрал их. Ну-ну, не пугайся так. Просто этот должок будет за тобой. И расслабься: раз я тогда не убрал тебя, значит, можешь дышать свободно. Хоть и знаю достаточно, чтобы раздавить тебя в любой момент, делать этого не стану. Наоборот, и сейчас помогу выкрутиться, и потом, если в том будет нужда. А будешь выполнять все, что скажу, оставляю не просто жить, но и жить хорошо. Ты, как, готов жить хорошо?

— Да я вам век буду... — скользнул Бузыкин со стула на колени.

— А ну, встать! — приглушенно рявкнул Шклабада. От его приветливости не осталось и следа. — На место сядь, идиот. — И уже чуть спокойнее: — Ты что, кисейная барышня — в ножки падать? Был и оставайся самим собой. А эдак ты и сам спалишься, и меня под монастырь подведешь. Возьми фотку себе и уничтожь.

Возьми, возьми: душа из пяток на место вернется. Это знак моего доверия тебе, понял? Ну, ты же не глупый мужик. Чуть вильнешь — и... Ага?

— Понял, товарищ Шклабада. От вас не вильнешь. Да и зачем, если теперь я вам жизнью обязан.

— Ну, что ж, пожалуй, я бы сказал то же самое, доведись быть на твоём месте. Кстати, эта фотка, как ты понимаешь, не последняя.

— Ещё бы не понимать. Но не совсем дойдёт, чем я могу быть вам полезен? Мое ведь дело телячье: мне приказали, я исполняю.

— Вот это от тебя больше всего и потребуется: не соваться в дело, а исполнять его. Пока же сделаешь для меня только одно: женишься на одной особе твоих лет. Будем считать, что она тебя полюбила. А что? Мужик ты видный, холостой, и дом у тебя есть; кто усомнится в твоём желании завести семью? Не бойся, детей она тебе не принесет, а вот фамилию твою возьмет. И станете вы с ней жить-поживать и добра наживать. Этого добра в стране пока что пруд пруди, и с умом очень быстро можно его нажить. А у нее, у Алины, ума палата — она не чета нам с тобой. Что ты так насупился?

— Не люблю образованных, — угрюмо выдавил Антон. — Давят они на меня. Мне бы чего попроще.

— Придется полюбить, любезный, — вздохнул Шклабада. — Как говорят: стерпится — слюбится. Самому тебе со мной встречаться не резон для нас обоих, поэтому все мои указивки будешь получать от нее. Ну и, конечно,

выполнять. Собственно, тебе и делать-то ничего особого не надо будет: как служил, так и служи. Но это все потом. А сейчас мне нужны бумаги. Что, едем?

— Как скажете.

— Тогда вот тебе пропуск на выход. Подождешь меня на улице.

— Слушаюсь! — вскочил и щелкнул каблуками Бузыкин. — Потом, круто развернувшись, строевым шагом вышел из кабинета.

«Дерьмо, конечно, — брезгливо посмотрел ему вслед Шклабада, — но то, что надо. Служить будет верно. Не потому, что надежный, — это-то как раз и нет, — а потому что знает: будет жить, пока молчит. А за свою шкуру он и мать родную с отчимом не пожалел. Да, в этом отношении то, что надо».

Бумагами Полуяровского он остался очень доволен. В них скрупулезно отмечалась любая, даже незначительная сумма денег, переданных антикваром коррумпированной верхушке области с указанием когда, кому, через кого и сколько. Но вот чего не мог понять Шклабада, так это поведения самого Владлена.

«Странно, — думал он, — почему самнэпман не считал Остапа их компаньоном и даже надеялся на его защиту? Неужели не догадывался, что тот был главой этой пирамиды? Если так, то жестоко поплатился он за свою наивность. Хотя человек-то был, прямо сказать, далеко не глупый. Умный был мужик. А вот поди ж ты... Хм, до последнего надеяться на того, кто тебя заказал...»

—*—*—*—

Семейная жизнь оказалась не такой уж и страшной, как ее представлял себе Бузыкин. Ну, во-первых, потому, что не страшной оказалась сама невеста. Он-то подозревал, что ему подсунут какую-нибудь уродину (иначе зачем искать кого-то для нее?), но когда увидел Алину в первый раз — даже приободрился и приосанился: с такой не стыдно и на люди показаться. И образованности ее он зря боялся, потому что заумными речами она его не обременяла. Собственно, для долгих разговоров у них и времени-то не было: она постоянно уезжала и приезжала, а самого Бузыкина на тот момент перевели по негласному содействию Шклабады в недавно созданный отдел по борьбе с религией. А это, как мы понимаем, было его розовой мечтой. О, этой борьбе он отдавал все силы, всю ненависть сердца, истосковавшегося по издевательствам над людьми. Вдруг, откуда ни возьмись, объявились у него еще и организаторские способности. Одну за другой он формировал группы провокаторов, внедряя их в небольшие поместные церкви штундистов, баптистов и других «неправильных» церквей, а сам «вступал» в дело уже на завершающей стадии: то есть когда неугодного власти верующего человека арестовывали. Ни орденов, ни медалей на этом поприще он не снискал, но в памяти многих из них остался. Недобрая слава об изувере распространилась далеко за пределы Херсонщины. А он такой был далеко не один. К тому же кое-где стали орудовать

еще и чекисты-оборотни, которые грабили население, прикрываясь своей формой. В итоге крестьянство страны люто возненавидело советскую власть, от лица которой действовали сотрудники НКВД. Что, в общем-то, и было целью Шклабады. И расчет оправдывался. Ну, а поскольку никаких приказов больше от него не поступало, то решил Антон, что эту деятельность и имел в виду шеф, когда прочил его к себе в помощники. И то сказать: все больше белоручек стало среди чекистов — простых дел чураются. Им, вишь ты, подавай только дела героические, а с черновой неблагодарной работой не каждый так-то вот захочет возиться. Бузыкину же она — бальзам на душу. Ему муки страдальцев — как чудная мелодия из преисподней. Почему преисподней? Да потому что все чаще подсаживается к нему по ночам тот бесформенный уродец и хвалит, и хвалит, и хвалит. «Во-он как ты зажил, — нашептывает прямо в душу. — Ни дать ни взять повелителем человеков стал. Кого хочешь — казнишь, кого хочешь — милуешь. Далеко-о пойдешь таким-то макаром. А как же: большому кораблю — большое плавание!»

И уже не гонит, как прежде, Бузыкин льстивого наушника. Легко, приятно и безмятежно на сердце: работа — лучше не придумаешь. Это ведь не грозное «белое подполье», где противник вооружен до зубов; и даже не уголовники, от которых за твой беспредел того и гляди «перо в бок» схлопочешь. За ними не заржавеет. Не-ет, это в большинстве своем безропотные овечки,

которых можно безнаказанно стричь! А как же приятно видеть себя всемогущим! И расслабился Бузыкин, и не чувствует уже угрозы своему существованию. А она, угроза эта, видать, только время выжидала и свалилась на голову через год-другой в виде настоящего задания. И показалось оно настолько опасным, что вызвало в Антоне подзабытое уже им чувство животного страха, пережитое некогда от знакомства с Васькой Крохалем: и отвертеться нельзя, и выполнить страшно! И хоть давно он уже не был пятнадцатилетним лоботрясом, но так же стучал зубами от страха и трясся, как в лихорадке, проклиная день и час, когда встретился со Шклабадой. А поскольку задание сие, как всегда, получил через свою жену, то и нарисовался ему теперь уже совсем другой образ его неприметной и даже, как он думал, равнодушной к их делам Алины. Вроде бы и существовала-то она только для передачи информации, а остальное ее не касалось. Оказалось, что ошибался.

— А теперь, наконец, займешься делом, — сказала она, вручив ему какой-то саквояж, и предельно кратко и жестко сформулировала задачу: — Завтра тебе поручат сопровождать в порт шипчандлера (агента) торгсина — приказ такой уже есть, — и ты возьмешь с собой вот это. Тебе отводится роль охранника этого агента. Там, на борту корабля, он будет договариваться с французским капитаном о прикреплении его команды к определенному ресторану города. Ты в переговорах не участвуешь, а находишься у двери в каюту, чтобы

никто не вошел туда. Человеку, который подойдет к тебе и назовет пароль, отдашь саквояж. Взамен он оставит точно такой же. Вот этот, другой, ты и принесешь сначала сюда, а уже потом по адресу, который я назову позже. — И фыркнула презрительно: — Да не дрейфь, никто ничего не увидит.

— А-э-э, что там будет, Аля? — еле слышно вымолвил Бузыкин.

— Зачем тебе знать? — смерила она его насмешливым взглядом. — Меньше знаешь, спокойней спишь. Ты сам однажды очень хорошо сказал Шклабаде об этом. Напомнить? Что ты телок и дело твое телячье. Вот и придержишься этого правила. — И немного смягчила тон: — В конце концов не важно, что в этом чемоданчике — намного важнее тот, который принесешь.

— А что в нем, можешь сказать?

— Этого никто не знает. Могу сказать одно, Тоша: выполнение данного поручения означает для тебя неплохой приварок в виде инвалюты. Выполнишь два-три таких задания — и будешь располагать достаточной стартовой суммой. Ну, а как превратить ее в настоящее состояние, будет зависеть от твоей расторопности. Ты ведь когда-то ловчил на базарах, не так ли? Да не стесняйся, я про тебя все знаю. Ловчил?

— Было дело, — с некоторым даже хвастовством признался Антон. — И жил не так-то уж и плохо, хотя кругом был голод.

— Вот видишь. А разве сейчас лучше? Это время

снова пришло, Тоник. Для кого-то оно — страшное, для кого-то — милое сердцу. И называется оно «голод и дефицит». Любой мало-мальски значимый товар идет нарасхват и приносит солидные барыши. Только не ленись! Ну, что? Надеюсь, тебя не надо агитировать на эту тему?

Да понятно, что не надо. Одно лишь упоминание о валюте взбодрило упавший дух и даже страху поубавило. К тому времени Антон уже изрядно поиздержался, и те запасы валюты, что умыкнул из оккупационного штаба, попросту иссякли. Хотя Бузыкин хорошо понимал, что за красивые глазки валюту не платят и чем чреват провал, вся его авантюрная сущность не могла устоять перед соблазном разбогатеть. И уже с выражением полного согласия на лице он взял саквояж из ее рук.

— Вот и молодец, — похвалила Алина. — А то распереживался. Все будет о'кей. Кстати, некоторые удачливые коммерсанты, поднабив карманы валютой, предпочитают линять из этой страны...

Алина выдержала паузу. Впервые затронув эту запретную тему, она с любопытством наблюдала за его реакцией. И осталась довольна: судя по тому, что он никак не отреагировал на приманку, за граница была ему до лампочки. И этому было простое объяснение: ему вовсе неплохо жилось в этой стране (по его понятиям, конечно), и мысль о том, что можно куда-то сбежать, никогда не обременяла его светлую голову. Но сама интонация в голосе Алины насторожила его.

— Ты это к чему? — вопросительно поднял он на нее глаза. — Я в заграниче ничего не потерял.

— Хотела узнать, что у тебя на уме. Способен ли ты бросить меня, когда разбогатеешь. Ведь все дело будет зависеть от тебя.

Как ни старалась Алина придать голосу искренность, прозвучало это настолько фальшиво, что Бузыкин понял: она просто насмехается. Для нее он холоп, прислуга, временное прикрытие — ни больше, ни меньше, — а вовсе не муж. До сегодняшнего разговора ему было как-то не до наблюдений, теперь он это увидел ясно.

— Ну и что, узнала? — нахмурился он.

— Конечно. Вижу, что не бросишь. Ладно, шутки в сторону. Я нарисую тебе картину наших общих будущих забот.

Она столь доступно и четко изложила ему план их действий, что Бузыкин уже как бы ощутил хруст валюты у себя в руках, а возникшее было раздражение утихло.

«Ладно, — решил он, — пусть верховодит, у нее, и правда, голова, не ровня моей. Вон даже сам Шклабада это признавал. Нехай командует, итог-то подводить все одно буду я. Так-то, мадам!»

И еще не совсем понимая, как он справится со всеми проблемами, о которых вела речь Алина, нутром почуял, что это будет в его силах. Тем более, что перспективы обогащения, как их обрисовала Алина, были столь заманчивы! А главное, просты по замыслу и реализации, как и всякая спекуляция. Хитрая баба уже все рас-

считала, иначе бы она об этом даже не обмолвилась. Словом, в какой-то мере он ее даже заужавал. Но одно обстоятельство просто не давало ему покоя: откуда она знает его прошлые грешки? И, не сдержавшись, заинтересовался на предмет ее осведомленности. К его удивлению, она не стала делать из этого секрета, и ответ ошеломил его. Вернее, не ответ, а встречный вопрос, от которого у него отвисла челюсть:

— Скажи, ты бы задал такой же вопрос Зяме? Ну, тому, который Шлеймович и которого ты так искал? Да рот-то захлопни.

— Ты знаешь Зяму? — только и смог вымолвить Антон.

— Гляди-ка, догадался, — неожиданно развеселилась Алина, и так же резко оборвала смех: — Когда-то он был моим учителем. Чего — не важно. Не пытайся гадать дальше, Бузыкин, и выбрось из головы всякие думки. Они вредят твоей девственно-порожней голове. Запомни одно: в этой стране очень просто можно из уголовного превратиться в государственного деятеля и наоборот. Первое ты проделал, хоть до важного чина пока недотянул. Но это — пока. Теперь бойся, чтобы не пройти путь наоборот. А для этого во всем слушайся меня и для начала не провали операцию. Все, свободен.

Операция с саквояжем прошла без сучка и задоринки, и хотя — увы! — лишь ничтожная сумма перепала на долю Бузыкина, но уже само созерцание инвалюты оттеснило все сомнения и страхи на задворки души. Да

они и были больше плодом его воображения. На самом деле никто за ним не следил. Кому придет на ум следить за своим сотрудником, когда все силы НКВД брошены на борьбу со спекуляцией. О, это страшное вселенское бедствие уже набрало сумасшедшие обороты, и раковой опухолью расплзлось по всей стране. Но особенно огромные масштабы спекуляция обрела в Украине, как следствие постигшего республику голодомора. Об этом написаны сотни книг, поэтому не будем подробно останавливаться на явлении. Скажем только, что, как и во всех смутах, в этой привольно чувствовали себя спекулянты. Дело в том, что с осени тридцать первого года валютные магазины открылись уже для всех желающих, а не только для иностранцев. И расторопные люди — не те, конечно, что несли в торгсин чудом сохранившиеся фамильные драгоценности в обмен на продукты питания, а имевшие хороший запас валюты, — стали делать деньги из воздуха: на полученные за валюту боны торгсина они закупили меха, роскошные ковры, изделия из драгметалла, антиквариат, а также товары первой необходимости и те же продукты питания и по чудовищным ценам реализовывали все это на черном рынке.

Эту часть дела взяла на себя Алина. Понятно, что торговала она не сама, а сдавала товар перекупщикам. Начав с одного-двух, у нее постепенно образовался целый штат надежных людей, которых в случае ареста приходилось вызволять Бузыкину. Большого труда это не составляло: милиционеры тоже голодали, и у

каждого имелась семья, которую надо было чем-то кормить. Короче, ему отводилась роль «крыши». Он и предупреждал барыг о готовящихся облавах. Не надо думать, что занимался этим только Бузыкин. Сплошь и рядом чекисты предлагали такие свои услуги, и считалось большой удачей взять барыгу «под крылышко»: это был шанс постоянного дохода, а с ним и хоть какая-то уверенность, что твоя семья будет обеспечена. То есть появилась своего рода конкуренция, и, чтобы Антон мог действовать эффективнее, Шклабада рекомендовал его в особый отдел НКВД, предварительно повысив в звании. Сделано это было, конечно, по ходатайству Алины. Как мы уже упоминали, зашагал он по этой лестнице довольно ходко, получая звание за званием, и кто знает, каких бы высот достиг, если бы не пожачничал в отношении своей супруги. Случилось это уже в год закрытия торгсина. По его мнению, она прикарманивала большую часть их оборота. И еще он обнаружил, что Алина тайком от него стала переправлять за границу антиквариат и драгоценности, пользуясь услугами знакомых иностранцев. А они у нее были. Собственно, так поступали многие успешные люди: ведь вывоз товара был совершенно свободным — лишь бы была квитанция торгсина. Когда же он осмелился упрекнуть ее в этом, она прищыкнула: дескать, знай, сверчок, свой шесток, не то накличешь на себя беду. Все это, мол, делается с ведома самого Шклабады и для его нужд в том числе.

Бузыкин сделал вид, что поверил, и даже поклялся, что больше никогда не влезет не в свое дело. При этом он разыграл такой испуг, что она успокоилась: будет, дескать, молчать, как рыба. Но в действительности он просто затаился: он уже точно знал, что тут Алина «кидает» своего шефа, или кем тот ей приходится, и вряд ли такая информация ему понравится. Таким образом забрезжила надежда если и не избавиться от нее, то выйти из-под ее контроля. Осталось только ждать удобного момента. И он вскоре выдался, этот момент, когда Шклабада в очередной раз приехал в Херсон и сам пожелал встретиться с ним. При этом он проигнорировал Алину, не сообщив ей даже о своем приезде. В конце беседы Бузыкин как можно наивнее поинтересовался, как дошла — и дошла ли? — очередная партия товара до адресата. И пояснил ничего не понявшему шефу, что Алина отправила (как всегда!) меха на такую-то сумму на таком-то корабле, с таким-то человеком — имя, фамилия, статус. (Все, как по протоколу, не зря же в органах служит). И по тому, как долго Шклабада переваривал сие известие, Бузыкин понял, что попал в точку. Тогда, ободрившись, не преминул сообщить, что на днях Алина собирается отправить еще одну партию. Только, мол, пока он не установил, с кем.

Полковник медленно вышагивал по кабинету, сосредоточенно о чем-то размышляя и лишь изредка поглядывая на подчиненного. Наконец остановился и, глядя прямо в глаза Бузыкину, спросил:

— Следишь, значит, за Алиной? Ну, я так и думал. Считаешь, что обделяет тебя? Да не прикидывайся паинькой, я тебя насквозь вижу. Вы мне с этой дележкой вот где сидите! — провел он рукой по горлу. — Но за информацию благодарю. Только смотри: если сбрехал — она с тобой сама будет разбираться. По-семейному, так сказать.

— А если нет? — напрягся Бузыкин. — Если это сущая правда?

— Тогда останешься один, — непонятно усмехнулся Шклабада. — Тогда придется тебе с ней развестись. Ладно, иди и жди вестей.

Разочарованным и сникшим покидал Бузыкин кабинет шефа. Не на такую меру наказания для Алины он рассчитывал. Чем-то, видать, дорога она полковнику, что решил не избавляться от нее.

Но ни разборок с Алиной, ни развода не последовало. В тот же вечер, вернувшись со службы, Антон уже не застал ее дома. Опытная аферистка (о чем он узнает только спустя годы), она сразу почуяла неладное в скрытом от нее вызове мужа к шефу и исчезла из их жизни. Исчезла, прихватив изрядную сумму его личных сбережений. Взамен она оставила ставшие ненужными ей документы на имя Алины Бузыкиной и готовый к отправке товар; тот, о котором он и предупреждал Шклабаду. Но как истинный аферист-аристократ, она напоследок подсказала «подельникам» (а именно так она и обратилась к «мужу» и Шклабаде в прощальной

записке) оптимальный вариант выхода из создавшегося для них трудного положения. Вариант был прост в решении, как и все, за что бралась Алина. Следуя ее совету, а больше приказу самого Шклабады, Антон опознал в обуглившись останках одной из пациенток морга свою жену (при той по «счастливой случайности» оказались документы на ее имя, которые почему-то не сгорели!) и поспешно похоронил бедняжку. Таким образом были сняты с повестки дня все вопросы коллег по исчезновению Алины. А его искренняя скорбь о значительной потере валюты была принята ими за грусть-печаль о любимой супруге.

Дела без Алины пошли ни шатко ни валко, а вскоре торгсин и вовсе прекратил свое существование. А через год, то есть в 1937 году, Бузыкин в последний раз встретился с шефом. Увидел и поразился перемене, произошедшей с ним: Шклабада сильно постарел и осунулся. Куда и подевалась его гордая осанка и всегда ироничный, чуть насмешливый взгляд. Даже движения стали уже не столь энергичными, как прежде.

— Переводят меня в другую республику, — пояснил он Антону, — потому и вызвал. Вполне может стать так, что никуда я уже не доеду. По моей ли, по чьей ли чужой воле — неважно. Но что бы со мной ни случилось, ты не засветишься. Почему? Потому что мне нет резона лишать тебя жизни. Живой ты намного больше навредишь этой власти, нежели просто расстрелянный ею. Не-ет, такого подарка я им не сделаю. Я непримиримый

враг власти, но не враг родины, а ты хорош тем, что без всяких приказов дискредитируешь эту власть в глазах народа эффективнее, чем все, вместе взятые, западные пропагандисты. Живи, Бузыкин, на горе моим врагам. Но вот мой совет: убирайся-ка ты подобру-поздорову из этих краев, да поживее. Я тут вспомнил, что говорил о тебе Кадченко, и полностью согласен с ним. Подай рапорт на службу в лагерь — там твое место. Я успею походатайствовать, чтобы ускорили твое отправление, и это последнее, что я могу сделать для тебя. Просись дальше к северу: дескать, по зову сердца, во благо партии и т. д. и т. п. Тогда о тебе тут быстрее забудут. А то неровен час, всплывет какой-нибудь мелочный эпизод из твоей богатой биографии — и загремишь ты в те же лагерь, но уже не в качестве надзирателя. И это при лучшем раскладе, конечно. При любом другом — прощай, молодость! Тебе оно надо, а, Бузыкин? — На мгновение в его усталых глазах блеснул прежний ироничный огонек, но тут же и погас. — И запомни: если когда и доведется свидеться с Алиной — не дай тебе Бог признать ее. Заруби это себе на носу. Она выкрутится из любого положения, а вот ты вряд ли. Она даже меня обвела вокруг пальца, чего до нее не удавалось никому. Эта аферистка сейчас в Бессарабии, замужем за румынским князем, и я не удивлюсь, если вскоре ее коронуют на их престол. Ты все понял?

Бузыкин кивнул, хотя понял далеко не все.

— Тогда пиши рапорт.

Шклабада встал и прошелся по кабинету. Потом взял написанное Бузыкиным и положил в стол.

— Вижу, что-то хочешь спросить?

— Фотография? — слотнул Антон и затаил дыхание.

— Э-эх, а говоришь, что все понял, — грустно покачал головой Шклабада. — А ведь я сказал, что ты без всякого принуждения нужный мне человек. Ее нет, фотографии твоей, забудь. Нет как нет, будь спокоен на этот счет. Единственное, что от тебя теперь требуется, — это продолжать жить, как живешь. Невелика проблема? Ну, вот. А для этого никакой шантаж не нужен.

Пройдет время, и уже перед самой войной, будучи «кумом» в Тайшетлаге, узнает Бузыкин о том, что полковник «приказал долго жить». Что погиб он в тот самый тридцать седьмой при невыясненных обстоятельствах, очень даже похожих на самоубийство. И вздохнет Бузыкин полной грудью за столько-то долгих лет: не обманул полковник, не засветил его. Раз уж за это время никто никуда не вызвал Антона, значит, ушла тайна в могилу вместе со Шклабадой. Свалился с души страх быть разоблаченным!

И вновь осмелел незаслуженно подзабытый Бузыкиным тот клейкий зануда; вновь подсаживается к нему по ночам и поет дифирамбы, что мы, мол, еще с тобой повоюем с людьми. Помнишь, как тогда в Украине? Вот и тут работы разгуляй-поле: вон сколько богомольцев развелось — тьма! Корчуй, Тоша, корчуй!

Выдирай с корнем, пока не сели на голову. Они ж, как саранча, множатся.

И Бузыкин корчевал. В поте лица трудился мужик: измывался, избивал, сажал в карцер, — за что и был однажды отмечен почетной грамотой. Не орден, конечно, но приятно. Все награда.

—*—*—*—

О том, что полковник Шклабада ушел из жизни, узнал теперь и майор Лукин из ответа херсонских коллег. Узнал с сожалением: оборвалась важная цепочка в расследовании, и это был первый прокол. Потом, когда он уже вернулся из Алма-Аты в Ленинград, пришло более обнадеживающее известие по другому его запросу. В пространном ответе об Арсении Гулько сообщалось, что он жив и по окончании очередного срока находится на поселении в деревне в двух-трех верстах от Белозерска, на Вологодчине. Но если Лукин хочет что-то у него узнать, стоит поспешить: бывший зэк, по сведениям комендатуры, находится в тяжелом состоянии.

Не теряя времени, майор оформил командировку и выехал в Вологду. Что он узнал об Арсении из ответа? Совсем немного: школьный учитель, неожиданно ушедший добровольцем на фронт в первую мировую войну. Следом еще более неожиданный поворот в судьбе: сознательно вступил в партию большевиков и до последнего дыхания защищал советскую власть. И вот этот закаленный боец и преданный член партии после

тяжелого ранения вдруг обращается к Богу. Дальше шло перечисление сроков отсидок: когда, за что и где. Последний раз в Херсоне забирали его из детдома, где он работал сторожем, а этот период его жизни больше всего и интересовал майора Лукина. Хотя этим сроком лагерный путь Гулько не ограничивался. Примечательно, что все эти годы за ним следовала его жена сначала с одним, потом с двумя, а сейчас и с тремя детьми. Это исходило из того же ответа на запрос (спасибо херсонскому коллеге, не поспевавшему на подробности).

«Прямо декабристка какая-то», — без всякой иронии недоумевал тогда Лукин. Это потом он перестанет удивляться, когда столкнется с целым рядом подобной жертвенности жен осужденных верующих, а в настоящий момент это показалось ему в диковинку.

Арсения он нашел в одном из трех деревянных барачков, стоявших в ряд по деревенской улице. От крыльца внутрь барака вел длинный коридор с дверями по обеим сторонам. За одной такой дверью в однокомнатной квартире и проживал Гулько с женой и двумя детьми. Третий, уже взрослый, работал в Череповце, откуда, кстати, Лукин и добирался на перекладных до этой глухой деревушки. И если первый, самый длинный, отрезок пути до Белозерска он ехал на «полупорке», то последние три километра до деревни пришлось сначала отложить из-за разыгравшегося бурана, а потом преодолеть на санях в компании с местным участковым милиционером. О том, чтобы добраться туда машиной, не могло быть и

речи: за ночь дороги так замело — никакая техника не пройдет. Переждав в городке непогоду, ранним утром выходного дня выехали они в деревню. И надо сказать, Лукин основательно перемерз в дороге, ибо декабрь на Вологодчине — время стойких морозов.

Указав майору барак, сам участковый отправился по своим делам. Договорились, что поедут назад через пару часов. Не думал Лукин тут долго задерживаться, но оказалось, что этого времени будет недостаточно.

Арсений встретил его лежа на железной койке, но после того, как Лукин представился, с помощью супруги встал и подсел к столу, за которым уже расположился гость. С полатей за ними настороженно и вместе с тем с любопытством наблюдали две пары детских глаз. Жена Арсения, Мария, подав майору кружку горячего чая (для сугреву, как она выразилась), села у порога на лавку и также замерла в каком-то покорном ожидании, явно готовясь встретить очередное неприятное известие. Почему неприятное? Так ведь такой чин из Ленинграда просто так не приедет. Лукин это понял и постарался быстрее рассеять их подозрения, сказав, что прибыл неофициально и по вопросу, который напрямую их не касается.

— Зачем же тогда я понадобился, гражданин...

— Называй меня — Федор Игнатьевич, — перебил Лукин. — Или просто Федор. Мы ведь годами недалеко друг от друга ушли.

— Хорошо, Федор Игнатьевич. Так зачем?

— Мне нужна твоя помощь, Арсений, — продолжил

майор как можно мягче и выложил на стол фотографию матроса Георгия Видова: — Взгляни, тебе кого-нибудь напоминает этот человек?

Арсений лишь мельком взглянул на фотографию, отодвинул ее и вопросительно поднял глаза. Майор понял.

— Мне это нужно, чтобы закончить расследование по делу бывшего капитана НКВД Бузыкина.

— Бузыкина! — весь подобрался Гулько. — Антона?

— А ты и его знаешь? — не менее удивился, даже обрадовался Лукин. — Вот это уже удача, так удача. Так знаешь, говоришь?

— Знавал. А... почему бывшего?

— Потому что сейчас его судят как военного преступника.

— Как преступника! — не удержался на этот раз от восклицания Арсений. — Вы сказали: преступника? — Он повернулся к жене: — Мария, ты слышишь? — И снова к майору: — Неужели разоблачили этого изверга и он наконец-то получит по заслугам?

— Значит, ты знал его?

— Что вас конкретно интересует?

— Его деятельность в Херсоне в конце двадцатых годов. Современного материала на него хватает за глаза, но мне важен именно тот период. Может быть, ты знаешь, с кем он водил дружбу? Прикрывал кого-то, что в то время было на каждом шагу? Или, наоборот, кто-то прикрывал его? В общем, его связи.

— Понимаю, — кивнул Гулько и придвинул к себе фотографию. — К преступлениям Бузыкина этот человек вряд ли имел хоть какое-то отношение. Это Владлен Полуяровский, художник. Потом...

Лукин, недослушав, вскочил при этих словах и взволнованно заходил по комнате. Молча понаблюдав за ним, Арсений продолжил, медленно расставляя слова:

— Потом он занялся антиквариатом и разбогател. Долгое время ладил с властями, подкармливал их... — Он снова смолк, внимательно изучая фотографию. — Хотя что-то в нем не то. Как бы и он, и не он. А может быть, и зря сомневаюсь: память уже не та, что прежде.

— Нет, дорогой друг, — справился наконец майор с волнением и взял фотографию из рук Гулько: — Сомневаешься ты правильно. Это фото другого человека. Это матрос Видов, а не Полуяровский.

— Жорик? — выдохнул Арсений, интуитивно подавшись вперед всем корпусом. Теперь настал черед ему разволноваться: — Как же я сразу не догадался? — И вдруг схватился рукой за сердце и обмяк от ошеломившего его известия. Моментально подскочившая Мария бережно увела его обратно на койку и уложила, повыше подложив подушку. Потом умоляюще взглянула на Лукина:

— Пусть немного отдохнет, а потом договорите.

— Ладно, ладно, — виновато засуетился майор. — Ты, Арсений, только не волнуйся. Не думал я тебя так-то оглушить. Мне ведь сказали о твоём состоянии, а я... Ах, ты, беда-то.

— Не винитесь, Федор Игнатьевич, это весть хорошая. Мы о такой вести с Марией сколько уж лет молимся. И вот домолились. Теперь спрашивайте: что сам не вспомню, Мария подкажет.

— Нет-нет, все потом. Успеется, если что.

— Но я же вижу, что вам не терпится. Спрашивайте.

— Ты сказал, Жорик? Кто это?

— Жорик, сын Владлена и Ксении.

— Он так похож на отца?

— Как две капли воды. Но есть что-то неуловимое, что отличает одного от другого. Когда присмотришься.

— Теперь ясно, почему так переполошился Бузыкин, увидев его: он ведь подумал, что это Владлен. Да-а, подобная ситуация кого хочешь перепугает. Откуда это все тебе известно?

— Я сдал Жорика в приют после исчезновения родителей. У меня с ними были встречи на их тайной квартире, и в очередной мой приход я застал там только их сынишку. Ждал день, два, но они так и не вернулись за ним. О них уже тогда мало кто вообще что-то знал, потому что им приходилось скрываться от властей. Кто говорил, что их давно арестовали, кто-то утверждал, что убили. А у меня только-только заканчивался условный срок, и, понятное дело, был я «на крючке» у милиции. В общем, времени на обдумывание, как уберечь мальчонку, не было, а приют показался мне самым надежным местом. Главное, думал я, чтобы никто не узнал, чей это сын, — ну, чтобы исключить

тем самым возможный шантаж со стороны властей, когда объявятся родители. А уж им-то я нашел бы как сообщить, где он. Сдал его, как подкидыша: в то время это было обыденным явлением. Имя он уже выговаривал, а фамилию там придумали. Нянечка одна им залюбовалась, что, мол, экий видный парень — прямо загляденье. Вот он и вышел — Видов. Потом я и сам устроился сторожем в тот приют, чтобы присматривать за ним. А вот родителей так и не нашел. — Арсений тяжело вздохнул: — Мы бы с Марией забрали его к себе, но знали ведь наверняка, что не за горами следующий срок. Зачем же второй раз сиротить ребенка. Он уже смысленый был, когда я потихоньку рассказал ему о родителях: дескать, живые они. Мне, и правда, не хотелось верить, что их убили. Это уж потом поверил, когда очевидцы подтвердили. Но произошло это через много лет. Что стало с Жориком, не знаю. После второго срока я был уже невъездным в те края.

Арсений замолчал и вновь вопросительно взглянул на Лукина:

— А он, значит, жив? Ну, Жорик, то есть?

— Жив. С войны вернулся инвалидом, и тем больше теперь его тоска о родителях. И хоть понятия не имеет, кто они были, и тебя помнит смутно, но те твои слова о них запали в душу. И вот сейчас... — Лукин заколебался: говорить — не говорить. Решился: — Сейчас, когда он стал верующим человеком, в нем возродилась надежда отыскать их.

— Слава Богу! — в голос выдохнули Арсений с Марией.

— Он ведь не знает того, что знаешь ты. И это одна из причин, почему я здесь. Возможно...

Тут майор, наконец, перехватил жалобный взгляд Марии:

— Все, все, Арсений. Подожду, когда оклемаешься, подробнее расскажешь потом. А мы пока вот что сделаем.

Он встал, открыл свой походный саквояж и начал выкладывать его содержимое на стол. Потом взглянул вверх, на полати:

— А ну-ка, огольцы, слезайте, будем пить чай с кренделями! Смотрите: у меня тут еще и лампасейки, и сайки, и пряники есть. Слезайте-слезайте! Мария, позови детей.

— Ой, да куда же вы столько, — простодушно всплеснула она руками. — Вам же, поди, еще сколько времени ехать надо.

— Совсем нет, Мария. Вы даже не представляете, как вы ускорили мне весь процесс. Отсюда я возвращаюсь в Ленинград. Хочу успеть до суда над Бузыкиным, а благодаря вам, о нем теперь есть все, что нужно. Ну, поторопи ребятешек, а то они что-то несмелые у вас.

— Ваня, Ксюша, давайте сюда, — позвала она и смущенно отвела глаза. — Только у нас и кружек-то на всех нет.

— Ну, это ничего, у меня своя походная имеется. Ты угощай ребятшек, и сама с Арсением угощайся. Ты как на это, Арсений?

— Попробуем, — приподнялся было тот на локоть, но снова бессильно откинулся на подушку и виновато улыбнулся:

— Пережду я маленько. Вы только не осерчайте, Федор, что мы сначала помолимся и поблагодарим Бога за подарки. За то, что Он послал вас к нам. Мы уж и не помним нормального человеческого отношения к нам со стороны... — Он запнулся: — Ну, в общем, сами понимаете, с чьей стороны. Я сердцем чувую, что вы не против нашей молитвы, иначе зачем бы хлопотать за верующего человека. Ваня, Ксюша, поблагодарите Господа за Его милость.

Дети в молитве встали у стола, и комок горечи подкатил к горлу Лукина при виде их исхудалых теляц: Ксюше было четыре, Ване — шесть лет. Но не их вид поразил его (голодные дети в стране не редкость, уж он-то знал об этом не понаслышке!), а их глазенки, излучающие искреннюю благодарность Богу. А главное, они обращались к Нему в полной уверенности, что Он их слышит! Будто Бог стоит рядом! Это было видно из того, как они молились. Слушая их молитву, он поймал себя на том, что завидует этим крошкам. Нет, наверное, все-таки не им, а вот этой их наивной, еще не обремененной мирскими сомнениями вере. И подумалось с грустью, что он-то уже никогда не сможет так поверить, как бы

ни старался. Еще он вспомнил, но уже с улыбкой, как Вера Медянская так же вот благодарила Бога, и он тогда даже огорчился, что благодарят не его. Хотя вроде бы радость того момента принес он. Но сейчас молитва ребятишек столь органично вплелась в его восприятие точно такого же момента, что где-то в самых потаенных глубинах души он почувствовал их благодарность, как бы переадресованную ему. Переадресованную Богом. И отозвалась она в нем таким благословением, какого никогда не испытаешь от обычного «спасибо». Достаточно сказать, что глаза этого далеко не сентиментального мужчины увлажнились, хотел он этого или нет. То есть это его доброе деяние вернулось ему сторицей через молитву детишек Богу. (Пройдет время, и он уже будет точно знать, что «всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов»).

А пока... Пока он в сильном смущении (что о нем подумают Мария с Арсением! Да те же дети!) смахнул с ресниц невольные слезы благоговения и усилием воли подавил в себе желание присоединиться к благодарной молитве Богу. Но потаенная борьба эмоций, ясно отражавшаяся на лице майора, была красноречивее слов и свидетельствовала как о духовном порыве, так и о том, с каким трудом удалось погасить его. Все это не ускользнуло от внимания опытного Гулько.

— Посидите с детишками, Федор Игнатьевич, — попросил он. — А я бы пока с мыслями собрался, а? Посидите с ними.

— Да, да, конечно, — с готовностью закивал Лукин.
— Что-то размечтался я. Ты обмолвился, что потом все же узнал о судьбе Полуяровских. Что? Ты повспоминай, пожалуйста, пока я с детворой чай погоняю. Хорошо бы начать с Ксении: как познакомились с ней, за что ее убрали... С Владленом у нас более или менее что-то ясно, а вот о ней — совсем ничего.

—*—*—*—

Арсений видел, как быстро завязалась непринужденная беседа Лукина с ребятишками, и в полном удовлетворении закрыл глаза. «Хорошего человека послал нам Господь, — подумал он. — И послал явно неспроста. Что он просил? Ах, да, начать с Ксении... Будто знает, что не проходит и дня, чтобы мы с Марией не вспомнили ее. Все у нас с Марией связано с ней. С самой первой встречи».

Он грустно вздохнул и предался воспоминаниям. И уже словно издали доносилось до него щебетанье разговорившихся детей, изредка перебиваемое густым басом гостя. В этом пограничном состоянии между сном и явью все ему виделось так, как было тогда, в далекие теперь двадцатые.

Да, знакомство состоялось в тот памятный день в Благмоне, когда над ним, умирающим, склонились в молитве Ксения и матушка монастыря. Жадно вслушиваясь в простые, доходчивые слова, он вдруг увидел ослепительный свет, хотя солнце даже не угадывалось

за низко зависшими над землей свинцовыми тучами. Свет был настолько ярким, что он зажмурился, но и с закрытыми глазами отчетливо видел этих двух женщин; только стояли они почему-то уже не здесь, рядом с ним, а где-то поодаль, и от них его отделяла широкая полноводная река. Они призывно махали ему и в то же время указывали на него какому-то человеку, стоявшему на берегу в белой одежде. Арсений даже видел, как набегающая на тот берег вода омывала его босые ноги.

«Перевозчик Харон! — пронеслось в затухающем сознании бывшего учителя истории, и его сразу охватило равнодушие: — Это конец. Значит, это не миф. Я у врат Аида. — И, проведя языком по небу, забеспокоился: — Но если я покойник, то где же драхма, чтобы заплатить за перевоз? У меня ведь нет ее. И где же его лодка?»

Он прекрасно помнил легенду о Хароне и принялся взглядом искать лодку. Но ее нигде не было, зато увидел, как тот человек пошел к нему по воде босыми ногами. В то же время он продолжал слышать призывные голоса молящихся и наконец разобрал слова: «Господи, спаси и помилуй!»

«Господи? — напрягался он. — Кого это они зовут? — И догадка молнией пронзила мозг: — Это не Харон! Это Христос!»

— Иисус, спаси и помилуй! — вскричал он вслед за ними в вспыхнувшей надежде. — Господи, я всю жизнь посвящу Тебе!

Ему казалось, что он вопиет к Богу, не смолкая, но из уст вырывался только слабый стон. И вдруг ощутил, как заботливые руки Христа с легкостью приподняли его, плавно перенесли через реку, и поставили рядом с вставшими на колени женщинами. А когда эти руки отпустили его, он увидел на них кровоточащие раны от гвоздей.

«Эта кровь и за мой грех! — ужаснулся он, сразу вспомнив давно забытые события из Евангелия. — Но разве достоин спасения такой грешник, как я? Чем мне заслужить прощение, Господи?»

И голос дивной мелодией прямо в сердце: «Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным». — И тихим вопросом: «Согласишься ли?»

— Всю! Всю оставшуюся жизнь буду исповедовать Тебя, Иисус! Только Тебя, Господи! Только бы Ты простил! — кричит Арсений. Беззвучно, безнадежно. И падает на колени между Ксенией и матушкой.

И вдруг почувствовал, как утихла, притупилась боль: это Он пронзенной рукой коснулся его ран. Волна неизъяснимого блаженства разлилась по всему телу, а в легком дуновении ветерка почудился ласковый голос: «Вот, это коснулось тебя, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен!»

Свет стал медленно угасать и удаляться, превращаясь в трепетное марево, и вот уже облик Спасителя совсем растворился в синеве неба. Но Арсений все

еще ощущал тепло Его рук, приникнув к ним губами и слыша отдаленный голос: «Теперь ты в молитве с ними, а значит, и со Мной!»

— Благодарю Тебя, Господи, — прошептал он... и очнулся. Матушка с Ксенией уже завершили молитву и благословляли его путь. Арсений смог улыбнуться: — Теперь мне и умирать не страшно.

Весь путь до Херсона он был в сознании и молился, как и велела Ксения. Потом провал куда-то в бездну и долгая борьба за выживание. Консилиум врачей на первом же осмотре зачислил его в безнадежные: «мешок с перемолотыми костями», как выразился присутствующий там профессор из Одессы. И только в порядке соблюдения клятвы Гиппократы решили все-таки прооперировать, а не дать спокойно умереть. Последнее вроде бы даже гуманнее было. А он выжил, несмотря на их пессимизм. И как только его перевели в палату, Ксения посетила его, и все время ее визита они провели в молитве. Так было после каждой операции (а их было пять!), и всегда она неизменно появлялась у него, молилась и читала Новый Завет. Вскоре скептическое отношение врачей к шансам пациента выжить стало меняться: из безнадежных он был причислен сначала к просто тяжелым, потом тяжелым, но положение стало стабильным, и наконец кризис миновал и вовсе. Тогда, уходя, она оставила ему Библию, которую он надежно прятал от постороннего глаза до полного выздоровления и выписки.

— Ты, Арсений, прямо в рубашке родился, — улыбнулся на прощание главврач. — За твою жизнь я не давал и одной десятой процента из ста. Не скрою, между прочим, что не дал бы и сейчас, если бы кого-то привезли в таком же состоянии, потому что... Понимаешь: ты не должен был выжить, и это не только мое мнение. Мой учитель из Одессы, светило медицины, профессор, осмотрев тебя, пришел к такому же выводу. Это только твой хирург еще на что-то надеялся, а больше никто. — И весело подмигнул, указывая на небо: — У тебя там, случайно, никого нет? А то похоже, кто-то замолвил за тебя словечко.

— Есть, — серьезно ответил Арсений. — Мой Ходатай на небе.

— Даже так, — совсем развеселился врач. — Ну, раз ты уже и шутить можешь, значит, действительно с тобой все в порядке.

— Я не шучу, доктор. Сам Иисус Христос просил обо мне Своего Небесного Отца. Поэтому я и выдюжил.

— Ну, ты... это... того, — улыбка сползла с лица доктора, — шути, да знай меру. За это... сам знаешь!

— Знаю, доктор, но не боюсь. Кого мне бояться, если то, что Сам Бог заботится обо мне, — истинная правда. И хочу, чтобы вы это тоже знали. Люди молились, чтобы Бог дал вам мудрости, а рукам хирурга терпения и искусности, чтобы спасти мне жизнь. Вы это сделали. Так прославьте же Его за дарованный вам талант. Вы ведь не сомневаетесь, что талант бывает только от Бога?

Доктор явно растерялся от такой неожиданной постановки вопроса и оглядывался по сторонам, будто искал чьей-то помощи, но в кабинете никого не было. Усилием воли он взял себя в руки.

— Ты вот что, Гулько, — сказал тихо и как-то бесцветно, — иди домой подобру-поздорову, а не выдумывай небылиц. А то ведь могут подумать, что у тебя это следствие болевого шока. Ну, что ты — того, — покрутил он пальцами у виска.

— Но вы-то ведь так не думаете? — не унимался Арсений.

— Мое мнение в данном случае будет мало что значить, — уже жестче сформулировал свою позицию доктор. — Боюсь, что это будет заботой психиатрии. Советую и тебе побояться на этот счет. Но все равно, я рад за тебя и желаю счастливых дней в будущем.

— Спасибо, — поклонился Гулько. — И оставайтесь с Богом.

Это было его первое свидетельство об Иисусе Христе и начало данного им обещания посвятить свою жизнь Богу, Которого он услышал в тот критический для него момент. И уже никогда не отступался от обещания, безбоязненно проповедуя Слово Божье. Обращение ко Христу означало для него не простой поход в церковь, чтобы поставить свечку (кстати, он туда как раз и не ходил), а верное служение Господу. Вот запись из официальных документов: «Боец Гулько примкнул к религиозной секте фанатиков и стал заниматься про-

пагандой религии». Ну, и уж совсем ни в какие ворота тот факт, что он, встречаясь с бывшими однополчанами (не только с ними), стал говорить им о Боге и призывать людей каяться в грехах. Многие полагали (возможно, с подачи главврача), что это последствия тяжелого ранения красноармейца, что болевой синдром, мол, и все такое. И надо отдать должное власти, которая, учитывая его боевые заслуги, долгое время пыталась образумить отступника. Но когда ни уговоры, ни угрозы не возымели действия, определили в психушку на полгода. Как бы его же жалеючи: может, мол, одумается мужик. Не помогло. Хотя надежда такая у властей появилась: после «лечения» Арсений обзавелся семьей. Марию он встретил на собрании в церкви, куда его привела Ксения, и через два месяца после их крещения была скромная свадьба. Вот только это время и погулял он на свободе. Недолго, прямо скажем. Вскоре за распространение запрещенной литературы он угодил в тюрьму на два года. Срок в большей степени был обусловлен тем, что он не назвал лиц, которые эту литературу ему поставляли. И хотя власти знали, что тем источником была семья Полуяровских, доказать и «пришить» им ничего не смогли. То ли было еще какое-то правосудие в двадцатых годах, то ли сыграли роль деньги и связи Владлена. А может быть, и то, и другое. Отсидел Арсений год и досрочно освободелся. На этот раз гулял на свободе подольше, но зато и срок следующий был посолиднее: три года лагерей с

последующей ссылкой на ровно таких же три. Тогда-то он и потерял Жору из виду. Щемящая тоска тяжелым гнетом легла на сердце, и он невольно застонал.

— Сеня, Сеня, очнись, — легонько затормошила его Мария. — Товарищу майору уезжать скоро. За ним уж приходили, да он отложил, чтобы с тобой поговорить.

— Надо же, уснул, — смущенно тряхнул он головой, прогоняя сон, и укорил ее: — Ты разбудила бы, Маша.

— Все нормально, Арсений, — подсел к нему на табуретке Лукин. — Мария мне многое успела рассказать. Теперь я в курсе вашего, так сказать, бытия. Один вопрос остался у меня.

— Говорите, Федор Игнатьевич.

— Кто-нибудь может показать могилу Ксении? Спросят ведь меня друзья матроса, а что сказать, не знаю.

— И я этого не знаю, — с сожалением вздохнул Арсений. — Впрочем...

— Ну-ну, что?

— Есть один человек, хорошо знавший тогда Бузыкина.

— Бузыкин от всего откажется.

— Этот человек знал не только Бузыкина, но и все его окружение. Дальше вы поймете, к чему я клоню.

— И что это за человек?

— Женщина. Если верить одному моему другу по зоне, она была женой чекиста и погибла еще в тридцать седьмом. И вдруг приехала к нам в лагерь в составе

комиссии НКВД. Года два назад. Живая. Приехала как сотрудница из аппарата самого Френкеля.

— Во как! — присвистнул Лукин.

— Надеюсь, вам не надо пояснять, что испытывает каждый зэк, услышав это имя? Или?

— Ну, как сказать, — неопределенно пожал плечами майор. Он не настолько еще хорошо знал Арсения, чтобы довериться и сказать правду. — Догадываюсь, пожалуй.

— А я у него на Беломорканале был (это же его первое детище) и видел, как одно упоминание его имени наводит смертный ужас на зэков. Он там руководил строительством и столько судеб людских перемолол, что выжившие до сих пор гадают, каким чудом спаслись.

— В том числе и ты?

— Я не гадаю, Федор Игнатьевич. Я знаю, что Господь уберег, за то и не перестану славить Его. И потом: хоть для меня это уже и пройденный этап, но нигде больше я не видел таких зверств, как на канале. Это, наверное, потому, что он тогда из кожи лез, выслуживался, чтобы не отравили досиживать его собственный срок на Соловках. Именно там он замыслил наш теперешний ГУЛаг. Откуда сведения? Так зэки ж все знают! И о его прежней богемной жизни, и о жизни бандитской, и о несметном богатстве, которое у него было, и о последнем его аресте в тридцать седьмом. Тогда думали — все! Конец эпохи Нафтана Ароновича. Ан, нет, выкарабкался и тут.

Еще и генерала присвоили. Ну, это, как полагают опять же сведущие люди, компенсация за выбитые ему зубы и отбитые печенки на Лубянке. Довелось все же мужику хлебнуть из собственного пойма: на своей шкуре испытал эффективность адского своего изобретения. Но живой остался. Непотопляемый! Ну, хватит о нем. Теперь о даме.

— Да, Арсений. И что она?

— Ходила, высматривала, вопросы задавала. Даже записывала иногда ответы, пожелания. Ну, это, полагаю, больше для форсу. Так-то умная на вид бабенка, ничего не скажу, но тут вот что странно: фамилия ее была Котик...

— Котик? — удивленно вскинулся Лукин, но тут же взял себя в руки. — И правда, странная фамилия.

— Не-ет, тут странно другое: все обращались к ней, как к Маргарите Львовне. А мой друг знал ее под другими именами, последним из которых было... Угадайте, какое?

— Ну-ну, не тяни.

— Алина Бузыкина, — выпалил Арсений. — Жена Антона.

— Вот так раз! — изумился Лукин. — Просто час от часу не легче. — И засомневался: — А этот друг твой ничего не напутал?

— Исключено. Память у него была феноменальная: умножал, складывал, вычитал в уме такие цифры, что все лишь диву давались.

— Подробнее о друге можешь? Кто он, где, как?

— К этому и веду, Федор Игнатъевич, — улыбнулся Арсений. — Это был Зяма Шлеймович, шестидесятилетний еврей, довольно неприметный в зоне. Мне уже с полгода сроку оставалось, когда мы стали друзьями. Случилось это после того, как я случайно помешал уголовникам расправиться с ним. Что уж они там не поделили — не мое дело. Их тогда две группировки было, и за верховенство в зоне воевали урки нещадно. Поговаривали, что Зяма вроде бы поддерживал сначала одну сторону, потом переметнулся к другим. И один из «воров в законе», мол, испугался, что Зяма пошлет на свободу «маляву» о его беспределе. А там могут это не одобрить и лишить «пахана» финансирования. Вот и заказал его своим шестеркам. Они его за штабелями леса подкараулили, сбили с ног и давай мутузить батогами. А уже темень была — глаз выколи! И забили бы до смерти, но тут я на их беду оказался. На беду, потому что помял я урок изрядно, и хоть они и смогли убежать, но Зяме не составило труда вычислить их на следующий же день. И вычислил, и посчитался с ними, а заодно и с тем, кто послал его на пилораму, куда якобы его зовут «на сходку». Ну, а путь туда аккурат мимо тех штабелей.

В общем, сдружились мы, хотя общего-то между нами как раз было немного. Но когда узнали, что оба жили в Херсоне, сблизились еще больше. Спорили, конечно, обо всем, но без последствий.

Как-то в разговоре я упомянул имя моего бывшего командира Ивана Нагнибеды, и тогда он мне рассказал о его гибели и о роли Бузыкина в этом деле. Дескать, этот чекист ловко тогда сманипулировал двумя враждебными друг другу людьми. Одним, мол, ударом двух зайцев убил. Причем в прямом смысле. Ваня ведь, находясь под арестом и подвергаясь пыткам, ухитрился застрелить своего бывшего ординарца Охрима в подвале «дома Рабиновича». А потом пустил пулю в лоб и себе. Дело в том, что как раз Охрим и истязал его в том подвале: после гражданской он сделал быструю карьеру чекиста и лютовал в особенности с теми, кому когда-то подчинялся. Отблагодарил, стало быть, своего командира. Выиграл от этого только Бузыкин, который подсунул Ивану в камеру наган, но дело сумел представить так, будто тот при допросе сумел вырвать оружие у самого Охрима. Таким образом Антон избавился от двух ненужных ему свидетелей, каждый из которых что-то знал о нем. А поскольку это «что-то» знал и Шлеймович, то сразу понял, чем это может кончиться и для него. К тому же и тот наган Бузыкин приобрел у Зямы. Тогда-то, чтобы хоть как-то подстраховаться, он рассказал обо всем Полуяровским. Между прочим, Нагнибеда был родным братом Ксении.

— Так-так-так, — нетерпеливо задвигался вместе с табуреткой Лукин. — Кое-что проясняется. Дальше.

— Реакция Владлена и Ксении на эту трагедию была разной. Владлен знал Бузыкина и в какой-то мере одобрил его действия. Освободиться от пыток, да еще и

умереть, забрав с собой своего палача, — о, это был достойный выход для Ивана. Ксения же оплакивала брата и долго не могла смириться с его уходом. Быть может, если бы она видела те пытки, которым он подвергался, то согласилась бы с мужем. В то время они уже скрывались от властей, и как раз Антону было поручено выследить их и арестовать. Похоже, чиновникам надо было как можно быстрее избавиться от Владлена...

— До того, как он успеет обвинить их в получении взяток, — уверенно продолжил Лукин. — Теперь все ясно. Раз он подкармливал их, значит, были и доказательства этого. И в случае их огласки этим взяточникам бы не сдобровать. Тогда Кадченко издает приказ о доставке художника живым, а устно приказывает их убрать, так?

— Наверное. Приказ этот видел и Зяма, потому и взялся помочь. Об устном он узнал намного позже. В общем, через какое-то время Шлеймович по просьбе самого Владлена устроил ему тайную встречу с Бузыкиным в Белозерке. Но никакой тайны на самом деле не произошло, потому что Зяма, преследуя собственный интерес, сообщил об их встрече и его начальству. Короче, на захват Полуяровского была послана группа чекистов. Как бы в помощь Антону. Там и произошли сразу две трагедии. Сначала Бузыкин отправил на тот свет Владлена и Ксению, а утром уже бандиты расстреляли всю его группу вместе с местными милиционерами, когда они пошли на облаву. Но среди них не оказалось Бузыкина, на что сильно надеялся Зяма и

для чего, собственно говоря, затеял все это: по какой-то причине Антон смылся в город еще до облавы. В живых остался и один его верный пособник, которого он послал похоронить Ксению. Вот и получается, Федор Игнатьевич, что это единственный человек, который знал, где она захоронена.

— Знал? — быстро взглянул на Арсения Лукин. — Или знает?

— Его как раз в те дни комиссовали со службы. Это был смертельно больной человек.

— И все же как его звали?

— Зяма называл фамилию. К сожалению, точно не помню. Кажется, Припасенко. Но ведь можно обратиться к этой даме, чтобы удостовериться: она знала все окружение Бузыкина, и у нее точно есть все данные. Да и вам это с руки: ведомство-то у вас одно.

— Ведомство одно, люди разные, — задумчиво ответил Лукин. — Но поживем-увидим. А что, с твоим Зямой не переговорить?

— К сожалению, нет.

— А что так? Найти человека — не проблема: был бы жив.

— В том-то и дело, что умер. Все зэки были уверены, что не без ее помощи. Ну, да это вам уже неинтересно.

— Нет-нет, ты расскажи. Кое-что меня уже заинтересовало. Итак, есть мнение, что она приложила руку к его смерти?

— Вечером того инспекционного дня он прибежал

ко мне в барак и вызвал на улицу: дескать, без лишних ушей поговорить надо. Я его таким смурным, даже обреченным никогда не видел. Ну, и спрашиваю, конечно, что с ним такое. А он мне:

— Чую, в последний раз мы с тобой видимся, Сеня. Много раз я смерть обманывал, на этот раз не удастся. Колючка мешает, уж больно она высокая. — И дает мне какой-то конверт. — Я хочу тебя кое о чем попросить. Сохрани это письмо до лучших времен. Оно к моему единственному близкому человеку, и я могу доверить его только тебе, потому что мужик ты верующий, под Богом ходишь, и так передашь по назначению, а не выбросишь тут же. Если я вдруг исчезну, пошлешь по адресу, который там, внутри. Ну, не с почтой, понятно, а когда освободишься; тебе ведь лямку тянуть всего ничего осталось. Вложишь в другой конверт и отправишь заказным. А вот это деньги для тебя, — показывает другой сверток, и поскольку я заартачился, силой засунул их мне в карман фуфайки: — Бери, бери, пригодятся на первое время, как на волю выйдешь. Это не краденые, а заработанные здесь горбом: те бы я тебе не предложил. А теперь к делу: ты эту даму в комиссии сегодня видел?

— Видел, — отвечаю, — и что?

— А помнишь, что я о Бузыкине рассказывал?

— Еще бы не помнить! Все помню, конечно.

— Все, да не все. В смысле, не все я тебе рассказал. Так вот, это его бывшая жена, Алина, которая якобы

сгорела в аварии. Никакая она не Маргарита Котик: у нее и до этого были имена, и я их знал, но от этого мне не легче. Главное — она меня увидела. А может, и специально приехала, чтобы увидеть и удостовериться, что это я. В общем, бегал я от одних, а попался другим. Получается, развела она тогда Бузыкина, как последнего фрейера. А заодно и Шклабаду, и в какой-то мере меня. И если, попав в руки полковника, я еще мог на что-то рассчитывать, то здесь мне полная труба. У тех, кто работает на Френкеля, нет места ни сантиментам, ни милосердию. Да мне и как-то не приходится сомневаться, что эта девка, будь она Алина, Марго или Тереза, постарается убрать старого еврея как можно скорее. Потому что у него есть один недостаток: очень много может о ней рассказать. Ведь я был ее наставником, когда она только начинала наводчицей у Мишки Япончика. Миша к тому времени с Натаном уже в паре работал. Хорошие были времена, приятно вспомнить. Но потом они изменились: Мишу красные прихлопнули, а Френкеля тяжело ранили. Получилось так, что мы с ней, да и не только мы, не помогли ему: кому охота помогать без пяти минут покойнику, когда за одну эту связь можно было составить ему компанию на тот свет?! А он взял да и выжил. И пообещал нам, что, поскольку, мол, вы не протянули руку помощи, так и протянете ноги. Кто тогда мог знать, что он снова пойдет в гору? Да еще в та-акую гору! Теперь, похоже, Натанчик простил ее,

раз отмазал от неминуемой вышки. Меня он не простит — я не баба. Это к ним он всегда питал слабость. Поэтому у меня один выход, Сеня: идти сейчас же к «куму» и просить о встрече с ней. Хочу убедить ее, что того Шлеймовича, каким я был, давно нет. Что я — ноль против нее. Понимаю, чем это чревато, вот и решил попроситься с тобой.

Я пытался его отговорить, что, может быть, она даже не заметила его. Мало ли что: не подошла ведь.

— Нет, Сеня, — говорит, — у меня на опасность рефлекс, а я всегда придерживался правила, что лучшая защита — это нападение. Вдруг да удастся убедить, что я ей не опасен. Что и в уме не держу шантажировать ее. Это единственный шанс, и я использую его.

Он еще говорил, когда нас окликнул надзиратель и, оставив меня, повел его в штабной барак.

— Ну, что я тебе сказал? — грустно усмехнулся он. Мне даже показалось, что с каким-то видом превосходства. Это были его последние слова: через два дня вынесли Зяму из карцера в деревянном бушлате. Поэтому я и уверен, что она свела с ним какие-то счеты. Наказ его я выполнил, как и обещал. Вот и все, Федор Игнатьевич. Есть тут хоть какая-то полезная информация для вас?

— Неполезных информации не бывает, Арсений. Конечно, есть.

— А я вот о чем думаю: за то, что я вам сегодня наговорил о власть предержащих, дают как минимум

пятерик. Давненько уж столько не разговаривал, а тут прямо прорвало. Это из-за Жоры. Радость вы принесли нам, вот я бдительность и потерял.

— Ну, что ж, — поднялся Лукин, — бдительность ты, и правда, в следующий раз не теряй. Люди бывают разные, в том числе и в нашей профессии.

— Ну, у нас на это опыт имеется, — улыбнулся Арсений. — Даже в зоне встречаются сердобольные начальники. Вы теперь в Москву или сразу в Херсон?

— Пока в Ленинград, а там видно будет.

— Жору еще увидите?

— Вряд ли. Но если и не увижу, найду с кем передать ваш адрес. Вам будет о чем написать ему.

Он подал руку Арсению, и тот с чувством пожал ее:

— Спасибо, Федор Игнатьевич. И храни вас Господь.

Лукин ласково попрощался с детьми, поблагодарил Марию и вышел к ожидающим его саням с участковым.

—*—*—*—

Новость, что у Бузыкина была жена, буквально огорошила майора. Он никогда об этом даже не задумывался, потому что в его представлении этот не-людь просто не нуждался в семейных узах. Да и в документах она нигде не фигурировала. А вот гражданка Котик Маргарита Львовна фигурировала. И не в одном документе, а во многих, хоть и под разными именами. И ни для кого из высшего эшелона чекистов не было секретом, что бывшая аферистка теперь пользуется

покровительством самого Нафталия Ароновича Френкеля. А его, поговаривают, боится даже Берия. Прощение своих грешков она вроде бы заслужила в сорок четвертом, когда сдала чекистам своего румынского мужа, местного князя, который из-за нее не побегал с немцами (тоже ведь любовь!) и прятался в деревне под Бухарестом. Знала княгиня, кому сдавать возлюбленного: не стала же оказывать его военным властям, которые в лучшем случае передали бы обоих тем же чекистам, но уже как собственный их трофей. И ни о каком с ней торге тогда бы не было речи. Ну, а в худшем случае — понятно, что. А так: князь поехал осваивать лесные просторы далекой Сибири, а «княгиня» — в Москву. Ни дать ни взять возвращение блудной дочери к не менее блудному папаше. Что там говорить: умел ценить Натан Френкель в людях изворотливость, ой, как умел. Ну, а ей этого качества было не занимать.

Обо всем этом Лукин знал, потому и не последовал совету Арсения обратиться за помощью в секретариат Френкеля. Слишком дорого может обойтись такое обращение. С другой стороны, его не оставляло желание довести до конца поиски матери матроса. Уж больно близко к сердцу он воспринял его судьбу, да и Вере обещал сделать все, что в его силах. И вроде бы уже и выполнил обещание: узнает теперь Георгий, кто он есть на самом деле, — чего ж еще? Ну, может быть, найдет еще могилу Ксении, но что это даст? Будет ли это Георгию во благо? А если, наоборот, только больше разбередит

душевную рану. Инвалиду это надо? И так, и эдак уверещевал себя Федор, а душа не на месте: нет, надо все же найти могилку. Он еще в поезде поймал себя на мысли, что думает теперь только о том пособнике Бузыкина, который должен был похоронить Ксению. Стоя в коридоре вагона, он прикидывал, сколько времени займет новый запрос в Херсон, и если потребуется, то поездка туда, и наблюдал за проносившейся за окном сиротливой стылостью зимнего пейзажа. Вот чуть помедленнее, будто для того, чтобы лучше рассмотреть, проехали какую-то совершенно безлюдную, без единого дымка над трубой деревеньку с покосившимися, как на подбор, заплотами и почерневшими стенами приземистых хат под заснеженными крышами. Брошенная, никому не нужная деревня. Сколько их осиротила война? Да и война ли только? Лукин определенно знал, что нет: не столько над этим потрудилась она, сколько сами люди, планомерно истреблявшие свой народ целыми деревнями и загонявшие людей в лагерь задолго до мирового пожара. К тем людям в форме принадлежал и он. Потому-то так тоскливо, даже тошно стало от неприкаянности бытия. Тошно и ... душно. Майор освободил ворот гимнастерки. «Господи, хоть бы этот Припасенко остался жив или отыскался кто из его родственников, — прошептал он в пустоту вагона. — Авось, да слышали они что-то от него. Не может же человек держать в себе такое всю жизнь. — И вдруг затаился от промелькнувшей, как молния, шальной

догадки, будто подсказанной кем-то: — А что, если Ксения жива?»

И следом, как ответ, неизъяснимое умиление тихим отзвуком в самое сердце: «жива, жива!»

«Откуда это мне?» — замер он в благоговейном страхе и осторожно, словно боясь расплескать эту еще призрачную надежду, шагнул из коридора в купе и присел на лавку в ожидании нового подтверждения. Он уже понял, что просил помощи у Бога, не совсем осознанно, но просил. Почему же не убедиться в этом предметно? И еще робко, но уже без той боязни, что проявил когда-то там, в поселке Или, после разговора с Верой, мысленно воззвал: «Господи, если я, и правда, чую Твой ответ, укажи, искать ли мне ее, живую?»

И новый прилив благоговения заполнил все его существо, будто окунулась душа в мягкие, ласковые волны неизведанного ею доселе покоя. А может быть, недоступного ей? Не разглядеть его за мирской суетой, за постоянным противоборством с самим собой, за извечным стремлением человека к самоутверждению. И вот теперь пришло прозрение: так с утренним рассветом прозревает день после долгого сумрака ночи. «Суета сует — все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми он трудится под солнцем?»

Если бы в тот момент кому-то случилось заглянуть в купе, он бы увидел, как пожилой майор медленно сполз с лавки на колени, уткнулся лицом в ладони и... разрыдался. Для постороннего глаза — беспричинно,

без повода; кому понять, что осознал он вдруг величие Бога в Его столь зримом прикосновении к себе? Слезы очищали душу, наполняли ее чувством причастности к таинству Божьего откровения и свидетельствовали о его искренней благодарности Богу. Все в нем восторженно пело: «Бог есть, Он рядом, я слышу, я чувствую Его всем сердцем!»

Чудное, неземное, ни с чем не сравнимое блаженство и покой! **«Только в Боге успокаивается душа моя; от Него спасение мое»** (Пс. 61:2). Потом он назовет это своим «покаянием без свидетелей». С колен Лукин встал уже в твердой уверенности, что Ксения жива и он обязательно найдет ее. Первым же делом по приезде он возьмет из спецхрана Библию и уже не вернет ее. Что, кстати, и сделал. И с головой ушел в чтение, используя для этого любую свободную минуту, которых, правда, выдавалось совсем немного. Поначалу его охватывало смешанное чувство удивления и растерянности: ведь кое-что из того, что он сейчас читал, было ему знакомо. Больше того, он на память знал массу саркастических замечаний (проще говоря, подковырок), каверзных вопросов к тому или иному стиху. Все они были призваны «класть на лопатки» верующих, ставить их в тупик. На это сотрудников НКВД постоянно и натаскивали их «спецы» по религии. К примеру, самый излюбленный, закатанный до дыр, но доступный даже самому тупому чекисту вопрос о родословии Иисуса, записанного в Евангелии от Матфея: дескать, как мог Авраам, будучи

мужиком, родить Исаака? Ну, и дальше по списку. Причем у многих познание Библии этим и закончилось. Теперь ему ясно представилась вся поверхностность понимания библейских стихов «спецами», и даже определение этому он нашел в Библии — фарисейство. «Слышал звон, да не знает, где он» — эта поговорка как нельзя лучше отражала багаж и его знаний. Поэтому приходилось иногда переубеждать самого себя, но сказать, что это давалось ему с трудом, значит погрешить против истины: библейские истины он как раз и впитывал в себя, как губка. И нет-нет да и жалобно хватался за голову: «Да ведь это же мое!.. — И в другой раз: — Да ведь я и сам так думал! Боже, почему так поздно узнал о Тебе!» Само собой возрастало и желание общения с верующими людьми. Однако решил повременить с визитом к Медянским, хотя знал, что они уже переехали в Ленинград и найти их не составило бы труда. Считал, что сначала должен выяснить все о Ксении.

Но на работе его ждали и другие дела, по мнению начальства, более неотложные, чем поиски какой-то Ксении, пусть и очень важного, но без вести пропавшего свидетеля. Тем более, что Бузыкин днями уже был осужден на двадцать пять лет лагерей, и жив или нет тот свидетель, значение теперь имеет только для самого свидетеля, но никак не для следствия. Для Лукина весть о приговоре хотя и стала полной неожиданностью, но воспринял он ее как-то отстраненно: «Все же вы-

молил срок, каналья! — хмыкнул он. — И ведь уверен был в этом. Ровно так же, как я был уверен в другом исходе суда. Вопрос: ему просто повезло с судьёй или судьё успели спустить приговор сверху? Вполне может стать, что и Алина приложила к этому руку. Это, конечно, занятно, но... уже неинтересно».

И уж совсем интерес пропал, когда следом получил известие, что «гражданин Бузыкин Антон при попытке к бегству попал под колеса поезда и умер от ран, несовместимых с жизнью». Такая вот неудачная концовка удачливого злодея. А уж сам ли он попал или ему помогли, Лукин даже догадываться не стал.

Запрос в Херсон он, конечно, послал, и в ожидании ответа занялся новыми делами. «Придет ответ, там и увидим, что делать», — решил он, и не стал пока ничего сообщать Медянским.

Шли дни. Одно дело тут же сменялось другим, а коллеги из Херсона на этот раз с ответом явно не торопились. Да он и не всегда помнил об этом: в непрерывной суеде будней, насыщенных событиями разновеликого масштаба, как-то само собой притуплялось и его первоначальное рвение. Что в общем-то было вполне объяснимо: что ни день, то сталкивался он с судьбами не меньшей трагичности, чем судьба Полуяровских. Его служба не предполагала встреч со счастливыми людьми, а с грабителями, убийцами, махинаторами всякого рода. Если даже они и становились богатыми, счастливыми их назвать нельзя. И никто не может их сделать таковыми.

Никто, кроме Христа. Иисус дарит человеку счастье спасения — вот что знал и в чем был теперь уверен майор Лукин. И полученный наконец (аж в конце мая) ответ из Херсона настолько взволновал его, что ускорил давно вызреваемое решение: понимая, что командировку ему туда не дадут, он положил на стол начальнику заявление об отпуске с последующей отставкой. По выслуге лет он и так уже давно должен был быть на пенсии, так что странным такое решение никому не показалось. Проводили майора торжественно, с речами и подарками. А он на следующий же день выехал в Херсон, имея в кармане краткое пояснение местного коллеги о судьбе Гурьяна и его адрес. В сопроводилровке тот указывал, что бывший красноармеец умер еще в сороковом году, но в живых осталась родная сестра Евдокия, которая ухаживает за его полностью недееспособной женой Ксенией Припасенко. Ксения! Одно упоминание имени сразу же взволновало Лукина. Оно будоражило его воображение и теперь, когда он, лежа на полке вагона, привычно выстраивал одну версию за другой. Она или не она? Да, самого Гурьяна уже не спросить, но можно проследить его действия. Логично ли сначала помочь в убийстве Ксении, похоронить ее, да так, чтобы и концы в воду, а потом взять в жены девушку с таким же именем? И сам же напрочь отметал такое предположение: это, знаете ли, для деревенского парня будет почище предложения застрелиться. Но ведь и мертвую не возьмешь в жены. Так случайное совпадение или... А что — или? Думай не

думай, а логики нет ни в одном из соображений. Скорей бы уж доехать. Тут Федор почувствовал легкий душевный дискомфорт: словно что-то кольнуло его неммым укором. Он крутнулся на полке раз, другой — не проходит. И смутился от догадки, даже дыхание задержал: ведь совсем недавно Господь разрешил все его сомнения, и он сам себе и Богу твердо пообещал найти Ксению. А вот теперь, когда осталось только доехать до нее, начал выстраивать свою привычную логику. Видно, так уж он устроен, чтобы сомневаться. О Господи! И Лукин сделал то, что чаще всего и делал теперь в сложной ситуации: в молитве попросил Бога простить его за недоверие.

—*—*—*—

Мохнатый белый песик колобком завертелся у его ног, виляя хвостом и мешая пройти в калитку. Лукин нагнулся, взял его на руки, и тот не преминул лизнуть его в лицо.

— Ишь, ты какой гостеприимный, — разулыбался Федор. — А вдруг я злой, а ты меня целуешь?

— Не, ты не злой, — вынырнул из зарослей лебеды у заплота худенький мальчуган лет восьми, в коротких штанишках с одной лямкой через плечо. Лукина он разглядывал с явным интересом.

— А ты почему знаешь? — удивился Федор.

— Шнурок злых сразу чует. Ему человека распознать — раз плюнуть! — гордо сообщил пацан. — К злomu ни за что не подойдет.

— Вон как. Выходит, он чувствует, а ты — нет, раз от меня тайлся?

— Это я там от него прятался, а не от тебя, — шмыгнув носом мальчик, махнув рукой на лебеду. — Давай-ка его сюда. — И совсем осмелев, дотронулся до звезды на пряжке майора. — Мой папка тоже в армии. У него даже медали есть. — И не совсем уверенно добавил: — Может, скоро вернется. Вот здорово будет, да?

— Конечно, — согласился Лукин. — Ну, а звать-то тебя как?

— Меня? Марк, — охотно представился мальчик. — А ты к нам?

— Наверное, к вам, Марк. Мама твоя кто?

— Мама? — переспросил Марк и повернулся к дому. — А вон она идет сюда. Мам, быстрее, это к тебе! — И, звонко выкрикнув: — Шнурок, за мной, — припустил наперегонки с собачкой по безлюдной деревенской улице.

«Наверное, сестра Гурьяна, — подумал Федор, вглядываясь в невысокую женщину, спешившую к нему по узкой тропинке, разделяющей ряды аккуратных грядок по обеим ее сторонам. Она была в легком ситцевом платье с повязанным поверху фартуком, которым на ходу вытирала руки. Подошла, с опаской взглянула на пришельца.

— Вам кого? — спросила настороженно.

— А вы — Евдокия Припасенко? — спросил в свою очередь Лукин и, получив подтверждение, продол-

жил: — Разговор у меня к вам будет о жене Гурьяна. Кажется, ее зовут Ксения?

— Слава Богу! — с явным облегчением вздохнула Дуня, что несколько удивило его. — Я уж думала опять о Руди... — и, видимо, сообразив, что сболтнула лишнее, спохватилась: — Ой, вы ж о Ксении? Да-да, так ее зовут, так.

— Вот я и хотел бы с ней поговорить. Можно это сделать?

— Да... можно, конечно, только... — Дуня замялась.

— Что? Что-нибудь не так?

— Разговора у вас с ней не получится. Не говорит она.

— Совсем? И не слышит?

— Слышать слышит, а говорить не может. Травма у нее была.

— Двадцать два года назад?

— Да-а, — глаза Дуни невольно расширились от испуга.

— Не схоронил, значит, ее Гурьян тогда, — как бы раздумывая, произнес Лукин, не спуская глаз с Дуни. Ис удовлетворением отметил ее полную растерянность. На него же, наоборот, нашло успокоение: теперь все встало на свои места. Конец поиска.

— Ты не пугайся меня, Дуня, — как-то сразу по-свойски перешел он на дружеский тон. — И моей формы не бойся: я ее последние дни ношу. А новость у меня для вашей Ксении самая что ни на есть желанная. Будем уповать на Господа и просить Его милости к ней.

— Вы — верующий?! — в голосе Дуни явное недоверие. Оно и понятно: где это видано, чтобы энкавэдэшник в верующих ходил. Вызывает, что ему надо, а потом еще и посадит. Не зря же, вон, вся деревня в страхе схоронилась по домам, едва он появился тут.

— Да, я верю в Бога, — тихо подтвердил Лукин. Он прекрасно понимал ее состояние и ничуть не обиделся.

— Поэтому я здесь. Я вел дело убийцы ее мужа, и мне есть что сообщить Ксении о сыне.

— О сыне? — вспыхнула Дуня, но тут же сникла и печально покачала головой: — А что можно о нем сообщить через столько лет?

— Ну, предположим то, что он жив.

— Жив? — Дуня беспомощно огляделась, словно ища поддержки. — Вы шутите?

— Нисколько. Георгий Полуяровский, ее сын, жив.

— Господи! — захватила она лицо руками и запричитала: — Неужели наши молитвы дошли до Тебя? Двадцать лет! И все это время она верила, что найдет его. И Гурьян верил. Где же он?

— Далековато. Но речь пока о Ксении. Как ее состояние?

— Последние дни она от окна не отходит, пишет мне, что видит Жорика во сне. Она ведь только по дому может передвигаться. Да и за это слава Господу! А то ведь не то что двигаться — есть совсем не могла. Пока Гуря не догадался к Рудольфу съездить. Да что ж мы стоим-то? Пойдемте скорее. — Уже в дверях дома Дуня вдруг остановилась и в растерянности обернулась к

Федору: — Совсем меня с ума сшибло: я же ее от окна-то увела да уложила на койку. Ведь стоит ей увидеть человека в этой форме, как с ней случается припадок.

— Что же делать? — растерялся и Лукин. — У меня с собой ничего другого нет.

Дуня провела его в горницу и усадила за стол:

— Подождите пока, а я пойду, подготовлю ее.

Но уйти не успела. Оба, как по команде, повернулись, услышав легкий шорох шагов. Ксения уже стояла в проеме дверей, плечом прислонившись к косяку. Глаза ее были устремлены на Лукина, но в них не было страха; в них стоял немой вопрос и какое-то жадное, пронзительное ожидание, полное тоски, отчаяния... и надежды. Вот она оторвалась от косяка, покачнулась и стала медленно оседать на пол. Дуня подхватила ее и знаком остановила кинувшегося было к ним Федора.

— Ничего, ничего, мы сами. Пойдем, сестрица, сядешь за стол. Это гость наш, Ксюша, хороший человек, не бойся его. У него и весть для тебя хорошая. Пойдем, родная.

Все так же не спуская глаз с гостя, Ксения опустилась на стул напротив него. И Лукин невольно содрогнулся: перед ним была совершенно седая, высохшая женщина с ввалившимися глазами на изможденном лице. О таких говорят: «еле-еле душа в теле». И это первое, что пришло ему на ум. А ведь ей только сорок лет... Боже, сколько же горя выпало на ее долю!

И хоть он все это уже знал, но увиденное воочию потрясло его до глубины души. Ком горечи, жалости и

сострадания подкатил к горлу и не давал говорить. Да и как, с чего начать разговор? Кажется, сейчас любая весть может стоить ей жизни. Но и молчать дальше нельзя: глаза Ксении уже наполнились слезами. Не в силах вымолвить ни слова, Федор выложил перед ней фотографию ее сына. В душе он молился, чтобы неминуемые эмоции не вызвали шока и не навредили этому субтильному созданию.

Поскольку движения рук ее были ограничены, Дуня взяла фотографию и поднесла к лицу Ксении. А уже через мгновение та, инстинктивно выкинув руку, сама ухватила фотку и жадно впиалась в нее глазами. Прошли какие-то секунды, показавшиеся Лукину томительно долгими, и вот лицо ее перекосила мучительная боль. Замотав головой, она натужно замычала, в горле ее послышался странный клекот, словно там булькала кипящая вода, и неожиданно изнутри, из самых, наверное, глубин души вырвался сначала стон, потом явственный пронзительный вскрик: «Жо-оржик! Мой...» Прижав фотографию к губам, Ксения резко вскочила на ноги, но тут же от физической боли, пронзившей все тело, конвульсивно дернулась и без сознания упала на руки Дуни, которая и сама была близка к обмороку. Ошеломленная, она взглянула на Лукина, словно спрашивая, не почудился ли ей вскрик Ксении. Нет, не почудился. Об этом свидетельствовал его не менее ошеломленный вид. Осторожно, будто некую хрупкую вещь, отнесли они ее на кровать и взволнованно переглянулись.

— Это не припадок, — прошептала Дуня, — потому что она сразу затихла. Я в этом уже кое-что смыслю. — И встала подле койки на колени, обливаясь слезами и повторяя лишь одну фразу: — Господи, Ты открыл ей уста, только бы больше она не замолчала.

Лукин неловко топтался рядом, пытаясь скрыть охватившее его возбуждение. Он хотел ... и не мог встать на колени. То, что легко давалось ему в одиночестве и стало как бы обязательным атрибутом его молитв, не удавалось сделать при людях. Вот даже при одном-единственном свидетеле. Будто стыдит его кто-то, что, мол, мужик ты или размазня? Может, мол, еще и разреवेशься? И корит, и корит без устали. Но он уже знал, кто противится этому его желанию и, стараясь пересилить себя, начал тихо поддакивать Дуне: «Да, так, Господи, так». И даже это давалось сначала с трудом, будто клейстером связывало язык, но с каждым словом что-то высвобождалось у него внутри, душа обретала умиротворение, и незаметно молитва его полилась легко и благостно. Так же незаметно для себя Лукин очутился на коленях и уже вместе с Дуней славил Бога. А когда завершили молиться и оба встали, он вдруг перехватил доверчивый и благодарный, без тени удивления взгляд Дуни. Она поверила ему. И тогда он понял, что своим открытым свидетельством перед Богом только что победил самого себя, свое собственное «я», которым так ловко манипулирует сатана. И еще то, что без Христа такая победа была бы просто невозможна.

— Слава Богу! — только и сказал он.

—*—*—*—

Выздоровление Ксении пошло такими бурными темпами, что уже через неделю она, пользуясь отсутствием Дуни, работавшей до обеда на ферме, попробовала полоть грядки. И хоть силенок еще было мало и результат не ахти какой, но радость от труда была огромной. А главное, за работой быстрее летело время, которое в ожидании весточки от сына она торопила изо всех сил. Тот добрый человек, майор Лукин, уехал на следующий же день после того, как она сумела рассказать ему о себе. С собой он взял ее письмо к сыну (с трудом, но написанное ею собственноручно!) и, поскольку при себе адреса у него не было, пообещал переслать его из Ленинграда, где, мол, живут друзья Жоры. Ксения благодарила Бога за то, что Он послал к ней этого отзывчивого, неравнодушного к чужим судьбам человека. В этом ей виделось величие Господа: ведь даже простое сочувствие к судьбе верующего — явление, редко встречающееся в рядах людей этой категории, а Бог соделал его Своим орудием и послал на добрые дела.

Сколько же ей придется ждать ответа? По подсчетам опытного в почтовых сроках Лукина, около месяца. Ксения же приготовилась ждать с того самого момента, как Федор скрылся за их заплотом. Да нет, намного раньше. О, она знает цену ожиданиям. На протяжении многих лет что во сне, что в полудреме она раз за разом видела, как ее мальчик бежит к ней, раскинув руки; она ждет, усердно напрягает зрение, чтобы разглядеть

его лицо... и не может. Оно только угадывается в расплывчатом образе, а сам он все бежит и бежит и тянет руки, но при этом никак не приближается, а остается на месте. Теперь она поняла, почему. Ее мальчик был без ног. И теперь все двадцать с лишним лет трагедии отошли на второй план: душа жила только ожиданием встречи с сыном и разрывалась от бессилия ускорить ее. А сознание того, что он без ног, лишь усиливало ее и без того щемящую жалость к нему и любовь. Ах, как она нужна ему прямо сейчас! А как он нужен ей... И рвется из груди зов-моление к Богу: «Помоги, Господи-и... И мне, и сыну, и Дуне, всем помоги».

Незадолго до этого события Евдокия получила долгожданное письмо от Рудольфа. Его, как врача, взяли в армию в год смерти Гурьяна. То есть еще перед войной, когда у них с Дуней только-только родился Марк, и до конца сорок третьего он в полевых госпиталях лечил раненых. А потом было длительное молчание, и лишь через год он прислал письмо, что находится в трудармии под Красноярском. Что, как и почему это произошло, не объяснял, видимо, нельзя было писать. И после этого было три письма (по одному на год), пока наконец не пришло подробное, в деталях. Смысл был в том, что скоро можно будет к нему приехать, так как колючка снята, и работать люди стали, как вольнонаемные. Здесь, мол, и работа у него есть все та же, и жилье можно построить самим, если поднатужиться. Опять же и Ксению можно взять с собой. Что до него само-

го, то возврат домой ему заказан. Если и разрешат переехать, то только в Казахстан или куда-нибудь в Среднюю Азию. А еще просил никому пока об этом не рассказывать, чтобы не возбуждать излишнее любопытство местной власти. Оттого и встретила Лукина так настороженно. Вот и ломала голову Дуня, обсуждая с Ксенией будущее. Обе понимали, что ехать куда-то ей не по силам, но и оставаться без посторонней помощи означало ее неминуемую смерть. Взвесив все «за» и «против», Ксения, как всегда, молча взяла ручку и написала, чтобы Дуня ехала, не раздумывая, а о ней позаботится Сам Господь. И призналась, что последние дни прямо чувствует сердцем — будет ей весть о сыне. Тогда и Дуня сказала, что никуда не поедет.

— Трудно сейчас найти правильное решение, Ксюша. Куда ни кинь — всюду клин. Поэтому, чтобы не ошибиться, отдадим все в руки Господу. Он найдет выход и покажет его нам.

Об этом они и просили Бога каждый день, и уж по молитвам или нет, но появился у них майор Лукин. Кто-то скажет, что, мол, случайное совпадение. Пусть скажет. Только двум этим женщинам усомниться в том, что это Божий промысел, как-то и в голову не пришло: они просили Бога, и Он ответил им — это ведь так ясно.

«Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного». «И молитва веры исцелит больного, и восставит его

Господь... Много может усиленная молитва праведного».

И теперь, когда Ксения уже была в состоянии перенести переезд, когда готовилось им неминуемое расставание (вопрос только в том, кто уедет раньше), Дуня со всей остротой почувствовала, как привязалась к той, кто стал ее лучшей подругой и сестрой во Христе. Вместе они пережили ужас лет голодомора и лихолетье войны, и ни одного-единственного раза никто из них не попрекнул в чем-то другого. А после ухода в вечность преданного Гурьяна, с отеческой заботой носившего Ксению буквально на руках, все заботы о ней взяла на себя Дуня. И за все время как-то ни разу не задумалась, что когда-нибудь может остаться без заботы о немощной подруге. То, что та немощна, прочно укоренилось в сознании, ведь другой Дуня ее не знала.

То же самое переживала и Ксения: слишком многим она была обязана Дуне, чтобы наряду с ожиданием встречи с сыном, не испытывать нежной грусти расставания с ней. Ничего удивительного в том, что последние дни они все больше молились друг о друге.

В молитве и застала их Вера Медянская, прибывшая за Ксенией. Таков был своеобразный ответ от Лукина. Переговорив с ним, Вера с Сергеем и его мамой решили пока не посылать письмо Георгию, а сразу везти туда Ксению. Причины для такого решения было две: во-первых, в семье Видовых совсем скоро намечалось появление ребенка, и присутствие отца было необходимо;

а во-вторых, в школах страны начались каникулы и Вера располагала достаточным временем, чтобы сопровождать мать Георгия к месту назначения. Лучшего подарка как для ее сына, так и для самих Медянских придумать было невозможно. Как невозможно и описать их восторг и благодарность Господу, когда они узнали от Лукина, что он нашел-таки Ксению. Сам Федор к тому же благодарил Веру за просьбу о поиске: ведь именно стремление выполнить эту ее просьбу и положило начало его прозрению.

Встретил Веру, как и раньше Лукина, вездесущий Марк, дежуривший у калитки со своим неизменным другом Шнурком. Ах, как хотелось ему первому получить письмо для тети Ксении и отнести его ей собственноручно! Он ведь видел, с каким нетерпением она ждет его, потому и караулил почтальона каждый день. И вот — удача! Да еще какая! Вместо письма он препроводил в дом тетеньку, приехавшую от самого дяди Федора, с которым он успел подружиться за то короткое время. Его прямо-таки распирало от гордости, что именно он встретил ее.

Уже наслышанные от Лукина друг о друге, женщины встретились, как старые знакомые, и задушевыми разговорами не было конца. Благо, каждой из них было что рассказать. Но разговоры разговорами, а с отъездом решили не затягивать: дорога неблизкая, Вере же надо успеть вернуться домой к концу августа. Как-то так получилось, что Ксения, оставив подруг в летней

беседке, решила сама собрать свои нехитрые пожитки. Много времени это не заняло, поскольку все уместилось в небольшой чемодан. Тут она вспомнила, что в старом комодке должна быть брошка, единственная оставшаяся у нее драгоценность, которую Дуня отказалась сдать даже в самый лютей голод. Порывшись в ящичках, она нашла ее в коробочке под кипой белья. Тут же лежал какой-то странный матерчатый узелок, перехваченный тесемкой. Что-то так и подтолкнуло ее развязать этот узелок, и некоторое время она с любопытством разглядывала скатанный в круг узкий ремешок. Расправив его, она на внутренней стороне обнаружила выжженные инициалы «А.Б.» И вот уже память выхватила из своих запасников тот страшный момент и то последнее, что она услышала уже с удавкой на шее: «Не надо было меня узнавать. А уж тем более за меня молиться». Ремешок выпал из рук, и свирепый образ энкавэдэшника так четко предстал в воображении, что страх — не от картинки, а от сознания того, что снова может стать недвижимой и безгласной, буквально сковал ее. Все мышцы тела словно окаменели. В отчаянии она, зарывшись лицом в ладони, зашептала Богу, моля о защите, о предотвращении беды. И с каждым словом чувствовала, как голос обретает уверенность, а тело постепенно освобождается от спазм, будто одна за другой спадали стягивающие его пелены. Душа же вновь наполнилась тихой радостью и благоговением — результат приветного послания Бога. Словно говорил

Он ей, что сделала она все правильно: и узнала, и молилась за врага своего.

«А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного...»

Дуня, обеспокоенная ее долгим отсутствием, почувала неладное и заторопилась в дом. Ксению она застала у раскрытого комода и, увидев валявшийся на полу ремешок, сразу же все поняла.

— Господи, — быстро подняла она его, — я же давно хотела спалить эту гадость. Вот раззява, совсем памяти не стало.

— Не надо, Дуня, — Ксения взяла у нее ремешок. — Не надо сжигать то, что стимулирует память. Для меня это свидетельство бессилия зла против Божьей защиты.

— Гурьян тоже ждал, когда он пригодится как свидетельство. Только против Бузыкина. Не пригодился: сам околел нехристь. А брат все ждал и верил, что это время придет.

— Вот оно и пришло. Но не против кого бы то ни было, а как напоминание о любви Бога и Его благословении даже врагов. На это только что указал мне Господь. И с этого момента пусть он всегда будет со мной, чтобы не забывала об этой Его заповеди.

— Пусть, если теперь это тебя не страшит, — согласилась Дуня.

— А что это за вещица? — заинтересовалась Вера.

— Я тебе все подробно расскажу в пути, — улыбнулась Ксения. — Времени у нас будет предостаточно, как я понимаю?

— Вполне. Чего-чего, а времени нам хватит.

К вечеру, помолившись, они отправились в неблизкий для обеих путь. За телегой, которую Дуне выделили на ферме, до самой околицы бежал Марк со своим Шнурком. Дуня же проводила их до вокзала в Херсоне и помогла при посадке в вагон.

— Ксюша, пиши, не забывай нас. И помни, что в любое время можешь найти у нас с Рудольфом свой дом, где бы мы ни жили, — сказала она на прощание. А когда поезд тихонько тронулся, долго глядела ему вслед и махала платочком.

Ксения, милая Ксения уносила с собой частичку ее сердца.

Неблизкий, даже очень неблизкий, путь при тех скоростях должен был показаться томительно долгим. Но, несмотря на несколько пересадок, неисчислимое множество остановок поезда «у каждого столба», духоту вагонов, а также возникающие то и дело скандалы пассажиров между собой и с проводниками (а может быть, и благодаря им — все же разнообразие!), время в пути пролетело быстро. И вот уже через какие-то семь или восемь дней с бьющимся от волнения сердцем они вышли на станции Или. Той самой, с которой мы и начали свое повествование. Прошел ровно год. У Веры так сладко и томно заныло сердце при виде знакомых

домов и пыльных улиц, что было ощущение, будто она никуда и не уезжала. И чем ближе они подходили к дому Баймухана, тем больше она замедляла шаг. Уже издали она заметила у ограды бричку и сидевшего в ней к ним спиной Георгия. По-видимому, он собрался куда-то ехать и ждал старика. Тут и сам Баке появился из ворот с охапкой сена и, закинув ее в бричку, внимательно взгляделся в приближающуюся пару. Лицо его расплылось в широкой улыбке.

— Смотри, а! — тронул он Жору кнутом.

Тот полуобернулся, затем резко крутнулся на месте и затаил дыхание. Веру он узнал сразу. А вот кто шел рядом с ней... Напряженная, взбудоражившая душу пауза: он даже слышал гулкое биение сердца. С кем Вера могла идти к нему? Еще миг, и...

— Отец, это мама! — сдавленно прошептал матрос и тут же сорвался на крик: — Мама!

Немыслимым кульбитом он перелетел через борт брички, чуть зависнув на руках, «приземлился», и как бы «зашагал» им навстречу, опираясь сильными руками о землю, и вынося тело вперед. Ксения, бросив чемодан, стремглав бросилась к нему, не дав пройти и пяти таких «шагов», и рухнула на колени, обнимая сына. При этом оба обливались слезами и что-то бессвязно бормотали.

Потрясенный Баймухан какое-то мгновение недоверчиво качал головой, потом, вскинув руки ладонями к небу, провел ими по лицу.

— Хвала Аллаху! — проговорил он дрогнувшим голосом и стал усиленно тереть глаза, будто в них попала соринка. — Кажется, счастье не обошло наш дом. Потом, вспомнив о Вере, с громким приветствием поспешил на помощь. Пожав ей руку, взял чемоданы и вопросительно посмотрел на нее.

— Да, Баке, это его мама. Мы нашли ее, — подтвердила она. — Мы все молились Богу и нашли.

— Я тоже просил Аллаха, чтобы Он находил ему, — признался аксакал. — Теперь хорошо будет все. Сразу два счастья придет: мама теперь есть, и скоро сын будет, мой внук. Ее тоже внук. Вместе жить будем. — Он остановился, помог Ксении подняться и широким жестом пригласил всех: — Заходите, гости дорогие! Мы тогда на бахча такой случай никуда сегодня не ходим. Гостям сладкий дыня, арбуз, анау-мынау — все есть. Праздник будет нам.

И был праздник, в котором они без усталости славили Бога. Да и как не славить, если даже в самых смелых мечтах никто из них не мог предположить, что такая встреча может произойти. Не чудо ли: двадцать с лишним лет разлуки, когда мать не знала, где ее сын, а сын не знал даже имени матери! Ни-че-го не знал. Но встретились, несмотря ни на что. Долго, очень долго они не могли поверить в случившееся. А вскоре у Георгия и Вали явилась на свет дочка Вера, что, кстати сказать, нисколько не расстроило Баймухана. Наоборот: теперь он утверждал, что внучка — это намного лучше, чем

внук, и с удовольствием приводил неопровержимые тому доказательства.

Случилось это перед самым отъездом Веры Медянской, в честь которой и была названа новорожденная.

—*—*—*—

ЭПИЛОГ

**«Не скоро совершается суд над худыми делами;
оттого и не страшится сердце сынов человеческих...**

**Благо будет боящимся Бога, которые
благоговеют пред лицом Его»**

(Еккл. 8:11–12).

Все в этом мире — и хорошее, и плохое — когда-то подходит к своему концу. Кончается и наше повествование. Не хочется переходить на язык сухих печальных цифр, но без этого не обойтись. Как-то так уж получилось, что через пятнадцать лет с интервалом в один год (и даже в один и тот же месяц июль) ушли из жизни сначала Баймухан, а за ним и его названный сын. Оба ушли неожиданно и тихо, не причинив своим близким прижизненных хлопот своими болезнями. И если Баке ушел в довольно преклонном возрасте, то причиной смерти совсем молодого Георгия стали перенесенные им тяжелые раны в годы войны. Не

прошли они бесследно для моряка. И не совсем поверили врачи-патологоанатомы словам, что он ни на что не жаловался и не принимал никаких обезбаливающих лекарств. Да как же, мол, так, если он должен был испытывать — и определенно испытывал! — сильные боли, особенно последнее время? На это ведь нужны железные нервы и железное терпение.

— А они у него как раз такие и были, — горевала Валя. — Хоть бы раз дал знать, что болит что-то. Нет, всегда: «Порядок на палубе!» Ни я, ни дочь не подзревали, что у него были проблемы. А на работе тем более никто. Теперь бы маму его как-то уберечь.

Это, конечно, был удар для Ксении, и если бы не поддержка Вали и прилетевшего Сергея Медянского, кто знает, чем бы закончился обряд похорон. Буквально возродившаяся за эти годы к новой жизни (Ксения уже давно жила и работала в Алма-Ате художником-оформителем в Управлении железной дороги, что не мешало ей каждую субботу приезжать к детям и внучке), она снова осунулась и постарела. Но тут самое страшное то, что даже сильный человек, как она, в такую минуту может ослабеть духовно. Случилось это и с ней. В том, что сын ушел раньше ее, она обвинила себя: дескать, не надо было удаляться от них, надо было жить рядом. Как будто вовсе и не нужно было ей самой пытаться возвратиться в полноценную жизнь. А ведь тот день, когда она впервые вышла на работу еще здесь, в поселке, стал для всей ее семьи настоящим праздником.

Ликованию Жоры не было предела. Как же: его мама, годами прикованная к постели, не только выжила, но и стала работать! Не Бог весть, конечно, какая работа, — поначалу-то рисовала дорожные знаки, — но это был полноценный возврат в жизнь. Кто теперь мог сказать, что она в течение двадцати двух лет была лишена голоса? Слава Богу за Его чудный промысел!

Теперь все это заслонило немый укором личной вины. «Господи, почему Ты взял его прежде меня, взывала она к Богу. — Ведь я готова ко всему и уже отживаю свой век, а он такой молодой. Это несправедливо. Почему?» И ничего не слышала в ответ. Потому что не слушала.

Замкнувшись в себе, она часами сидела в полном отрешении от мира, недвижимым взглядом уставившись в одну точку. И близкие не решались потревожить ее разговорами, понимали ее состояние. Тут нужны были слова, которые могли бы если не утешить, то хотя бы отвлечь от печальной мысли; а где найти слова в такой ситуации?

Сергей нашел. Он интуитивно почувствовал, в чем Ксения корит себя, и перед отъездом решил поговорить с ней откровенно. Они сидели за столом, и Ксения безропотно выслушивала все, что он говорит. Только вряд ли она внимала его словам. Тогда он спросил:

— Знаешь, Ксюша, что больше всего болит у таких инвалидов, как я?

— Что? — сразу же напряглась она.

— Оторванная нога. Она больше всего болит. Я не говорю — отнятая. Отнимают больную, а у меня оторвало здоровую. И нет-нет да и занает она — спасу нет, как занает, хоть ты криком кричи. И не только во сне. Хотя чаще всего именно тогда и особенно в колене. Очнешься от боли — а ноги-то нету. А боль есть, продолжает быть. Ах, как мозжит то колено! Это, Ксюша, только одна нога. У Жоры не было двух, оттого-то и было ему тяжелее вдвое. Прости за такие подробности, но я знаю об этом не только из собственного опыта, но и из его писем. Мне он мог открыться: во-первых, я от него далеко и при всем желании не мог бы заставить его обратиться к врачам; а во-вторых, он знал, что то же самое происходит и со мной. И о судьбе нашей я одного с ним мнения. Сколько Господь выделил нам для жизни, столько мы и возьмем. И врач у нас только один — Христос. Но Жора совсем не жаловался на жизнь, наоборот: в последнем письме он благодарил судьбу за то, что встретил, как он выразился, «нашу Веру, которая указала нам с тобой новый курс. Курс на жизнь с Богом». Догадываешься, Ксюша, как он закончил это письмо?

Сергей только теперь вытащил аккуратный треугольник из своего портфеля и разгладил его на столе:

— Почитаешь?

Ксения бережно взяла листок. Почерк был похож на ее — красивый, убористый. Слезы застилали глаза, буквы сливались, залезали одна на другую, но посте-

пенно все выравнилось, и она стала разбирать слова, с жадностью вчитываясь в каждое из них. Это была исповедь Жюры, в которой он прощался со своим другом. Он знал, что скоро умрет, но был полон надежды на встречу с ним у Бога. «Не подумай, что я тебя тороплю, Сергей, но во встрече с тобой у Господа не сомневаюсь. Верю, что есть у Него приготовленные для нас обители. Иначе бы получилось, что зря ты меня вытащил из боя. Так и стоит он перед глазами последнее время. А раз выжили здесь, будем жить и у Отца Небесного. **„Наше же жительство — на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который униженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силой, которой Он действует и покоряет Себе все“** (Флп. 3:20—21). Так говорит апостол Павел, оттого-то я и не волнуюсь. Не волнуюсь и за Валю с доченькой, потому что с ними остается моя мама — самый дорогой нам человек и самый сильный духом. Того горя, что она перенесла, хватило бы не на одну жизнь. Жаль только, что мало времени было отведено нам с ней в этом мире. Жаль, что не успел вдоволь порадовать ее своим вниманием... Болячки свои стараюсь, насколько это можно, скрыть от родных мне людей, и пока это удастся во многом благодаря Евангелию: **„Потому что вам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него“** (Флп. 1:29). Вот прочитаешь такие слова, представишь страдания апостола Павла — и насколько же

мелкими, незначительными покажутся свои! И куда-то уйдет боль, и наступит в душе покой, будто Сам Бог послал тебе утешение. Нет ничего слаще этого момента. Веришь ли, Сережа? Знаю, что веришь...»

Ксения перечитала письмо, отложила и, с благодарностью глядя на Сергея, тихо повторила последнюю строчку: «Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение». Мой мальчик у Бога, в этом нет сомнения. Спасибо, Сережа, что сохранил письмо. Спасибо моему Жоржику за любовь и веру в меня. Я, конечно же, не оставлю Валу с Верочкой. Для этого, наверное, Господь и хранит меня. Теперь мне легче, и я хочу просить у Него прощения за свое недомыслие и сомнения. За то, что посмела указывать Ему. Прости меня, Господи! Прости и помилуй!

И оба склонились в молитве.

Прошло около года, и к осени Ксения наконец-то решила откликнуться на настойчивые приглашения Дуни и Рудольфа погостить у них в далеком Красноярском крае. С собой уговорила поехать и Валентину с внучкой Верой, благо у всех, как сотрудников железной дороги, был бесплатный проезд в любой конец Союза. Для самой Ксении это было второе такое длительное путешествие, но оно уже не шло ни в какое сравнение с тем, первым: скорости были другие, а соответственно и время в пути не столь длительное. Главное же, без единой пересадки добрались до Красноярска, и тут ее ждал первый сюрприз. Выискивая глазами Рудольфа

с Дуней, она не обратила внимания на высокого молодого человека, с приветливой улыбкой остановившегося около нее.

— Бабуль, бабуль, чего это он? — затеребила ее за рукав внучка.

— Кто он? — не поняла Ксения и, повернувшись, встретилась глазами с парнем. Теперь лицо его и вовсе расплылось в улыбке.

— Господи! — всплеснула она руками, — неужели, Марк?

— Он самый, тетя Ксения, — кивнул тот. — Признали все-таки?

— Да как не признать, раз сам подошел, — расцеловала она его. — А пройди мимо, и не узнала бы: ты же в два раза больше стал.

— Так ведь и старше более чем в два раза, тетя Ксения. Подсчитайте-ка, сколько лет прошло?

— Так вот он, наш отсчет, — приклонила она к себе Веру. — Нашей Верочке ровно семнадцать минуло. — Знакомьтесь: это, стало быть, моя внучка, а это — Валя, ее мама. Ну, а это...

— Это Марк, собственной персоной, — с улыбкой продолжил Марк и легко подхватил оба их чемодана. — Сами родители ждут вас дома. Пойдемте. У меня тут машина у вокзала стоит. С папой недавно приобрели, но езжу в основном я. А вот и наш «мустанг». Смотрите, какой красавец! Хоть и не новый «Москвич», а надежный. Главное — личный.

Погрузив чемоданы в багажник, он усадил гостей, но прежде чем завести машину, вопросительно посмотрел на Ксению:

— Ехать далеко, живем мы на самой окраине города, на другой стороне Енисея. Помолимся на дорогу, тетя Ксения?

— Да, конечно!

И сразу спокойнее стало у всех на душе. А то ведь сковала какая-то неловкость от показавшегося им чрезмерным чувства гордости парня за свою машину. Так это и понятно: в то время личная машина действительно была символом если не богатства, то приличного достатка. Заиметь же новый «Москвич» было просто невозможно без так называемого «блата», то есть наличия нужных связей. Поэтому и заподозрили парня в хвастовстве и любви к мирскому: вон, дескать, с каким тщанием протирал стекла да смахивал пыль со своего «коня». Но совсем успокоились, узнав, каким адским трудом он заработал деньги на машину. Уже в дороге Марк рассказал, что во время службы в стройбате (был такой род войск в те годы) работал на кирпичном заводе. Объект был секретный, поскольку производился тут кирпич для нужд ракетостроения. Три года трудился он выставщиком наряду с опытными, в прямом смысле «зэкаленными» рабочими, то есть бывшими зэками. Солдат туда не посылали: тачками вывозить обожженный кирпич прямо из кольцевых печей — такое мало кто выдерживал. Работать тут мог только физически сильный человек, обладающий

крепким здоровьем. Другое дело — откатчиком, садчиком, на формовке или на сушке. Это пожалуйста. Но работать выставщиком желающих не было. И никто не мог их принудить: какая-никакая, но это — армия, а не лагерь. Кстати, строили завод и первыми его рабочими были как раз ээки — с начала и до конца пятидесятых.

Для Марка же работа в печах стала чем-то вроде охранной грамоты, потому что в перерывах между сменами его не трогал ни один командир, и он пользовался этой свободой по своему усмотрению. А усмотрение было одно — изучение Библии. Правда, ее приходилось прятать, но делал он это очень умело, и конфликтов на этой почве не возникало. Как не было и претензий ни со стороны начальства, ни со стороны сослуживцев: ну, мол, пашет человек и пусть себе пашет, ни от кого не убудет. Где возьмешь еще такого безотказного? Хотя все догадывались, что книга эта у него есть: да Марк ни от кого и не скрывал, что он верующий. А особенно охотно шел он работать в ночь, так как после трех таких смен следовал «длинный выходной» в двое полновесных суток. На это время иногда удавалось выбраться в город к родителям, посетить церковь и даже съездить с молодежью куда-нибудь в район на собрание. Потом — снова служба, а вернее, работа. Тяжелая, изнурительная, но приносившая в итоге Божье благословение.

Для своих гостей Марк оказался довольно словоохотливым хозяином, и не только по пути домой. За время отпуска он был их постоянным путеводителем

как в церковь, так и в поездке по городу и на природу. И хоть со дня демобилизации прошло уже около трех лет, темой его рассказов во многом оставалась все же армия, а не теперешняя его работа на стройке, и даже не институт, где он учился заочно. Армия, как он считал, дала ему многое: там ему довелось работать бок о бок с бывшими зэками и узнать от них много такого, чего не почерпнешь ни в какой академии. К этим рассказам его подталкивали и гости, особенно вечером после ужина. Им было интересно слушать о том, как молитвы к Богу не раз помогали ему с честью выйти из той или иной ситуации. Один такой случай особо захватил их, и слушали они его с неослабевающим вниманием.

Он запомнился — не мог не запомниться! — и самому Марку еще и потому, что обратившийся к нему бывший зэк Трифон Курамшин ни по каким прогнозам не должен был этого делать. Без трех пальцев на левой руке и левого глаза, он был освобожден еще по первому указу Президиума СССР от марта пятьдесят третьего года (так называемые «птенцы» Берии), но остался работать на заводе десятником. Куда, мол, мне, инвалиду, на гражданку, а тут и работа, и хоть какое-то жилье. Своим угрюмым видом и зловецким, всегда чуть искоса, взглядом он отличался от всех остальных зэков, и худая слава о нем шла даже среди них. Поговаривали, что пальцев и глаза его лишили какие-то близкие дружки, хотя трудно было представить, чтобы такой нелюдь вообще с кем-то водил дружбу. Скорее всего, «обули»

Тришку бывшие подельники, то бишь, рассчитались за какую-то провинность. Оттого-то, может быть, и выглядел он озлобленным на весь мир. У него и клички были подходящие: «Циклоп» и «Пусто один». Ко всем: и к бывшим ээкам, и к стройбатовцам — Курамшин относился одинаково враждебно. Даже с начальством он не говорил, а как бы огрызался, когда приходилось обсуждать наряды на работы. Добрых взаимоотношений у него ни с кем не было: просто одни люди вызывали в нем больше ненависти, чем другие, — вот и вся разница. Но, повторимся, много не разговаривал, дело свое знал и начальство в качестве десятника устраивал. Во всяком случае, работой его были довольны.

И вот этот десятник однажды появился в казарме днем, когда там, кроме дневального и пяти-шести солдат, спавших после ночной смены, никого не было. Дневальный, выслушав Трифона, подвел его к кровати Марка в дальнем конце казармы, на втором ярусе, и слегка откинул одеяло:

— Ромке, к тебе пришли.

Марк недовольно заворочался и попытался снова укрыться с головой, но десятник уже сам перехватил его руку:

— Слышь, кореш, это не по работе. Извиняй, понимаю, что со смены, но имею-таки интерес кое о чем спросить. — Он явно старался придать голосу дружеские нотки, но выходило, как всегда: отрывисто и злобно. — Мне это важно. Да ты лежи, лежи, не вставай.

Какое там «не вставай», если от одного только звука его голоса сон тотчас как рукой сняло. Марк аж подскочил и в недоумении воззрился на неожиданного гостя. Этот мужик если когда и сталкивался с ним, то подчеркнuto не замечал, глядя одним глазом куда-то мимо, словно Марк был для него пустое место. И вдруг — «интерес имею...».

— А-а, это... В чем дело-то? — сел он на кровати.

Курамшин подождал, пока отойдет дневальный, и огляделся, словно боясь, что кто-то может подслушать его.

— Твои родители — они, правда, из Херсона?

— Да-а, из области.

— Ну, это все одно. А они верующие, как и ты? Не бойся, я не для того спрашиваю, чтобы накапать. Об этом говорят все.

— Я этого никогда и не скрывал.

— Вот и я о том же. Другие боятся признаться в своей вере, а ты будто напоказ. Это как?

— Это не показ. Только так можно ответить на любовь Бога.

— А зачем она тебе — Его любовь? Знаешь, поди, что за это может быть?

— Так ты меня поостеречь пришел, что ли?

— Дану. Просто думаю, может, ты не в курсе; может, там у вас, на Херсонщине, не так строго с этим. Ну, мало ли что бывает...

— Успокойся, все так же. И я в курсе.

— Вот мне и интересно: какая же это любовь полу-

чится, если тебе, скажем, срок впают, а? Ничего себе любовь: это же, наоборот, одни страдания. Значит, обжужливает тебя твой Бог, разве нет?

— Нет. В Писании сказано, что «ради Христа нам дано не только верить в Него, но и страдать за Него».

— Ага, понял. Эту галиматью о пользе страданий я уже слышал когда-то. Потом скажешь, что не надо собирать сокровища на земле?

— Скажу. Не надо.

— А я и это слышал. Хм, не надо. Тогда зачем мантулишь там, где больше платят, а? Из кожи лезешь, здоровье горишь? Зачем?

— Ниоткуда я не лезу. И здоровья мне не занимать. Господь не запрещает зарабатывать честным трудом. Это вовсе не грех, и...

— Чушь собачья, — тихо взвизгнул десятник. — То — грех, это — не грех... Кто такую разнарядку дает? Бог? И где Он? Ты Его видал? Нет. А если видал, то покажи и мне. Докажи, что Он есть.

— Я ничего не собираюсь доказывать, — нахмурился Марк.

— Ага-а, — вроде как обрадовался Курамшин. — Зае-ело? Потому что сам ничего не знаешь, а повторяешь чьи-то побасенки. Все ложь, сплошные выдумки и притворство, все! Что? Хочется дать мне в рыло? Так ты дай, дай, отведи душу. Я ведь в нее без спросу лезу. Пришел, привязался, не дал спать, ну! Чисто по-человечески, а?

Трифон провокативно подсунул свою физиономию прямо к Марку и замер в ожидании, часто-часто моргая единственным глазом, который к тому же слезился; ноздри его нервно подрагивали, а на беспалой руке, вцепившейся в спинку койки, бугорками вздулись вены. Он был уверен, что Марк ударит его: парень силой не обделен; сам видел, какие он тачки с кирпичом vorочает.

Тем сильнее стало недоумение, когда тот вместо ожидаемой злости как-то грустно улыбнулся. И смешался десятник в чувствах, опять с опаской огляделся и про-бормотал невнятно:

— А че зубы-то скалишь?

— Да жалко мне тебя, товарищ десятник, — тихо сказал Марк. Он вдруг отчетливо понял, откуда у того такая агрессия. Она ему просто необходима для оправдания своего же неверия. — Не своим голосом говоришь, не свои мысли озвучиваешь. Верно говорю?

— Мимо, — без особого энтузиазма возразил тот. — У меня-то как раз все свое. Ничего не выдумываю, и Бог твой мне не указ.

— Все правильно. Бог и не будет тебе указывать, потому что отвергаешь Его. А слушаешься ты князя мира сего.

— Это сатану, что ли? — досадливо поморщился Курамшин, как бы показывая, что и он знает кое-что из Библии. Но сказал уже без злорадства, а с явным раздражением в голосе: — Бред какой-то. С чего ты взял, что я вообще кого-то стал бы слушаться?

— К сожалению, и слушаешься, и выполняешь его волю. Тебе-то, конечно, кажется, что ты сам по себе, ан нет! Для таких, как ты, он и расставляет сети. «Всех их таскает удою, захватывает в сеть свою и забирает их в неводы свои, и оттого радуется и торжествует». Это из Библии, дружище. Крепко ты попал на его удочку. Но по-другому и не могло быть: коли не хочешь быть рабом Божьим, непременно станешь рабом дьявола. Слышал, поди, такие слова: «Кто кем побежден, тот тому и раб»? Нет? Так это тоже из Библии. Вот ты на радость дьяволу и прешь напролом, исполняя его прихоти. Ведь это он тебе нашептывает каждый день, каждую минуту, что, мол, сделай то, сделай это. Что, разве не так?

Странно, но десятник все больше втягивал голову в плечи и вот уже отступил на шаг. При этом у него сильно задергался уголок верхней губы, а потом и вся щека под здоровым глазом. Из жесткого, озлобленного мужика он вдруг превратился в жалкого, беспомощного, сторбленного старикашку. Марк соскочил с койки, положил руку ему на плечо и уже более мягко продолжил:

— Я же вижу, что твои вопросы исходят не от тебя. Это ему, сатане, очень хочется, чтобы я ударил тебя. Ему, а не тебе. Ему это надо, чтобы занять возможность обвинить верующего в притворстве: дескать, на словах-то вы за любовь к ближнему, а на деле такие же ненавистники, как и все. Что, кстати, ты уже и сделал: обвинил меня во лжи и выдумке. А оно тебе надо,

Курамшин? Ну, повздоришь ты со мной, может, даже донесешь, а дальше? Что, так в ссоре со всем миром и будешь жить? Он ведь в покое тебя не оставит, как не оставлял все эти годы. Послушай совета: гони его от себя, гони как можно быстрее...

При этих словах Трифон сбросил его руку с плеча и, словно давясь чем-то, как-то трусливо прошипел:

— А п-ш-шел ты!

Но Марк придержал его:

— Призови Христа, Курамшин, и Он освободит тебя от...

— Замолчи! — тонко завопил тот. Лицо его перекошило в каком-то диком ужасе, он неуклюже развернулся и побежал через всю казарму к выходу. Тяжелый топот разбудил спавших солдат.

— Что за шум? — свесился головой парень с соседней койки.

— Все в ажуре, спи, салага, — подоспел дневальный, а сам уставился на Марка: — Чего это он, Ромке? Чего он от тебя хотел?

— Да так. Хотел выяснить, кто мои родители.

— Вот те раз. А что ж рванул так, будто черти за ним гонятся?

— Черти? — удивленно посмотрел на него Марк: — А ведь ты угадал: и впрямь он побежал от дьявола.

— О чем ты? — не понял солдат: — Ты, что ли, дьявол?

— Да ну. Дьявол в нем самом. А вот убежит ли мужик от него — это вопрос. Но, похоже, лед тронулся.

— А иди-ка ты, — махнул рукой дневальный. — С тобой-то уж точно можно тронуться. Но гляди, он мужик злопамятный. Как бы чего не устроил тебе перед самым дембелем, а? Будь осторожен.

— Спасибо за заботу. Буду.

—*—*—*—

Тут Марк сделал паузу: он видел, что его рассказ заинтриговал гостей, особенно Ксению. Она слушала его, не скрывая волнения, и почему-то постоянно ощущала горло.

— Что с тобой, тетя Ксения? За меня испугалась?

— Испугалась, — кивнула она. — Как его звали, Марк?

— Трифон. Но по имени его не звали. Обычно — Курамшин, а за глаза — «Пусто один».

— И ты больше с ним не встречался? Не разговаривал?

— Было дело. Дня через три встретились после второй смены. Я уже к казарме подходил, когда он окликнул меня со стороны леса — лес там прямо к казармам прилегает. Кругом никого, ночь и небо, хоть и звездное, а тени от деревьев такие, что все пространство скрыли от глаза. В общем, сразу я и не сообразил, кто это. Уже когда он отделился от деревьев, увидел, что Курамшин.

«Неужели, — думаю, — и правда, решил что-то мне устроить?» Но вижу, идет один. Подошел, постоял с минутой молча. Потом без всяких предисловий спрашивает:

— Библию дашь почитать?

Это было так неожиданно, что я растерялся. Давать Библию я, конечно, не собирался: думаю, уж кому-кому, но этому человеку она может понадобиться только для одной цели — чтобы меня сдать, а ее сжечь. Он увидел, что я туго соображаю, и так зачастил, будто боялся, что недослушаю. Ты, мол, не подумай чего, я только прочитаю и сразу верну. Мне, мол, на пару дней только. Чем еще больше убедил меня в своих намерениях.

— Библия для человека неверующего, — говорю, — что букварь для первоклассника. Сам подумай, может ли этот ученик за два дня осилить букварь? Если уж он, и правда, захочет постичь ее, то каждую букровку придется выверить, каждое слово прочувствовать.

— Значит, не дашь, — подытожил он со вздохом. — Да я так и предполагал. Все же думал, что ты посмелее других, не побоишься помочь бывшему зэку. А может... Может, у тебя ее нет? — с какой-то надеждой посмотрел он на меня, словно это его бы устроило.

Я промолчал. Врать не хотелось, а правда была бы слишком рискованной.

— Понятно, — покачал он головой. — Думаешь, я засланный казачок? А хочешь, докажу, что это не так? — И, не дожидаясь ответа, совсем понизил голос: — Если бы я хотел тебя сдать, сделал бы это уже давно. Любому оперу шепнул бы один адресок, и вас бы накрыли. А адресок такой...

Вот тут-то я и похолодел: он назвал точный адрес дома, где мы проводили наши тайные собрания. Гонения тогда уже набирали силу, и некоторые наши служители перешли на нелегальное положение. Стою в растерянности, перевариваю такую новость, а он не спускает с меня своего глаза, в котором мне чудится какой-то зловещий отблеск. Кое-как я справился с волнением.

— Ну, а что же ты в дом не зашел, — говорю, — если выследил?

— Так видел же, с какой оглядкой вы туда идете. Конспирация что надо. И потом, откуда мне знать, что меня там ждет: известно ведь, что незваный гость хуже татарина. Я, конечно, не верю всяким там агиткам, что вы детей в жертву приносите, но соглядатай — не дите. Его и кокнуть не грех. Вот сначала и решил проверить тебя в казарме. На предмет мордобоя.

— И как? Проверил?

— Проверил. Годится. Но ты во мне струнку одну задел. Какую — не спрашивай, не готов ответить, пока не дашь Библию.

— А я не готов тебе ее дать, — отвечаю, — пока не переговорю со своими братьями. Не обижайся, но день-два придется подождать.

— Ладно. Верю. Но и ты поверь: как бы мне ни хотелось, но в тот ваш дом без тебя никогда не войду. Обещаю.

На том и порешили. Только не подошел он больше. Услали его куда-то в командировку, а я через неделю

демобилизовался. Не скрою, мы с папой не исключали облавы, но, слава Богу, она так и не случилась. Все же в том доме мы больше не собирались. Теперь, когда уже прошло три года, думаю, что боялись мы его напрасно.

— И ты не знаешь, как его найти? — Ксения уже давно вышла из-за стола и взволнованно ходила по комнате.

— Да жив ли он еще, — усомнился Марк. — С кирпичного завода его уже в следующем году уволили. Так мне один мой сослуживец писал. Совсем, мол, мужик негодный стал здоровьем, вот на пенсию и отправили. А жил он в одной деревеньке где-то у Балахты.

— Мне нужно его увидеть, — решительно заявила она.

— Зачем он тебе, Ксюша? — взяла ее за руку Дуня. — Марк тебе еще не все рассказал о нем. Не зря же он спрашивал, верующие ли у него родители. Видать, замешан в тех репрессиях тридцатых годов.

— Или даже раньше, как было в Благмоне, — с болью в голосе подхватила Ксения. Глаза ее затуманились, она провела рукой, словно снимая с них пелену. — А потом сам попал в те же жернова. Вот и ищет успокоения. Именно поэтому я и хочу видеть его. Дуня, Руди, прошу вас. Я должна встретиться с ним.

— Ты думаешь... — ее волнение передалось Дуне. — Но ведь он...

— Сердце мне подсказывает, что это он.

— Он — не он, а надо проверить, — решительно встал и Рудольф. — Завтра с утра отправимся на поиски. У меня аккурат выходной.

— А кто это — он? — озадаченно смотрел на них Марк, да и Валя с Верой не понимали, о ком идет речь.

— На чьи поиски едем? Курамшина?

— Может, и его. Вот найдем, там и увидим, тот ли он на самом деле, — подытожил Рудольф. — А что найдем, так не сомневайтесь: рядом с Балахтой всего три деревеньки, а я там людей наперечет знал. До самого сорок восьмого лечил весь район. Там каждый приезжий на виду, как белая ворона.

— А если он не тот, кого вы хотите найти?

— Тогда подарим ему Библию. Он же просил у тебя.

— Правильно, — просиял Марк. — Лучше поздно, чем никогда.

Наутро они, оставив на домашнем хозяйстве Валу с Верой и попросив благословения у Бога, вчетвером выехали в направлении Балахты. Путь предстоял неблизкий: около двухсот километров в одну сторону, а это по сибирским дорогам не так-то и мало.

—*—*—*—

Вначале пути все сосредоточенно молчали, и каждый продолжал молиться об успешном результате поездки.

— Ксюша, а ты узнаешь его? — нарушила наконец молчание Дуня. — Как-никак почти сорок лет прошло.

— Узнаю, даже если пройдет еще столько же. Я и сейчас вижу его нутром, не глазами. — Ксения грустно вздохнула. Она сидела впереди рядом с Марком

и любовалась необычайной красоты пейзажем: горы террасами спускались к реке и шумели пока еще не выкорчеванными вековыми деревьями. — Кем ни окажется этот человек, сегодня разрешатся все мои сомнения: я узнаю, для чего Господь оставил меня в живых. Так, наверное, бывает перед уходом в вечность. Эти мысли все чаще посещают меня.

— Тетя Ксения, не надо о грустном, — попросил Марк. — Смотрите вперед, наслаждайтесь нашей природой и слушайте, что буду говорить я. А говорить я буду вам о том, что этой дорогой когда-то ехал на перекладных Иван Вениаминович Каргель, наш великий миссионер и проповедник.

— Да, да, — оживился Рудольф. — И если точнее, то было это в конце прошлого века. Здесь Иван Вениаминович с Фридрихом Бедкером посещали как большие, так и этапные тюрьмы; возвещали арестантам Слово Божье и раздавали Библии. До них в этих краях этого никто не делал. Кстати, проповедовать каторжникам в Сибири им было разрешено с согласия самого царя. О, царь был умным человеком: с помощью Евангелия он надеялся уменьшить преступность в России. Ты в чем-то не согласен, Марик?

— Я о царе. Умный он был, кто спорит. Только ты забыл, о чем сказал он, давая сие распоряжение.

— Ну-ну, напомни, что?

— Разрешаю, мол, проповедовать Евангелие для этих негодяев, так как это, наверное, последнее, что может

как-то помочь им. Еще как помогло! Многие каторжники, среди которых были закоренелые уголовники и даже убийцы, каялись, слушая проповеди Бедекера и Каргеля, обращались к Богу. А потом, уже через годы, обращенные в тюрьмах освобождались, шли домой и сами проповедовали. Это они стали создавать здесь новые общины. Царь и не предполагал, что «эти негодяи» не только уверуют, но и зажгут огонь евангельского учения по всей России. Да и кто же мог подозревать такое! Но таков был план Божий.

Беседа приняла оживленный характер, потому что Ксения также читала некоторые книги Каргеля. И сразу раскрепостилась душа, ушла озабоченность результатом поездки. Под неторопливый рассказ Марка о странствиях миссионеров, полных неожиданностей и приключений, виделись уже совсем иные картины. Представить Божьих служителей здесь в пути на телеге даже сейчас было совсем нетрудно: кругом на тысячи верст все так же простиралась и шумела тайга, а если кто изредка и попадался навстречу, то большей частью это оказывалось как раз конной повозкой. Скоро, очень скоро тут пойдут вырубki, протянут ЛЭПы, и тогда — прощай, таежная идиллия; прощай, и ты, гужевой транспорт, самый надежный в таежных условиях.

Первым о намеченной цели вспомнил сам рассказчик, когда почувствовал, что закипает вода в радиаторе. Взгляд его упал на спидометр: по нему они уже отмахали половину пути и должны были оказаться у водохранилища,

но такового пока не наблюдалось. Впереди, по левую сторону дороги, насколько хватало глаз, стоял лес, направо расстилалась холмистая долина с крохотными островками из трех, пяти, а то и вовсе из одной березки. Они как бы перебегали долину, чтобы добраться до виднеющегося в конце ее перелеска. И там, у самого колка, виднелась небольшая деревушка, к которой вела едва заметная тележная колея. Марк, не раздумывая, свернул на нее.

— В чем дело? — встревожился Рудольф. — Куда это мы?

— Надо долить воды, а то вот-вот закипит.

— Вообще-то, сынок, хороший шофер загодя должен заботиться об этом, — мягко укорила Дуня.

— Думаешь, я не проверял? — пожал он в ответ плечами. — Да все на два раза просмотрел. Странно, неужели шланг пробило?

— Да ничего странного, это же машина, не человек, — ободрил его отец и указал рукой вправо: — Давай во-он туда, Марик, там все посмотрим. И ближе, и вода есть — колодец там я разглядел. Кстати, нам не мешает отдохнуть, а тут и место будто как раз для отдыха.

Там, куда он указывал, у самого леса стоял небольшой домик. От деревни его отделял неглубокий распадок, за ним еще с полкилометра.

Марк остановил машину напротив дома у заплота из двух продольных жердей, огораживающих довольно объемный участок, и двух врытых в землю столбов для

ворот. Самих ворот не было. Справа от дома времянка с летней кухней, где, кроме стола под навесом, стоял еще и мотоцикл «Иж-49». Бормоча что-то себе под нос, Марк сразу же поднял капот. Рудольф, Дуня и Ксения сгрудились около него, ожидая экспертного заключения. Не обнаружив никаких пробоин в шланге, он облегченно вздохнул и отрапортовал, шутливо вскинув руку к виску:

— Все в порядке. Как я и предполагал, мотор что-то греется. М-да, а хозяйева, однако, не спешат навстречу гостям, — заметил он. — Непорядок. Ну, раз гора не идет к Магомету, он сам идет к горе.

Но не сделал и двух шагов, как скрипнули двери и на низенькое крылечко вышел мужчина. Приперев дверь колом (видимо, плохо держалась), он повернулся и медленно, с трудом переставляя ноги, заковылял к ним. Кисть левой руки у него была в перчатке. Ксения тревожно ухватилась за руки поддерживавших ее Дуни и Рудольфа и не спускала глаз с приближавшегося хозяина:

— Мама родная, — как вкопанный встал Марк и оглянулся на своих, как бы ища поддержки. — Курам-шин. Мистика какая-то.

И успел заметить, как покачала головой Ксения.

— Нет, не признаю, — прошептала она то ли с сожалением, то ли с облегчением. — Вроде не он. Но все равно, как договаривались.

Это означало, что при нем они не будут называть ее по имени.

А Курамшин тем временем доковылял до заплота и, приставив руку козырьком ко лбу, пытливо всмотрелся в незнакомцев своим единственным глазом. Никого не узнав, кашлянул сдержанно:

— Кто такие? Что надо?

— Да вот вода закипела, холодной бы залить, — сказал Марк, все еще поглядывая на Ксению. И успокоился: значит, не тот.

— Вода в колодце. Там и ведро. Зальете и поставите на место, — хозяин говорил отрывисто, короткими, не всегда законченными фразами, но во всем его облике угадывалось желание пообщаться с незнакомыми людьми и даже услужить им. Не часто, видимо, так-то вот подъезжают они сюда. — Чем еще могу помочь? Или это все?

— Да нет, не все Курамшин, — улыбнулся Марк, увидев ободряющий кивок Ксении. — Ты что, не признал меня?

Мужчина вздрогнул и, приглядевшись, нахмурился: — Ромке? Ты?

— Я. Вот мы и встретились. Помнишь — договаривались?

Трудно описать то, что произошло с этим человеком в последующие минуты: конечно же, он сразу вспомнил Марка и оторопел от неожиданной встречи. И первоначальной реакцией была естественная, едва наметившаяся улыбка. Но она только успела тронуть уголки губ и тут же исчезла в нервных судорогах лица, сменилась чуть ли не звериным оскалом:

— Теперь ты мне не нужен. Берите воду и проваливайте!

— Не слишком-то гостеприимно. Может, хоть побеседуем?

— Валите подобру-поздорову! — угрожающе рыкнул Трифон. — Ни с кем ни о чем не хочу говорить. — И пробубнил заученно: — Все уже обговорено, сказано, завязано, положено, лежит. Все!

Сам, однако, не уходил, и в лице его читалось явное противоречие словам: несмотря на грозный тон, в нем теперь еще отчетливее отражалась тоска одиночества, жажда общения. Было впечатление, что грубит он против своей воли.

Раньше всех это ощутила Ксения. Таких людей она встречала еще в Благмоне: они приходили туда за исцелением.

— Он одержимый, — шепнула она Рудольфу и шагнула к мужчине: — Дорогой брат, — сказала проникновенно (чем привела его в полное замешательство), — мы ехали к тебе, как к своему земляку. Узнали от Марка, что ты тоже из Херсона, и решили поделиться с тобой новостями. Ты ведь давно там не бывал, а услышать о родном крае всегда интересно, не так ли?

То, как она обратилась к нему, шокировало не только самого Курамшина — вся ее компания замерла на какое-то мгновение. Но уже в следующую секунду почин Ксении поддержала Дуня: подойдя к хозяину, приветливо улыбнулась и положила руку ему на плечо:

— Принимай гостей, брат. Нам есть что рассказать тебе.

— Ну, какой я вам брат? — в неловком смущении, как бывает с человеком, которого по ошибке приняли за другого, пролепетал он. — Нет у меня никого. — Опустив голову, проковылял до крылечка, убрал кол и широко распахнул двери: — Но все одно: проходите, раз уже тут. Прошу, земляки. Чем, как говорится, богаты, тем и рады.

Пропустив гостей, зашел и сам. Из сеней они прошли через кухню в просторную горницу. По другую сторону кухни были еще две крохотные комнатухи. Дом, неказистый снаружи, внутри оказался опрятно убраным, а горница была обставлена довольно богатой мебелью, непонятно как попавшей в такую глубинку. Посреди комнаты стоял круглый стол с фигурными точеными ножками и венскими стульями вокруг него; в одном углу зеркальный шифоньер и от него вдоль глухой стены старинный, резной выделки комод из красного дерева, дорогой сервант с посудой из хрусталя за стеклянными створками — все говорило если и не о вкусе, то об обеспеченности хозяина. Курамшин, конечно, угадал их мысли. Усадив гостей на массивный кожаный диван у другой стены с двумя окнами, он пошел на кухню и вернулся с чайником в руке.

— Женщин попрошу достать блюда, — сказал извиняющимся тоном. — Вон там, в серванте. — И скаламбурил: — Мне с одной рукой как-то не с руки. Еще разобью. А это все не мое. Я тут вроде сторожа. Хотя

дом уже мой. Купил его, как на пенсию вышел. Раньше-то в деревне возле Балахты проживал.

— Так туда мы к тебе и ехали, — осторожно вставил Рудольф. — Я в том краю участковым врачом долгое время работал: в Таловой, Марьясово, Огоньках. Ты в какой из них жил?

Курамшин, похоже, расслышал только первые слова и застыл с чайником в руке, так и не поставив его на стол.

— Вы что, действительно ехали ко мне? — в голосе отчетливо слышалось недоумение.

— Ну да, — подтвердил Марк. — Вот и родных взял с собой.

— Да-а это как же: ехать туда, а... — словно за-циклившись на нелогичности ситуации, продолжал недоумевать Курамшин, не обращая внимания на пояснение. — А попали сюда?

— А как ты сам думаешь? — улыбнулся Рудольф. — Это и нам интересно бы знать. Почему-то вода закипела аккурат у своротки в вашу деревню. Вот мы и оказались у тебя. Представляешь, какой путь нам пришлось бы проделать, не случись этого?

— Притом, что уже точно не нашли бы тебя, — добавил Марк.

— А-а на что я вам понадобился? — начал что-то понимать Курамшин, и было видно, как он весь напрягся.

— Чтобы извиниться, за то что побоялся тогда дать тебе Библию, — сказал Марк. — За то что сразу не пригласил на собрание.

— Не надо мне никаких собраний. И книгу не надо, — жестко оборвал Трифон и следом совсем безвольно: — Уже ничего не хочу.

— Прости, брат Курамшин, время сейчас, сам знаешь, какое. Хочешь не хочешь, а приходится опасаться. Слышал, поди, сколько наших людей сидит по тюрьмам за Слово Божие. Знаешь ведь?

— Знаю, — как-то отсутствующе обронил он, поставил наконец чайник на стол, а сам, сгорбившись, присел на стул: — Я сидел с такими. И чинил им много зла. Столько, что даже ничем не можно измерить. Потому что меры такой нету. Это потом я задумываться стал, когда в лагере настоящая война между «честными воорами» и предателями «воровской идеи» развернулась. Называлась она: «с...я война». Может быть, слышали? Так вот в той войне я глаза лишился. Но выжил. Там, в санчасти, рядом со мной умирал один баптист, и все талдычил, что идет он ко Христу. Как же я позабавился этой его глупой верой в загробную жизнь! А он мне в ответ: «Моя жизнь принадлежит Богу. За Него я ее и отдаю. А ты — кому и за что? А ведь придет время, и ты сам будешь просить Божьей милости. Помни мое слово: Бог поругаем не бывает».

Я за это готов был его растерзать, но нет-нет да и задумаюсь другой раз над его словами. — Трифон невольно ушел в воспоминания и клонился головой все ниже и ниже: — Потому и стал спрашивать про Бога. Но не у тех, кто прислуживает власти, а у тех, кто за

Бога в лагерях не боится жизнь отдать. Встретился мне еще один такой в последний год на зоне и еще больше заронил в душу сумятицу. Видел я, как он, истощенный до крайности, раз за разом делился своей пайкой хлеба с таким же страдальцем, который был еще слабее его. Норму тот на лесоповале не выполнял, вот ему паек и урезали. Да я бы еще понял, если бы он поделился один раз, ну два, но не каждый же день! Когда же я спросил, зачем это ему надо, он ответил, что Бог так велит. С ближним, мол, делиться — это все равно, что Богу хлеб отдавать. И таким доходчивым показалось его объяснение, таким наглядным оно было само по себе, что я поверил ему. До этого ведь не верил ни-ко-му, а тут — безоговорочно! Да и как не поверишь, когда мужик на ладан дышит, а в глазах — жизни на целый лагерь!

И вижу: ждет-не дождется он смертоньки, но не как большинство из доходяг, — ну, чтобы избавиться от страданий, а ждет, как переход в жизнь новую. Точно, как тот, в санчасти. Ко Христу, мол, пойду, там мои обители.

Одну его мудреную фразу я запомнил на всю оставшуюся жизнь: «Отпускай, — сказал он, — свой хлеб по водам, потому что он обязательно вернется к тебе через много дней». Красивые слова, они мне так и вошли в сердце. Но лучше бы не входили...

Курамшин тяжело вздохнул, видимо, прокручивая в памяти те судьбоносные для него дни. Гости понимали и не торопили его.

— Этот чудак, наверняка выжил бы, если бы не делился со слабым, — продолжил он. — А так — умер. Оба они умерли.

И тогда я вспомнил, сколько их, таких верующих, случилось мне по жизни видеть, а в душу к ним я не пытался заглянуть. Ох, не то говорю: какой там «заглянуть»! Я же их натурально гробил, когда сам был во власти. Мне бы у них у всех прощения попросить, покаяться перед ними. Да я бы и на коленях ползал, только бы простили. Но лишь зачну об этом думать — страх невероятный к душе приступает, корежит-крутит-выворачивает всего наизнанку. Перестану думать — опять покой. Потому и обрадовался, что Ромке тогда не встретился больше. А он тут снова. Да еще с вами. Тошно мне. Столько уже лет как тошно.

Видимо, непривычно долгая тирада утомила его; он чуть распрямылся, спрятал лицо в ладони и простонал в щемящей тоске:

— Ну, зачем вы нашли меня? Я только-только обрел покой. Мне осталось совсем немного, а вы не даёте спокойно умереть. Зачем?

— Мне кажется, ты знаешь, зачем, — подошел к нему Рудольф, выдвинул стул и присел напротив. — Если бы даже остался и один день, ты должен успеть примириться с Богом. Потому что впереди у нас вечность, и где мы проведем ее — главный вопрос. Жить без Бога можно, Трифон, но умирать без Него страшно.

— Страшно! — эхом отозвался Курамшин. — И позд-

но. Мириться с Богом мне поздно. Слишком много греха и слишком мало времени.

— Примиришься с Господом никогда не поздно. Распятый Христос простил разбойника прямо на кресте, и тот оказался в раю.

Курамшин поднял голову и недвижным оком устремился в потолок, словно мог разглядеть там голгофский крест:

— Я слышал об этом. Но тот разбойник, наверное, только грабил... Не гробил. Иначе разве же можно простить?

— Нам не дано ни знать, ни судить об этом, брат, — взялего за руку Рудольф. — Давай помолимся, попросим Иисуса простить нас...

— Не надо молиться, — взвизгнул Курамшин, неожиданно резво вскочив со стула и отмахиваясь рукой от кого-то невидимого. — Уберите его. Пусть уходит! Пусть...

Рудольф силой удержал и усадил его.

— Марк, сестры, на коленях молитесь Христу о заблудшей Его овечке. А ты, брат мой, слушай зов наш к Иисусу и отгоняй прочь потуги сатаны. С Иисусом ты одолеешь его козни, и на кону сейчас твое спасение. Думай о вечности, слушай молитву к Богу и повторяй ее. Внимай тому, что Господь скажет тебе.

Стоя на коленях, гости по очереди стали молиться, и Трифон с первых же слов еще больше забился в судорогах, замычал нечленораздельно, замотал головой — того и гляди, оторвется напрочь. Рудольф крепко держал его

и чувствовал окаменевшие его мышцы. Собственно, весь он был одним сгустком железных мышц.

— Успокойся, — тихо повторял Рудольф. — Наш Небесный Врач не даст тебя в обиду. Призывай имя Иисуса — и будешь спасен.

Курамшин хватал раскрытым ртом воздух и будто им же и давился. Весь в слезах, он явно тщился что-то сказать — и не мог. Звук застревал в горле. Но вот из груди его вырвался долгий истошный вопль; он дернулся в очередной раз, потом обмяк и затих так, будто освободил брэнное тело от тяжкого земного гнета. Лишь прерывистое, свистящее дыхание выдавало теперь в нем жизнь. Он потерял сознание.

Рудольф осторожно перенес его на диван и, прощупав пульс, присоединился к молящимся.

— Господи, слава Тебе! — снова и снова повторялось в молитве. — Ты освободил зависимого. Слава Тебе и держава!

—*—*—*—

Марк уже залил воды и опробовал машину, женщины сготовили нехитрый обед, когда Курамшин наконец очнулся. Увидев сидящего рядом с собой Рудольфа, он смущенно улыбнулся, угадав, почему тот держит его руку на пульсе.

— Припадок? — спросил тихо, чтобы не слышали другие.

Рудольф отрицательно покачал головой.

— А? — хотел он еще что-то спросить, но тут же смолк, ощутив в душе прилив неизъяснимого благоговения. Это вновь повторился благословенный миг только что пережитого им освобождения от пут сатаны. Тот миг, который он не смог вместить в себя и даже потерял сознание, а теперь делился им с переполняющим душу умилением:

— Братцы, отчего это во мне радость такая? Никогда еще так не радовался. Откуда мне счастье такое? Неужели ж можно...

И заплакал: сначала беззвучно, стараясь сдержаться, потом все громче, содрогаясь всем телом и уже не стесняясь присутствия женщин. Так, слезами раскаяния, очищалась душа от скверны мира и все целеустремленней и зримее сбрасывала многолетние — длиною в жизнь! — оковы, которыми он сам себя и сковывал. Медленно соскользнув с дивана и уже стоя на коленях, он впервые в жизни зашептал слова благодарности Богу. И дались они ему уже легко по сравнению с тем, как он только что пытался повторять их за своими гостями; когда язык распух и отказывался произнести слово «Господь». Теперь речь его лилась складно и свободно:

— Господи, наконец-то я понял тех, кто жаждет встречи с Тобой не только на земле. Жаль, что понял я это слишком поздно...

Видя этот промысел Божий, снова встали на колени все четверо его гостей. И если бы кто-то со стороны подсмотрел это их восторженное славословие в адрес

Господа за освобождение грешника, вряд ли понял бы, кто больше радуется: те ли, кто молится за него, или сам раб, за которого они молились. Ибо светлая улыбка озаряла лица всех, без исключения.

Потом была продолжительная дружеская беседа за столом, и, когда речь зашла о крещении, Трифон опечалился. Дата крещения в их церкви показалась ему слишком отдаленной.

— Дорогие мои, я могу не дожить до этого дня, — грустно улыбнулся Курамшин. — Каждый вечер я ложусь с мыслью, что завтра уже не встану. И это не старческий маразм, а трезвая оценка — здоровья у меня давно уже нет. Я хотел бы успеть, как вы сказали, заключить завет с Богом, присоединиться к семье Христа. Я только этим ожиданием и жить буду. Придумайте что-нибудь.

— Обязательно придумаем, — утешил его Рудольф. — Жди нас с пастором в следующее воскресенье. В общем, готовься. Сестры, дайте брату Библию.

— Готовься и молись, Трифон, — поддержала Ксения и достала из сумки Библию. — Это подарок. Если сатана подступит к тебе с угрозой ли, с обольщением ли (ведь он, как правило, так просто не отдает своего раба), сразу же берись за нее. Читай, молись и не переставай призывать имя Христа: только с Ним можно победить дьявольские соблазны.

— Где-то я уже слышал такое напутствие, — пробормотал Курамшин, напрягая память. — Но где? Нет, не припомню.

— Такое напутствие дается человеку, которому от всей души желают избавления от сатаны. А значит, несмотря ни на какие грехи в прошлом, любят его и желают Христового спасения. Главное, не повторить эти грехи в будущем. Помни эти слова. — Ксения прошла к комоду и выдвинула верхний ящик: — Библию я положу сюда, чтобы она всегда была под рукой. Видишь?

— Да, спасибо, — Курамшин встал, видя, что гости засобирались в путь: — Я еще хотел спросить: могли я найти вас, если случится что-то непредвиденное?

— Ну, конечно, — улыбнулся Марк. — Тем паче, что адрес ты знаешь. Мы снова собираемся в том доме, где ты выследил меня.

— Тогда, до встречи? Здесь или у вас.

— Это неважно, — сказал Рудольф. — Важно, чтобы она состоялась. Оставайся с Богом, Трифон.

— Счастливого вам путь!

Проводив гостей, Курамшин долго еще не мог найти себе места. Он то садился на диван, то вновь вскакивал и в сильном возбуждении ходил взад-вперед по комнатам: «Как? Как я мог столько лет не распознать, откуда берут силы эти люди? Почему меня раздражал их счастливый вид даже тогда, когда им приходилось страдать? А я всегда старался усугубить их страдания и находил в том радость. Я гробил их, не понимая, что этим гроблю прежде всего себя».

И снова всплеск отчаяния, и снова он упал на колени:

— Господи, прости! Если можно, прости!

Тогда вновь подступили к горлу слезы и жалость к самому себе за то, что так бессмысленно прошла вся жизнь. И вот, уже вконец измученный, но уверенный, что Господь слышит его, прошептал:

— Но теперь, Господи, буду только с Тобой! Два ли, три ли дня — уж сколько осталось, столько и осталось, но позволь славить имя Твое. Славить, не переставая, как и сказала эта славная женщина. Жаль, не узнал даже, как ее зовут.

И вновь ответом ему было необыкновенное, никогда в жизни не изведенное им умиротворение души. Это она, душа его, наконец-то возвратилась к Тому, Кто дал ей жизнь. Это был ее источник, и в Нем она стала утолять жажду.

«Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда приду и явлюсь пред лицо Божие!» (Пс. 41:2—3).

Наслаждаясь столь необычным для него состоянием покоя, он прилег на диван и — в кои-то веки! — забылся безмятежным сном.

Проснулся он уже под вечер, вынул из ящика комода Библию, но тут же отложил ее и взял аккуратный сверток, лежавший рядом.

— А вот мы поглядим, что еще она тут оставила, — радужно улыбаясь, нараспев протянул он, хотя сердце отчего-то тревожно екнуло. К тому же не сразу поддался узел тесемки, которой был перехвачен сверток. — Пря-

мо тайна какая-то за семью печатями, — пошутил он. Но когда развернул ткань и увидел находившийся там ремешок, медленно осел на пол, держась за сердце. В памяти моментально высветилась та долгая ночь в Белозерке. Она давно уже преследовала его, но с такой ясностью предстала перед глазами впервые: Ксения, расprostертая на полу, и склонившийся к ней Припасенко. И тот что-то быстро спрятал в карман брюк.

«Значит, это Гуря тогда увел ремешок, — прошептал он враз онемевшими губами и безошибочно нащупал выжженные свои инициалы на внутренней стороне ремешка: — Вот он, конец-то какой получается. Думал, прощен буду — ан нет, мой дорогой «А.Б.», пришло время платить по счетам. Несмотря на то, что ты давно уже совсем не Антон Бузыкин. И кому теперь докажешь, что хотя бы тут ты ни при чем? Да и надо ли доказывать? Как не надо и догадываться, откуда они знают про это. Какая разница? Ясно же, что они знают все, и это — финиш! Никакого ни «А.Б.», ни Трифона Курамшина завтра уже не будет».

Непонятно откуда в руках его вместо ремешка оказалась крученая бельевая веревка, и он тупо разглядывал ее, машинально конструируя петлю. А в калейдоскопе памяти, быстро сменяя одна другую, замелькали картины прошлого. И виделись они четко, ясно; вот только глаз остановить было не на чем. Всю жизнь он кого-то обманывал, за кем-то гнался, стерег за углами, потом сам от кого-то убегал. Одна сплошная гонка. Думал,

бежит за славой, богатством, почетом; оказалось — за миражом. И вот теперь, когда так захотелось очиститься от всех тех грехов, они разом свалились на голову. Так и должно было быть, и жаловаться нет смысла — это справедливое возмездие за все.

... Когда-то он несказанно обрадовался сроку в двадцать пять лет, но уже на пересылке в Новосибирске в лютей мороз судьба еще больше улыбнулась ему. Антон хорошо помнил, как капитан охраны после переключки и уже перед самой посадкой в вагоны, вывел его из строя и втолкнул в какую-то бытовку сразу за платформой.

— Скидывай робу, — приказал негромко. — Фу-файку, штаны, валенки, шапку. Исподнее оставь. Да быстро, быстро!

Бузыкин выполнил приказ и остался в нижнем белье.

— Че, капитан, в расход?

Но тот ничего не ответил, молча засовывая вещи в мешок.

— Вон там, в углу, другая роба. Надевай и жди тут! — бросил на ходу и выскользнул из будки.

Ничего не понимая, Бузыкин переоделся и стал ждать. Он слышал команды, разводящие эков по вагонам, потом уже свисток отправления, но капитан все не появлялся.

— Побег шьют, — догадался он, и кисло улыбнулся: — «При попытке», значит. — И заметался по будке, зарычал, как раненый зверь, вцепившись в оконную решетку: — Не хочу, не имеете права!

— Чего орешь, лапоть? — внезапно вырос у него за спиной капитан. — Благодарю судьбу, что помнят тебя. В общем, слушай: твой Антон Бузыкин по дороге угодит под колеса вагона. Хлопнут его при попытке к бегству, он и свалится на рельсы. Ни рожи, ни кожи — сплошное месиво, сам понимаешь. Опознают тебя по одежке. А ты, Трифон Курамшин, осужденный на червонец за «бакланку», поедешь уже не на Колыму, а в другой лагерь. На вот, читай и запоминай свою биографию, — подал два сложенных листа бумаги: — Да сиди здесь тихо, пока не приду. А то разорался, чуть всю обедню мне не испортил. Я пока что вслед за тобой не тороплюсь. Все, жди.

Тревога, радость, страх поочередно сменялись в душе. Все смешалось в догадках: если это не хитрый ход, чтобы грохнуть его, то кто мог позаботиться о нем? Да, только Шклабада мог решиться на такое. Но тот ведь сам уже «сыграл в ящик» при подобных обстоятельствах.

Все сомнения развеял капитан. Проверив арестанта на предмет знания его новой биографии, он остался доволен еще и внешним сходством Бузыкина с Курамшиным.

— Если вдруг у кого-то возникнут подозрения насчет тебя, будь спокоен: рыло у тебя и впрямь курамшинское. Ростом, правда, ты чуть выше. А родни у него нет — ни кутенка, ни ребенка. Вот только он в «мужиках» в зоне числился, так что придется тебе со шпаной за место под солнцем воевать. Ну, да теперь зона новая будет, а как мне сказали, ты и сам не промах.

— Кто сказал? — оживился Антон. — И почему бы тогда под чистую не подогнать, а? Чего ж мне тут чалиться?

— М-да-а, — покачал головой капитан. — Аппетит приходит во время еды. Другой бы ноги целовал, а этому мало. — И отшатнулся брезгливо: — Да не мне, не мне, придурок. Бабе своей целовать будешь. — И осекся: — Тьфу, ты, зараза, проговорился. Ах, все одно.

— К-к-а-а-акой бабе? — заикаясь, выкатил глаза Бузыкин.

— Твоей, какой еще? — рыкнул капитан. — Но я тебе ничего не говорил. Да и самому тебе лучше об этом молчать. Одно слово — и... — Он сделал жест, изображающий виселицу: — Понял?

— Не дурак.

— Вот и заметано. Вечером еще один эшелон с вами, чудиками, прибывает. Так что, ни пуха тебе... Тришка. — И качнул головой: — А похож ты на него, сильно похож, язви тебя. Пошли, я тебя к новой партии пристрою. Обобьешься пока до прихода поезда.

—*—*—*—

Все было так, как и предсказывал капитан. Подозрений Антон ни у кого не вызывал, а «место под солнцем» завоевал довольно быстро, пробившись сначала в бригадиры, потом и в десятники. И лишь один раз — но какой ценой! — пришлось доказывать, что он... не он. Случилось это уже в пятьдесят втором, после того как он

потерял глаз, и когда один из прибывших в зону рецидивистов все же опознал в нем «Живодера», несмотря на сильно изменившуюся внешность. Чтобы проверить его догадку, верхушка шпаны потащила Бузыкина «на суд»; а чем может кончиться такой «суд», Антон прекрасно знал. Если поверят урке, его сначала «опустят», а потом и убьют. И никакой тут «кум» не спасет. «Кум» — это не спасение, а точно такой же бесславный конец. Стоит только им зацепиться за ниточку и... Не-ет, урок-то еще можно попробовать обвести, а «кума» не проведешь. Спасти могло лишь стопроцентное алиби: то есть, подтверждение, что он — Курамшин. И он избрал абсолютно беспроегрышный ход: попросил у «заседателей» топор и, поклявшись, что он не «Живодер», в доказательство оттяпал на чурбаке три пальца левой руки. Метил отрубить только один, но подвел глаз. Вернее, его отсутствие. На этом «суд» спешно прекратили, признав за Курамшиным право мести. Однако он был уже настолько третий калач, что, зажимая раненую руку, простил обвинителя, с которым поменялся местами: теперь уже тому грозило то, от чего избавился Антон. И только когда «общество» удовлетворило его просьбу, он позволил отвести себя в санчасть. Надо ли говорить, насколько возрос его авторитет после этого?! А тот урка стал за него горой на всех сходках, и в итоге сам поверил, что это не Бузыкин.

Вскоре подоспел указ Берии, и Антон оказался одним из первых его «птенцов». Напомним, что на политических этот указ не распространялся, и оставайся

он Бузыкиным — тянул бы лямку еще аж чуть ли не двадцать лет. И уже ночью, после того как получил он это известие, подсел к нему, как всегда, его тайный советник, и ну его нахваливать: что, мол, видишь, как мы ловко всех объегирили. Все эти людишки против тебя — букашки... А Антон и без него давно в свою звезду поверил и не стал гнать льстеца. Такие речи — это ж как бальзам на душу. Только все равно начинал уже чем-то горчить этот бальзам. Не все ладно было на душе после встреч с теми двумя верующими, все чаще задавался он вопросом, чему они радуются. Вот он — понятно, чему: потому что остался жив. А радовался бы он, если бы пришлось гнить здесь четверть века? Конечно, нет. А эти радуются: они, мол, за веру страдают. Но если бы Бог был, то Он в первую очередь должен был освободить их. А нет: освободили-то уголовников, а верующие как сидели, так и остались сидеть. Вместе с политическими. Сам Антон, конечно, обязан всем Алине; значит ли это, что она могущественнее Бога? Или милосерднее? Да ни синь пороху. Даже странно, что вообще о нем вспомнила. И неизвестно еще, чем может обернуться эта ее милость. Все смешалось в башке, и кто разъяснит: где Бог, где порог? Потом вот про Марка прознал...

Петля была готова. Он проверил ее на крепость и обвел взглядом комнату. Нет, лучше во дворе: быстрее заметят и снимут, а то будешь гнить тут до морковкина заговенья. Никто же к нему из деревенских не заходит. А кто виноват? Сам. Ни с кем по-хорошему не разгова-

ривал, оттого Сычом и прозвали. По первости-то хоть пацаны в огороде озоровали, но как он на них страху нагнал, поймав одного из них, за семь верст с той поры обходят его хутор. Это уж потом прознал, что сирота тот мальчишка (трое их у немолодой уже Прасковьи, а отец сгинул на строительстве Красноярской ГЭС), и сам жалел, что так переусердствовал тогда с ним. Другой раз даже думал, хоть бы, мол, ребятишки «поогородничали», все одно урожай пропадает, но после такой трепки никто из них не осмеливался и близко подойти. Как огня боялись Сыча. Хм, надо же прозвали как. А ведь он, и правда, повадками-то на сыча похож. Мрачный и злобный — сыч и есть. И все же жалко уходить из мира так-то. Из таких передрыг выкарабкавался, а теперь вот сам решил свести счеты с жизнью. И это тогда, когда он увидел путь к спасению. Увидел свет Христов.

— Да все правильно ты решил, — тут же шепчет кто-то на ухо, и Антон знает, кто. Ох, и хитер сатана! Хитер и бдителен. Ничем не напоминал о себе, пока его клиент готовился свести счеты с жизнью; но стоило мелькнуть мысли о Христе, он в качестве советника как тут и был. Куда ни глянь — всюду он. Расползся-распластался по всей комнате, липкими щупальцами так и норовит объять душу. Скользящий он и противный, но слушать хочется.

А тот и рад стараться.

— Это ведь только сильному по плечу, — баюкает, ублажает гордыню. — Пускай видят, что не одним ты с ними миром мазан. Ты — индивидуум, сверхчеловек, а

они — сброд, толпа. Разве понять черни душу рыцаря? Это ж тебя на понт берут, на жалость давят, что, мол, раскаешься, и все простится. Ложь! Они норовят затянуть тебя в свои сети. Недаром сектой-то называют их. Но просчитались. Не по зубам ты им, потому что — кремень».

— Да, да, кремень-ремень, — бездумно повторил Антон и тут же похолодел от мелькнувшей догадки: — Ремень? — Вспомнилось, как ни с того, ни с сего переменялся тогда Гурьян и сам напросился похоронить Ксению. Причем отказался от помощи. — Неужели...

— Не думай ни о чем, — торопит советник. — И не вспоминай. Что было, то быльем поросло. Давай, за все грехи разом, а? Давай!

— А если это она? — почти обезумел Бузыкин.

— Да ты на руки-то свои взгляни, — визжит советник. — Взгляни, взгляни. Где тебе — она? Ими ты собственноручно отправил ее к праотцам. Ну, чего куксишься-то? Сто бед — один ответ. Шутка ли — девку удушил! Петля — твое спасение.

Бузыкин в ужасе поднес руки к лицу, и зарывшись в ладони, уронил голову на стол. И будто из той далекой поры донесся до него тот последний ее зов к Богу: «Господи, прости несчастного, ибо не знает, что творит!» Она молилась за него! И он слышал это. О-о-о!

И рвется из груди протяжный стон:

— Го-осподи-и! Пошто загубил душу невинную? Христос, как замолить мне этот грех?

И вдруг почувствовал, как освобождается душа от той липкой субстанции, но сам советник сгруппировался на диване и бормочет:

— Грех не замолишь. А уж тем более, если это она. Все — ложь.

— Не-е, не ложь, — распрямляется Бузыкин и тянется к Библии: — Она это или не она, скоро узнаю. Но она сказала, что Бог любит грешника и желает его спасения, несмотря на прошлое. — Антон торопливо листает и открывает книгу на закладке, где карандашом подчеркнута: «Непрестанно молитесь!» — Вот! — торжествует он так, будто отыскал драгоценный клад. — Вот мое спасение. А ты... ты моя погибель. Ты мне всю жизнь... Щас я с тобой за все рассчитаюсь.

Крутнув веревку, он швырнул ее на диван, пытаюсь заарканить собеседника, и лишь теперь видит, что в комнате никого нет. А может, и не было? Очередная его галюцинация? Но конец веревки в руке удостоверяет: он только что говорил со своим «попечителем», и тот растворился в пространстве, стоило ему призвать имя Христа. И в немом благоговении опускается на колени неистовый гонитель церкви, повторяя без устали: «Господи, прости!»

Уже в полной темноте он встал с колен, зажег керосинку со стеклом и принялся за чтение Нового Завета, с каждым стихом открывая для себя новый, во многом непонятный мир. Но теперь он был уверен, что придет время, когда поймет все.

Осенью светает в Сибири поздно, и едва забрезжил рассвет, он оделся по-праздничному и пошел в деревню, уже твердо зная, что будет делать. Любопытные сельчане насторожились, видя, как их нелюбимый Сыч прошел по улице и скрылся в покосившейся хибарке Прасковьи. Что, кроме зла, можно ждать от такого гостя? Да еще памятуя его расправу с ее старшим. Поэтому мужики похрабрее поспешили туда же с кольями, чтобы, мол, в случае чего отвадить непрошеного визитера. Ну, подобрались, прислушались. До-олго ждали: нет, не вопит о помощи Пана. И пацаны то и дело во двор выбегают, чугунки с хохоряжками старыми с заплота снимают да снова в избу. Завидели среди толпы Семена, колхозного конюха, и старший, Митька, кричит, не скрывая радости:

— Дядь Сеня, дай телегу, мамка просит.

— А чего это распонадобилось?

— Дак переехать, — заважничал пацан. — Сыч нас... — и спохватился: — Не-не, не сыч. Дядька Трифон в свой дом зовет жить.

Больше того, и Пана выходит об руку с Трифоном, улыбается смущенно: вот, мол, сама не верю, так вы рассудите.

Поклонился низко Трифон-Антон толпе:

— Простите меня, люди добрые. За все простите. Один я на всем белом свете, и нет никого, кого бы я мог попросить схоронить меня. Да вплоть до вчерашнего дня мне как-то и без заботы было: какая мне будет разница, кто зароет. Теперь же хочу примириться с вами, потому

что вчера мне открылся Христос и простил мои грехи. Вот я и думаю: раз Христос простил, то и вы простите. Митька вон тоже простил. И Прасковья простила. Пусть теперь живет в моем доме с огольцами, документы я днями оформлю. А мне и временки хватит. Да, может, и она не понадобится, если умру скоро.

Он еще хотел что-то сказать, но смолк, приложив руки к груди: мешали слезы, и к тому же сюда лихо подкатил Семен на телеге.

— Не передумал ишо? — подозрительно посмотрел на Трифона, спрыгнув на землю. — А то ведь я разверну.

— Нет, Семен, дело решенное. Ты лучше грузить подсоби.

— Дак это мы всем миром. Это мы мигом.

Вскоре телега, груженная немудреным скарбом, за скрипела через всю деревню по направлению к хутору, сопровождаемая гурьбой ребятишек, а толпа селян разделилась в мнениях. Кто-то сразу же забыл о жестоком, нелюдимом Трифоне и увидел теперь в нем обыкновенного инвалида, которого надо бы пожалеть. Дескать, поэтому и одиноким затворником был. Другие робко вспоминали Бога. Третьи выразительно крутили пальцами у виска, скрытно жалея не его, а добро, которое задарма досталось почему-то не им:

— Тронулся Сыч умом-то. От тоски, видать, тронулся.

— Это не он. Это Бог его тронул. Слышали? Сам ведь сказал, что Христос ему открылся?

— Может, и открылся. А он тронулся. Кто ж такое богатство в здравом уме и доброй памяти отдаст? Вот так — ни за грош? И кому? Разве ж может простая баба дать толку такому хозяйству?

— Даст, не даст, а повезло Прасковье. И пацанам повезло.

— Это он за Митю расплачивается, ирод. Чует смертоньку близкую, вот и заигрывает с Богом. Посадить его надо было.

— Сказанул! Кому от того бы легче было? Тебе?

— А че я-то? Я ниче.

— А мне жалко Сыча. И слава Богу, что Он так переменял его.

— Ага. Ты больше Бога поминай, так и загремишь на нары.

— Дак мы и так всю жизнь на нарах, нашел чем пугать.

На этом обсуждение как-то сникло, и люди, пряча глаза друг от друга, медленно разбрелись по своим углам. Неровен час: «стукнет» кто-нибудь, а там недолго и к верующим приравнять; а на нары и впрямь никому неохота. Не тридцать седьмой, конечно, но вон сколько богомольцев снова этапами бредут по всей стране.

Антон, как и обещал народу, стал без промедления оформлять в сельсовете документы на Прасковью. Везде он появлялся в сопровождении ее старшего сына Мити, который гордо восседал на мотоцикле за его

спиной. А через два дня, закончив все дела, он поехал в Красноярск. На прощание его обступили дети, и самый малый, подавив робость, затеребил его за руку:

— Дядь Трифон, привези машинку-самосвал, а? Привезешь?

Склонился Антон к нему, прижался щекой к его головке:

— Обязательно привезу. Всем подарки привезу.

И отвернулся, чтобы не успели разглядеть его слез, завел мотоцикл и умчался со двора, почти не глядя на дорогу.

«Господи! — безмолвно кричал он к Богу, — сколько же счастья я потерял в этой жизни! Но за один этот миг я славлю имя Твое. Я ожил, я ощутил Твою любовь к себе через это маленькое существо. Слава Тебе! Ах, как хочется, чтобы это длилось как можно дольше!»

—*—*—*—

Внебольшом зале по обе стороны прохода стояли ряды деревянных скамеек, на которых разместились человек двенадцать. Старший Ромке, проповедуя с импровизированной кафедры, увидел, как двое молодых братьев ввели Курамшина в зал и предложили сесть на свободное место.

— Нет-нет! Пусть брат проходит сюда, — громко сказал Рудольф. И пояснил своим прихожанам: — Это тот самый Трифон, который отдал свой дом сиротам. Не удивляйся, брат, наш телеграф в отличие от государ-

ственного работает оперативно. Хорошая новость не лежит под спудом, а птицами разносится по округе. Вот нам сорока на хвосте и принесла ее. — Тут он сделал знак рукой: — Ксения, иди сюда, привечай гостя. Смелее, смелее, Трифон. Что, что там?

Это гость, уже шагнувший было к кафедре, вдруг встал, как вкопанный, услышав произнесенное имя. Сомнений не осталось, и как ни готовился он к подобному развитию событий (не исключал ведь уже, что она жива), но трагизм ситуации вышиб из него все заготовленные слова. Еще миг — и он рухнул на колени и, захватив голову руками, стал раскачиваться из стороны в сторону. Лишь что-то похожее на подвывание волка донеслось до прихожан, в то время как все его тело сотрясалось в конвульсиях. В тот же самый момент у кафедры опустилась на колени и Ксения. По-видимому, оба они одновременно вспомнили тот роковой миг в Белозерке, и, похоже, силы оставили и ее. Но вот в зале, в установившейся тишине стало отчетливо слышно ее славословие Бога. И как бы откликаясь на эти слова, Антон, сложив руки на груди, так на коленях и пополз вперед. Вид его казался прихожанам настолько жалким и даже обреченным, что сразу несколько человек попытались приподнять его, но он жестом остановил их, а когда приблизился к Ксении, склонился головой до пола и трясущимися губами прошептал:

— Ксения, я не Трифон Курамшин.

— Я знаю, — глядя куда-то вверх, сказала она.

— Я — Антон. Тот самый Бузыкин, который убил тебя...

— Господь сохранил мне жизнь. Так Ему было угодно.

— Простишь ли хоть когда-нибудь? Ведь это не прощается. Но я приму любое твоё решение. Теперь я в твоей воле.

— Воля у нас одна — Божья. Мы все должны исполнять не чью-то, а только Его волю, и я тут не исключение. Грехи прощает Бог. А раз Он привел тебя сюда, значит, и простил.

— Стало быть, ты... — в надежде он весь так и подался вперед.

— Стало быть, простила и я.

Рудольф, а с ним и вся церковь встала на колени, поочередно славя Господа за ещё одну обращенную душу. И вот уже совсем неожиданно к молитве присоединяется робкий голосок Верочки — неожиданно в первую очередь для своей бабушки Ксении. Ведь с той поры, как Вера узнала эту историю, она всем своим существом противилась ее готовности простить Бузыкина, появившись он вдруг ещё раз в ее жизни. Никакие доводы о прощении не могли разубедить ее.

— Как ты можешь так говорить, бабуля? — с юношеским максимализмом горячилась она, когда Ксения в очередной раз взывала к ее разуму. — Всему есть предел! А тот мерзкий мужик действовал уже за пределами зла. Он разрушил твоё счастье, лишил тебя всего! И ты бы простила его, если бы встретила?!

Так она реагировала до сегодняшнего дня, вплоть до этой минуты. Теперь, увидев, в каком смирении стоит ее бабушка перед Богом и какой благодарностью Господу светится ее одухотворенное лицо, Вера наконец постигла сокровенный смысл не раз цитируемых ею стихов: **«Никому не воздавайте злом за зло, но пекитесь о добром перед всеми людьми. Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божьему. Ибо написано: „Мне отмщение, Я воздам“, — говорит Господь. Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напои его; ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром»** (Рим. 12: 17–21).

Бабушка победила зло, и победила его добром!

И произошло это только благодаря Богу! Окрыленная собственным выводом, Вера стремглав выбежала вперед и встала на колени рядом с Ксенией. Это был сиюминутный, а оттого и еще более искренний порыв души. Сегодня и она в победителях: в покаянии перешагнула через неприязнь к человеку, которого, даже ни разу не видев, причисляла к своим злейшим врагам. Потому-то и слышит она, как стучатся в сердце слова Спасителя: **«А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного...»** (Мф. 5:44–45).

И от полноты сердца молится Вера вместе со всеми за вот этого человека. А когда уже встают христиане с колен, то поздравляют сразу двух покаявшихся грешников.

— Нашего полку прибыло! — довольно улыбается Рудольф и тоже обнимает их по очереди. — Слава нашему Спасителю!

Долго, очень долго в эту ночь семья Ромке и их гости не сомкнули глаз, слушая исповедь Бузыкина. А он все говорил и говорил, словно боялся не успеть рассказать о чем-то главном. Потом это главное зашло у него другим, казавшимся ему более важным, и он торопился досказать и об этом. Ничего не утаивая, ничего не приукрашивая, потому что чувствовал, как с каждым эпизодом освобождалась душа от непосильного гнета, степень тяжести которого он осознал только сейчас. А нес-то всю жизнь.

«Господи, сколько же горя причинил человек сам себе», — думал каждый из присутствующих, и именно так то и дело восклицал сам Антон. И уже под утро, полностью высвободив душу, но не опустошив ее, он вопросительно поднял глаза:

— Теперь, когда вы знаете все, сможете ли простить? Или хотя бы подать руку?

— Наш Господь не делит грехи на малые и большие, Антон, — сказал Рудольф. — У Него не бывает так, чтобы один грех прощать, а другой оставлять для исправления. Он простил тебя, когда ты каялся, и ты

познал это. Кто же мы, чтобы противиться Ему? Ты прощен, и ты наш брат. И как я тебе обещал, завтра примешь крещение. Не сегодня, потому что уже утро, а именно что завтра.

После крещения, состоявшегося на следующий день на берегу Енисея, Антон распрощался с вновь приобретенными братьями и сестрами и, купив разных игрушек и сладостей, отбыл домой. Раздарив гостинцы детям, он устало присел на завалинке.

— Дядь Трифон, — внимательно смотрит на него Митя. — Ты че-то съездил и какой-то другой стал, а? Или это мне только кажется?

— Нет, Митя, я, и правда, теперь другой. Совсем другой. Не Трифон и даже не Антон Бузыкин.

— Да кто ж ты тогда? — развеселился паренек.

— Наверное, никто. Пока — никто.

— Так не бывает, чтобы никто, — энергично мотнул головой Митя. — Кто-нибудь да есть. Кто?

— Кто? — на секунду задумался Антон и улыбнулся чему-то приятному, будто ему подсказали ответ. — Раб я, Митя. Раб Божий. — И, усадив его рядом с собой, доверительно шепнул: — Ты прав, Митя, человек всегда кто-нибудь да есть. Не важно, кто, важно только, чтобы он жил с Богом. Чтобы верил в Бога. Ты ведь веришь в Бога?

Мальчик неопределенно пожал плечами.

— Верь, Митя. Без Бога нет жизни. Без Него ты вроде и живешь, а на поверку... — он пытался подобрать

слово. Не смог: — А на поверку не живешь вовсе. Ни ты никому не нужен, ни тебе никто. И я прожил такую, никому не нужную, жизнь. А теперь, гляди-ка, она мне яви... — Антон вдруг смолк на полуслове, и заворуженно уставился своим единственным глазом в пронзительно голубое небо, словно увидел там кого-то. По щеке его катились слезы.

— Кто? Кто явилась? — робко коснулся его Митя.

Антон словно очнулся и, обняв мальчика, заторопился:

— Жизнь, Митя. Вон она, видишь? Только я уже не успею ее жить здесь. Но мне хватит и того, что проживу ее с Богом там, в вечности... — И как-то заискивающе заглянул парню в глаза: — Ты ведь не будешь поминать недобрым словом? Ты ведь простил меня?

— Дя-ядь Трифон, — укоризненно протянул паренек.
— Договорились же...

— Да-да. Пообещай, что, когда я умру, ты будешь приходить ко мне на могилку и вспоминать только хорошее. Обещаешь!

— Дак это, конечно. Только хорошее, чего ж еще-то.

— Ну, вот и ладно, — удовлетворенно выдохнул Антон. — Вот и ладно. Принеси-ка воды. Душно мне что-то. И зовут меня...

Сообщив матери, что «дяде Трифону чего-то не можется», Митя мигом вернулся с кружкой воды и боязливо замедлил шаги. Обеспокоенная тревожной вестью, Прасковья шла следом и, сразу распознав беду, придержала сына. Антон сидел все в той же позе, только

голова его теперь была неестественно сильно запрокинута назад, так что касалась стены. На его лице покоилась смиренная, жалобная улыбка, и сам он как бы продолжал свое наблюдение за той жизнью, которую увидел там, в небесах, и не мог отвести взгляда.

— Упокоился, болезный, — тихо подошла к нему Прасковья и чуть приподняла ему голову.

— Мам, может, за Логунихой сбегать? — шмыгнул носом Митя.

— Не надо, Митя, — платочком промокнула она повлажневшие свои глаза, — медсестра ему не поможет. Он уже у Бога, вишь, как улыбается? Вот и дадим ему счастьем насладиться. Не шибко-то оно его баловало по жизни, а тут, видать, подоспело. — Она торопливо осенила себя крестом: — Страшно он жил, грешно, сам сказывал, а последнее время все Бога просил помиловать его. Все жалел, что некому будет даже вспомнить о нем. Вот Бог-то и помиловал, значит. И грех его, видать, простил. Иначе бы он уж не улыбался. Да и мы будем его помнить. Царство ему Небесное!

«Не скоро совершается суд над худыми делами; оттого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло. Хотя грешник сто раз делает зло и коснеет в нем, но я знаю, что благо будет боящимся Бога, которые благоговеют пред лицом Его» (Еккл. 8:11–12).

Виталий Полозов

На бурных перекатах

Директор: Павел Давидюк

Ответственный за выпуск: Вальдемар Цорн

Редактор: Вальдемар Цорн

Корректор: Елена Пеннер

Верстка и дизайн: Андрей Цорн

Свидетельство о государственной регистрации,
№ 1 074 107 0004 023994, выдано Шевченковской районной
в г. Киеве государственной администрацией 13.10.09

Изд. № 01.542. Подписано в печать 05.05.13
Бумага 80 гр. Lux Cream. Формат 84x108/32
Гарнитура: AcademyC, Mistral, Times New Roman
Печать офсет. Усл. печ. л. 21. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 00614538

УМО «Свет на Востоке», ул. Хорольская, 30,
02090, г. Киев, Украина

Отпечатано в типографии CPI books GmbH,
Eberhard-Finckh-Straße 61, 89075 Ulm, Germany

Основанная на реальных событиях замечательная повесть «На бурных перекатах» известного христианского писателя Виталия Полозова описывает эпоху гонений, имевших место в двадцатом столетии в бывшем СССР.

Несмотря на то, что книга повествует о гонениях на христиан в этой атеистической стране, в ней, как и во всех произведениях писателя-христианина, отражена победа света над тьмой, истины – над ложью, добра – над злом. И в этой борьбе утверждается единственная надежда человека на Господа Иисуса Христа, на Его преображающую силу.

